

Наталья
ПАВЛИЩЕВА

Виктор
ПОРОТНИКОВ

КРАХ ПРОКЛЯТОГО ИГА РУСЬ ПРОТИВ ОРДЫ

Виктор Поротников

**Крах проклятого Ига. Русь
против Орды (сборник)**

«Яуза»

2013

Поротников В. П.

Крах проклятого Ига. Русь против Орды (сборник) /
В. П. Поротников — «Яуза», 2013

ТРИ БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ. Дань вечной памяти величайших героев Древней Руси, сбросивших проклятое Иго. Они выстояли на Куликовом поле, нанеся Орде первое серьезное поражение. Они стяжали бессмертную славу, разгромив полчища Мамаю. И пусть для окончательного освобождения потребовался еще целый век – именно после Мамаева побоища Русская земля подняла голову, собираясь с силами для грядущих побед. И в 1480 году, когда хан Ахмат с огромным войском отправился в карательный поход против Москвы, на реке Угре его встретило новое поколение русских людей, с рождения не знавших степного кнута, верящих, что «поганных» можно и должно бить, готовых заплатить за избавление от ордынского гнета любую цену...

© Поротников В. П., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Наталья Павлищева	5
Предисловие	5
Беда на земле Русской	7
Сын великого князя	11
Князь Московский	18
Будешь великим князем!	22
Дмитрий Суздальский	25
Поездки в Орду	30
Борьба с будущим тестем	38
Беда	44
Братская замятня	49
Сергий Радонежский	54
Женитьба	66
Олег Рязанский	76
Кремль	82
Тверь	84
Литовщина	88
Брат Владимир	92
Спор с Тверью	102
Снова в Орду	108
Нестроение церковное	114
Обида	115
Друзья	121
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Наталья Павлищева, Виктор Поротников Крах проклятого Ига. Русь против Орды

Наталья Павлищева
Дмитрий Донской. Куликово поле

Предисловие

Историческая справка

Князь Дмитрий Иванович Донской, 12.10.1350–19.05.1389 г. – победитель Мама в **Куликовской битве** на поле при впадении р. Непрядвы в Дон 8 сентября 1380 года, за что и получил прозвище **Донской**.

Праправнук Александра Невского, внук Ивана Даниловича Калиты, стал князем в возрасте девяти лет после смерти сначала дяди Симеона Гордого, а потом отца Ивана Красного. Великокняжеский ярлык получил в одиннадцать. Первые годы за него правили митрополит Алексий и московские бояре.

Все годы правления боролся за объединение русских княжеств под властью Москвы, в первую очередь с Тверским и Суздальско-Нижегородским князьями. При Дмитрии Донском Русь практически перешла от оборонительной к наступательной войне с ордынскими ханами. Знаменательными стали победа над ордынским войском под предводительством Бегича и особенно разгром войска Мама на Куликовом поле. Но через два года после Куликовской битвы Москва снова была сожжена ханом Тохтамышем, и дань Орде пришлось платить еще долго. Только правнук Дмитрия Донского Иван III Васильевич смог разорвать зависимость от Орды (хотя сама Орда уже давно распалась на множество отдельных улусов).

Дмитрий Донской был женат на суздальской княжне **Евдокии Дмитриевне**, от которой имел восемь сыновей и четырех дочерей. Евдокия Дмитриевна пережила мужа на восемнадцать лет и была регентшей при своем взрослеющем сыне. Незадолго до смерти приняла постриг под именем Ефросиньи. Это святая **Ефросинья Московская** – покровительница Москвы, признанная Женским лицом столицы.

Сын Василий I Дмитриевич стал следующим Великим князем Руси. В тот период великим князем именовался каждый князь независимого княжества, например Тверского, Рязанского, Суздальско-Нижегородского, но только обладание ярлыком на Владимирское княжение позволяло зваться **Великим князем Всея Руси**. Именно за него бились между собой князья, оставаясь при том великими князьями своих княжеств.

При Дмитрии Донском произошла смена наследования власти, она впервые перешла не к старшему в роду, например брату умершего, а к сыну правителя (по духовному завещанию великого князя Дмитрия Ивановича власть получил не его двоюродный брат Владимир Андреевич, а сын Василий). Это положение еще не раз после оспаривалось, но в принципе осталось неизменным, пресекая кровавые свары за власть между родственниками.

Главная заслуга перед потомками – **победа на Куликовом поле** в битве с ордынским темником Мамаем, когда отставалась сама возможность существования Руси. За эту победу князь Дмитрий Иванович получил народное прозвище Донской, а его брат Владимир Андреевич – Храбрый. Стратегия и тактика ведения битвы достойна изучения потомками, русские победили не числом, а умением, в первую очередь умением своих полководцев.

Для нас Дмитрий Иванович прежде всего победитель Мамай, хотя он много сделал для развития своего Московского княжества – населял пустующие земли новыми людьми, строя для них за государственный счет целые деревни, создавал артели мастеровых, возвел первый каменный Кремль... Позже праправнук Донского Иван III перестроил его, значительно увеличив.

Прожил князь Дмитрий Иванович Донской совсем немного, умер на 39-м году, но в памяти народной остался навеки как защитник Руси. И место ему рядом с князем Александром Невским.

Князь стоял, подняв голову вверх и к чему-то прислушиваясь. Воевода тоже замер. Высоко в небе курлыкали журавли, видно летел клин, птицы слетывались перед дальней дорогой.

– Пора, княже... – Боброк точно извинялся, что помешал Дмитрию слушать далекий птичий зов, а потому добавил: – Чуть погода туман рассеется, как бы ордынцам на глаза не попасть раньше времени...

Дмитрий Иванович коротко кивнул, все так же глядя вверх:

– Пора... Рано полетели, видно, зима крепкая будет.

Они споро зашагали вдоль русского стана, проверяя, все ли в порядке. Весь день и потом еще ночь русские полки переправлялись через Дон и скрытно вставляли на заранее оговоренные места в поле. Удалось, помог тот же туман. Что увидят они, когда пелена над Непрядвой рассеется? Там ли ордынцы, стоят ли? Разведка доносила, что неподалеку, но Мамай хитер, мог и обманные тумены выставить...

Тревожно, ох, тревожно на сердце у великого князя Дмитрия Ивановича. Все поставлено на кон, проиграть нельзя. Поражение в этой битве – это поражение всей Руси и на веки вечные! Впереди Мамай, позади Ягайло, сбоку, затаившись, сидит Олег Рязанский. Если татары побьют нынче русских, то Русь растащат каждый себе: Ягайло оторвет все, что Литве ближе, Олег – что к Рязани, а Мамай изничтожит остальных. Ему в Большую Орду хода нет, потому будет свою ставку на Руси делать...

Так тяжело, как сейчас, пожалуй, никогда не было. Даже при Батые и Неврюе ордынцы ходили набегами, а ныне зубами рвать землю Русскую начнут. Нельзя Дмитрию Ивановичу со своими русичами проиграть, никак нельзя...

Далеко на востоке поднималось солнце, пытаясь пробиться сквозь плотную пелену тумана. Занимался новый день – 8 сентября 1380 года, день Рождества Пресвятой Богородицы, день Куликовской битвы...

Беда на земле Русской

И вовсе не хотелось звенигородскому князю Ивану Ивановичу, среднему сыну Ивана Калиты, становиться великим князем! Ему и своего Звенигородского удела достаточно. Это братья Симеон да Андрей к власти рвутся, а Ивану домашних радостей хватает, жены любимой княгини Александры с сыночком Димитрием. Пусть Звенигородский удел невелик, что с того?

Московское княжество богатеет год за годом, хотя Орде платит большущую дань. Отца звенигородского князя Калитой не зря прозвали, скопидом был, каких редко встретишь, все к себе греб. Нагреб столько, что и Орде хватало, и дома оставалось.

Симеон за отцом тоже крепко Москву держит. Только братья часто спорят про дань. Младший Андрей старшего брата Симеона поддерживает, мол, лучше ордынцам великую дань отправлять, да при том самим жить спокойно, чем воевать с ними всякий год. А Ивану не по нутру Сарай дарами засыпать.

Иван Иванович тряхнул головой, освобождаясь от тяжелых мыслей. Пусть себе старший брат думает, он великий князь, ему и решать. Сам-то Иван Красный, будь его воля, пооблегчил бы ярмо для русичей. Симеон, не зря Гордым прозван, раз услышав такое, только фыркнул, как рассерженный кот:

– Вот то-то и оно, что бодливой корове бог рогов не дает! Умный больно. Дань облегчишь, чем Орде платить станешь?!

Но сейчас князя Ивана заботило другое – на Руси появилась-таки черная смерть. Эту страшную заразу все прошлые годы опасливо ждали из-за Волги, когда стали приходить пугающие вести от Орды. Но Бог миловал, погуляла зараза по границам Руси, а не тронула. В Орде немало народа полегло, потом с купцами к фрягам и их соседям перебралась, но русские земли миновала вроде... Уже успокоились, а язва с другой стороны явилась, откуда и не ждали – ганзейские купцы из-за моря принесли! Обошла-таки проклятая вокруг и Новгородом подбралась!

Черная смерть косит всех без разбору, ей все равно – князь или смерд. Люди начинают кровью кашлять, черным огнем и сгорают, нет от него спасения. Да так косит проклятая, что города пустыми остаются. Живые не успевают не то что отпеть, просто хоронить мертвых! Не по-людски, не по-христиански, но роют скудельницы близь храмов и складывают трупы рядками, на большее сил не хватает. На десяток почивших едва одного живого сыщешь. В Белозерске, слышно, ни души не осталось, в Глухове тоже... в Смоленске пятеро живых тихо притворили ворота мертвого города и ушли куда глаза глядят.

Седмицу назад князь сам слышал пересказ, как человек сгорает от проклятой. Из Торжка приехала невестка ближнего боярина Фомы, смотрела остановившимся взглядом, точно порченная, трясущимися губами рассказывала, как у нее вся семья братова померла, едва сама успела бежать и детишек увезти. Боярин ругал глупую, что не вовремя детей к своим отцу с матерью прощаться возила. Верно ругал, их уже в живых не застала, и брата толком схоронить не сумела, вместе с другими в скудельнице зарыли, и сама едва не сгинула. Ее ближняя девка померла, до Москвы не доехав.

Слушая, вздыхали все: сколь же виновны русские пред Господом, что за грехи погибель не только старым, но и малым шлет! Страшную смерть. Сказывала Маланья, что мутить человека начинает, потом вдруг кашлем кровавым заходится, черными пятнами, точно меченый, покрывается и сгорает за три дня. Этот кашель кровавый и пятна и есть приговор, кто кровью захлебнулся – уже не выберется.

Во Пскове, который первым проклятье Господне на себе испытал, богатые по городу ходили, не то что милостыню, все свое добро раздавали, но не брал никто. Не хотели люди

свои грехи множить, другого человека спасая. Кто мог, бежали куда глаза глядят, но не всем удалось и бежав выжить. Зато разнесли сначала по округе, потом и дальше беду неминуемую.

В марте и в Звенигород принесли тяжелую весть, что в московский княжий дворец добрался мор, слег старший брат великий князь Симеон, плох очень! А митрополит Феогност уже помер! Иван Иванович с княгиней Александрой всю ночь стояли службу, за здоровье великого князя и его семьи молились, а поутру звенигородский князь собрался ехать. Александра боялась за мужа, очень боялась, едет ведь хотя и к братьям, но больным, как бы самому не заразиться... Боялась, но молчала, негоже среднему брату не повидать старшего. А мор?.. Все в божьей воле, кому суждено помереть, тот не выживет.

У великого князя Симеона счастье в дому и раньше не всякий день бывало. Он женился уж в третий раз, первая жена Ольгердова дочка Августа померла, вторая оказалась пустой, но и у третьей Марии Тверской, обвенчать с которой едва-едва уговорил митрополита, что ни дите, то не жилец. До года не дотягивали или вовсе рождались мертвыми. Потому, когда целый год прожил Ванятка, названный в честь деда, радости отца не было предела. А следом за ним еще один сыночек родился, и снова крепенький.

Что могло помешать князю? Он силен как никто другой, наказ отца Ивана Даниловича, прозванного скорыми на язык москвичами Калитой, держит твердо, и сам Симеон прижимист, но с толком. Зря деньги не потратит, но и не пожалеет, если на дело надо. Братья со старшим не враждуют, что Иван, что Андрей наказ отцовский блюдут, во всем разумного Симеона слушаются. В одном беда была – наследника не хватало, так и с этим справился!

Конечно, тяжела жизнь нынче, то засуха, то мор... Зато с Ордой миром живут, с ханом Джанибеком дружны, если вообще можно дружить русскому князю с ордынским ханом. Только начала жизнь налаживаться, второй сыночек родился, Симеон в свою долю поверил, а тут черная смерть до Москвы добралась!

Кто принес? Бог весть. Наказанье Божье, по всему видно, да только как понять, кого наказывает? Не всегда худшие в черном огне сгорают, сколько толковых померло – не перечсть. Москва словно враз почернела. А еще красный цвет... Этот от крови, какой люди кашляют перед смертью.

Запереться бы, спрятаться, переждать... Да как запрешься, если есть, пить надо, скотину кормить, да и дела делать? Мужик знает: завтра помирать собрался, а сегодня все равно сей. Но скоро и сеять на Руси некому будет.

Митрополит распорядился, чтобы чернецы подбирали умерших. По городу словно в страшном сне двигались одетые в черное люди, собирая и складывая на дроги трупы. В остальном город опустел. Но скоро и чернецы уже не справлялись, тогда тысяцкий Василий Протасьевич Вельяминов приказал своим помочь, а чтобы не забоялись, сам вместе с другими пошел. Усовестились воины, но от смерти это никого спасти не могло.

Напротив, хуже сделали, видно, кто-то и принес митрополиту и в княжеские покои заразу страшную. А та уязвила сначала самое дорогое – первыми померли маленькие княжичи. Но еще раньше – митрополит Феогност. За одну неделю князь Симеон потерял и наставника, и наследников. Вельяминов, сам уже недужный, смотрел на Симеона Ивановича и понимал, что тот не жилец. Князю всего-то тридцать шесть, а состарился вдруг, почернел и без язвы. Такому занедужить легче легкого.

Так и произошло – следующим слег сам Симеон Иванович. Потому помчался гонец в Звенигород к младшему брату князя Ивану, чтоб успел попрощаться со старшим... Другой брат Андрей Иванович и без того был в Москве.

Иван Иванович поцеловал жену, махнул рукой сопровождавшим и, не оборачиваясь, направил коня прочь со двора. Княгиня не сдержала вздох: вернется ли?

Никогда прежде Иван Иванович не смотрел такими глазами на землю, что ему дедом и отцом завещана. И не в том дело, что теперь князем московским мог стать, а потому как была эта земля точно истерзана.

Большинство деревень старались проехать не то что не останавливаясь, а вовсе галопом. В Москве людские трупы чернецы подбирали, а кто в вымерших селах это делать станет? Если и оставался живой, то помер бы от вони, что вдоль дорог стояла. Из запертых хлебов доносился рев голодной скотины, были страшным воем не снятые с цепей собаки либо кидались одичавшие, сумевшие оборвать привязь или выпущенные помиравшими хозяевами. Черными стаями носились с жутким карканьем вороны. По их горластым стаям можно было издали определить вымершую деревню.

Но останавливаться и проверять, есть ли живые, или спасти скотину нельзя. Не ровен час и сам рядом сляжешь, а хуже того – заразу с собой привезешь в дом, где ее еще нет. Потому и гнал князь вместе с остальными коней поскорее.

По Москве еле движутся дроги, их тащит понурая кляча. Она не столь худа, сколько чует, что груз у нее за спиной тяжкий. Одетые в черные балахоны послушники с владычного двора собирают страшную дань, взятую черной смертью. Не на всяком дворе и откликаются на их зов, чаще просто некому.

На крыльце небогатого дома появился всклокоченный, весь в черных пятнах, залитый кровью мужик, огляделся страшными, ословелыми глазами и двинулся к невысокому тыну, с другой стороны которого стоял, с жалостью глядя на бедолагу, сосед.

– Петро, как ты? А Надея? Третий день уж не видно...

Больной, едва передвигая ноги, доплелся до тына, с трудом повис на нем:

– Нету... ни Надеи... ни ма... тери... ни брата, ни дет...ток... ник...кого!..

Он с трудом держался, повиснув на ограде, и вдруг горько засмеялся:

– Все померли... и я пом...ру!.. А ты живой! Со мной! И ты со... мной! – пальцы умирающего вцепились в рубаху соседа, а хлынувшая горлом кровь залила руки и лицо здорового. Хрипя, больной стал заваливаться, обрывая рубаху соседа, тот стоял, оцепенев. Умирающий мужик сполз по тыну и остался лежать, неловко подвернув под себя руку.

Из соседского дома вышел голопузый мальчонка, стоял, с увлечением ковыряя в носу, и с любопытством смотрел на отца. Монах, берясь за ноги помершего, покачал головой и посоветовал замершему в нерешительности соседу:

– Ты кровь-то смой... может, обойдется...

Тот невесело усмехнулся. Все хорошо понимали, что вот эта кровь означает смерть. Пока не трогал умирающего, еще мог надеяться, а теперь уже вряд ли.

Из дома действительно вынесли старуху, еще мужика, женщину и четверых ребятишек. В избе все лежали вповалку, вповалку их сложили и на дровнях. Один из послушников показал на двор здорового:

– Надо зайти через несколько дней.

Второй кивнул, тоже с трудом передвигая ноги. Ясно, что и этим здоровым жить недолго осталось, мойся не мойся...

Но заглянуть через несколько дней не удалось, из самих послушников в живых остался лишь один, самый хлипкий и малосильный. Он оказался вблизи тех дворов, только когда болезнь пошла на спад и по Москве уже стало можно ходить, не натываясь то и дело на трупы. Проходя быстрым шагом мимо, он вдруг вспомнил тех двух соседей и чуть приостановился.

Дом Петра и Надеи стоял вымершим, а вот от соседа доносился стук топора – хозяин как ни в чем не бывало рубил дрова! Послушник подошел ближе, окликнул:

– Эй, ты живой?!

Мужик поднял голову, невесело усмехнулся:

– Я-то да, а вот у соседа все померли.

- Я знаю, помнишь, мы соседа твоего забирали.
- Помню, – мужик отложил топор, подошел ближе.
- А ты как живым остался-то?

Тот развел руками:

- Бог миловал. И меня, и всю семью.
- Да ну?!

Из-за угла сарая выглянул тот самый мальчонка, заметно подросший, снова сунул палец в нос и с любопытством уставился на отца с гостем. Мужик кивнул на огольца:

- Вона, все шестеро!
- Как тебя зовут-то? – обратился послушник к мальчонке.
- Ванячко... – засмущался тот.
- И все шестеро сыновья?

– А то! – горделиво подтвердил мужик. Из дома вышла, видно, жена, подошла, важно неся свой большой уже живот, протянула послушнику ковригу и что-то из снеди, завернутое в чистую тряпицу:

- Помолись за нас.
- Как зовут вас?
- Степан и Марья. Бондаря Михея мы, Бондаревы.
- Помолюсь...

Иван Красный в Звенигород не вернулся. Но не потому, что слег, а потому, что вдруг стал великим князем, в одночасье потеряв и старшего брата Симеона по прозвищу Гордый, и младшего Андрея, что мог прийти на замену Симеону, и даже митрополита Феогноста. Черная смерть не пожалела княжескую семью, остался из братьев один Иван.

В том и разница между князем и смердом, что смерд оставался лежать посреди своего обезлюдевшего двора, пока монахи не подберут или птицы плоть не расклюют, а князя, хотя и почерневшего, отпели и похоронили с честью. И оплакивать его было кому, хотя из всей семьи выжила только княгиня Мария и младший брат Иван. Бог миловал.

Мор пошел на убыль лишь зимой, то ли вымерли все, кого Господь себе прибрать решил, то ли язва стужи зимней испугалась... Только весной чуть пришла в себя осиротевшая Русь, снова зашевелились опустевшие было дворы, залаяли новые псы за тынами, замычала скотина, закудахтали куры. Но главное, слышались людские голоса и детский смех. Детский смех – первый признак того, что жизнь продолжается.

Сын великого князя

Иван Иванович стал московским князем. Теперь надо бы и в Орду за ярлыком на великое княжение ехать. Ханом обещано, что в случае смерти Симеона ярлык ему перейдет, но ордынским обещаниям верить, что весенней погоде, у ханов на один час сто мыслей разных. Им все русские князья что песок в реке – кто подарки дороже даст, того и ярлык.

В Орду Ивану не впервой, не раз бывал уже, в год рождения своего первенца ездил вместе с братьями, богатые дары возил, хана Джанибека задабривал. Любимая жена Александра дома страху натерпелась, не всегда князья из Орды живыми возвращались, не всегда и после долго жили. Но все обошлось, и с Иваном ничего не случилось, и младенец здоровеньким в октябре 6858 (1350) лета родился. Нарекли Димитрием в честь заступника Димитрия Солунского. Славный покровитель у маленького княжича.

И снова жена на сносях, а князю в дальний путь собираться. Но у него жизнь такова – не захочешь, а поедешь. Не ты, так другой ярлык возьмет, перекупай его тогда.

Но до князя в Орду отправился новый митрополит Алексей. Прежний Феогност давно готовил себе преемника, точно предчувствовал беду. Поставил Алексея своим наместником во Владимире, чтобы привыкал. Только Алексею что привыкать, он все время вместе с Феогностом, в его делах разбирался хорошо.

Русь давно от всех зависима. Князья перед каждым ордынским ханом спины гнут, подарки дорогие возят, но и митрополиты не меньше. Митрополитов над православными Руси Константинопольский патриарх ставит, они хотя и греки, а в Орду тоже ездят, тоже задабривают. Почему? До хана Узбека, который мусульманство принял, в Орде к священникам относились вежливо, не обижали. И Узбека митрополиту Петру тоже удалось замирить, а теперь каждое послабление подарками добывать надо, чтоб не брали в десять рук с церковью да монастырями.

Вот и получается, что ставят митрополитами в Царьграде, а утверждать приходится в Сарай-Берке. И в саму Византию без позволения Орды не проедешь, если нет подорожной, каждый обидеть может. Развел руками Алексей и отправился к хану. Правда, получилось, что к ханше, сам Джанибек в отлучке был, а правила за него разумная Тайдулла, в Золотой Орде так – жены да матери все в руки берут, если хана дома нет. И когда дома, их слово тоже не последнее, оттого подарки ханшам не хуже, чем их мужьям и сыновьям.

Новому митрополиту тяжело вдвойне. Алексей не грек, он русский, а таковых Царьград не жалует. Не верят греки, что русский среди православных сможет ничью сторону не блюсти, в стороне стоять. Тем паче московский Алексей. Сам он крепкого боярского рода Бяконтов. В монастырь ушел по своей воле, а ведь как старший сын мог все наследовать за отцом. Но оказалась тяга к духовному сильнее, на пятнадцатом годочке принял постриг, родители не противились, только отец условие поставил: далече в монастырь не уходить, семью не забывать. Алексей исполнил, во всем меру знал, и за монастырские дела болел, и за семейные, постригся в Благовещенском монастыре, что за Кремлем рядышком.

Для начала Алексею предстояло добыть подорожную, чтобы в Константинополь ехать.

Князь Иван Иванович был растерян, оставшись безо всякой поддержки. Если бы не бояре московские, то самому тяжело справиться. Но московское боярство сильно, на ноги встало при Иване Калите, крепко при Симеоне, в обиду нового князя не дало. Отправили в Орду подарки дорогие, привезли в обмен ярлык, стал Иван Иванович законным великим князем. Радовались бояре, послушен Иван Иванович, боярство не обижает.

Хотя пока в Орду дважды ездил, тревожный случай был, казалось, все может прахом пойти, но князь вовремя прислушался к умным людям. Даже если и поперек себя пошел, то вида не подал...

Княгиня Александра беспокойно вскинулась на ложе: крик за окном истошный или показалось? Прислушалась... Кричат. Убили вроде кого-то?

Ахти! Ежели бы простого смерда или холопа, так не вопили бы. Сердце сжал страх, она в Москве не так давно, пока не привыкла ни к палатам, ни великой княгиней быть. А мужу все недосуг, тоже непривычно, в Звенигороде куда как тише и спокойней.

Мужа рядом на ложе не было, он в Орде, у кого узнать? Встала, накинула на плечи большой плат, кликнула ближнюю девку. Но та спала, что ли, не отозвалась. Так и самих князей порешат, а челядь не заметит! – разозлилась после третьего зова княгиня. Сама толкнула дверь, чтобы выглянуть из горницы, и тут же налетела на Малашку, которую не могла дозваться.

– Ты что?! Спала?!

– Не... – замотала та головой, – на двор бегала. Орали там громко, бегала смотреть, что случилось.

Долгие разговоры дурехи надоели княгине, дернула подбородком:

– Ну чего без толку балаболишь?! Кто кричал?

Глупая девка вдруг прижала руки к груди, глаза от ужаса расширились, губы затряслись. У Александры сердце вмиг зашлось, неужто весть дурная, с князем что?! Пообмякла, стала вниз сползать. Малашка только успела подхватить, посадить на ближнюю лавку, руками перед лицом затрясла, воздух разгоняя, сама забормотала:

– Боярина ... Алексея Петровича ... Босоволкова, что Хвостом зовут ...

– Что? – наконец осознала, что беда не с мужем, княгиня Александра.

– Убили! – выдохнула Малашка.

– Ох, господи! Я думала, с князем что!

– Не, от князя вестей нет. А Хвоста, бают, от Вельяминовых убили, по их наказу.

Меньше всего среди ночи княгиню интересовали бояре Вельяминовы и даже убитый Босоволков. Она перевела дух и отправилась обратно в постель досыпать, но по пути вспомнила о сыновьях, не испугались ли? Малашка замотала головой:

– Не, спят как голубки.

А зря княгиня не задумалась над тем, что услышала от Малашки. Хвост был не средним боярином, он за князя Ивана Ивановича стоял еще при жизни Симеона, за что и поплатился изгнанием. Вернул его князь Иван не так давно и поставил... тысяцким! Тысяцкий на Москве птица важная, под ним ополчение, за ним сила. Много лет тысяцкими были бояре Вельяминовы, должность переходила от отца к сыну. А князь Иван Иванович вдруг взял и поставил своего приятеля Алексея Хвоста! Ладно бы с боярством посоветовался, так нет, сам все решил.

Алексей Петрович опасности не учуял, начал свое гнуть, слова про прежних тысяцких обидные говорить, вот и поплатился. Убили его посреде Москвы, когда звонили к заутрене. Кто? Бог весть, только все в один голос твердили, что Вельяминовых рук дело. Бояре и сами не отказывались, мол, за честь родовую постояли, как иначе?

Москва притихла. Что в городе беда, княгиня Александра поняла только утром, когда вдруг сказали, что Вельяминовы бегут из города с семьями и всем скарбом.

К княгине зашли княжичи, пока отца нет, оба льнут к матери. Старший Дмитрий плотный, коренастый, крепко сбитый, младший более тонкий и нежный, как девочка. Руки Александры легли на их головки – погладить, пока никто не видит, рыжеватые волосики. У старшего темнеть начали, а ведь были во младенчестве оба рыжими, что твое солнышко! Мальчики чуть

прижались к ее плечам, но Дмитрий тут же отпрянул. Ванюша запоздал и попался на глаза вошедшему быстрым шагом молодому боярину Ивану Васильевичу Вельяминову.

Боярин склонил голову перед княгиней, приветствуя, и не обратил никакого внимания на княжичей, но Иван тоже осторожно выбрался из-под материнской руки, все же не пристало даже маленькому лнуть к женскому плечу. Дмитрий уже стоял чуть поодаль, внимательно вглядываясь в лицо молодого Вельяминова. У Александры мелькнула мысль: неужто знает о ночном? Выходило, что знает и чего-то ждет от прихода боярина. Сама княгиня только головой покачала:

– Пошто влетел как на пожаре? Детей пугаешь!

Вельяминов недовольно мотнул головой: хотя и великой княгиней стала, а все тетеха! Была Санька дурехой, дурехой и в князьях осталась.

– Наши люди Хвоста убили, про то ведаешь?

Александра кивнула, вдруг с испугом прижав руки к груди. Маленький Иван спешно подвинулся ближе под материнскую защиту. Вельяминов бочком заметил, что Дмитрий, наоборот, весь напрягся, ноздри курносого носа раздулись, в глазах огонь. Ого! Этот никак и впрямь князь? Неужто в деда Ивана Калиту удался?

Но у боярина только мелькнула эта мысль, постарался отбросить, не до Калиты ныне и не до княжича тоже. Со дня на день князь Иван из Орды вернется, уже известно, что ярлык получил, что скажет? Алексей Хвост был его боярином, а ну как опала на Вельяминовых? Теперь вся надежда на эту тетеху, к которой младший княжич жмет. Александра и сама из Вельяминовых, неужто даст своих в обиду в угоду чужим? Но ей еще в голову вдолбить надо, чтоб заступилась. Между братьями даже спор вышел, стоит ли идти к княгине, просить? Иван Васильевич решил сам сходить. Не сможет Санька не вступить за родичей, не такова она.

Не успел Иван Вельяминов сказать все, что хотел, как в палату вошел еще один неожиданный гость. От жадного взгляда Дмитрия не укрылось, что боярин даже чуть побледнел. Вошедший Феофан Бяконт лишь кивнул, приветствуя и его, и княгиню.

– Не ее проси, Иван Васильевич, бояр проси. Заступится боярство, вернешься на Москву, а нет, так и князь не поможет, не то что княгиня. – Глаза Бяконта смотрели насмешливо, потом взгляд вдруг стал жестким, почти жестоким: – Верно решили пока уехать. С Богом. Вернетесь, когда весть пришем.

Дольше разговаривать боярин не стал, круто повернулся на каблуках и вышел вон. Чуть смутившийся Вельяминов тоже поспешил откланяться. Глядя ему вслед, Дмитрий растерянно спросил:

– А на Москве бояре хозяева?

Мать замотала головой:

– Не знаю, ничего не знаю... Скорей бы уж отец приехал. Москве без князя нельзя, смутно все вон как...

Но что бы она ни говорила, Дмитрий запомнил: без бояр нельзя! Их надо слушать, не то убьют, как вон убили посреди Москвы Алексея Хвоста! Дмитрию еще не раз придется убедиться, что и он без бояр никто. Даже став великим князем, он будет одним из самых послушных князей Руси, но это пойдет ей на пользу.

Великий князь Иван Иванович вернулся домой, и все успокоилось. И Алексия митрополитом утвердили, и жизнь наладилась. Посадские тоже вроде забыли убийство своего тысяцкого, а ведь шумели сильно, все казалось, что пожгут дворы Вельяминовых вместе с хозяевами. Люди, ежели по одиночке, вполне разумны, а как в толпу собираются, так преград для них нет, как и ума. Верно сделали Вельяминовы, что спешно уехали. Жизни свои сберегли, и дуроломов, что на поджоги да разбой подбивали, тоже.

И вдруг... Все необычное в жизни случается вдруг.

Ордынцев в Москве так много, что прибытие еще одного никто и не заметил бы, если б тот не приехал от хана к... митрополиту Алексию. Хан Джанибек не то просил, не то приказывал митрополиту срочно прибыть в Сарай-Берке, чтобы исцелить ханшу Тайдуллу от внезапной немощи – слепоты.

Иван Иванович расстарался, напоил-накормил посла, девок подсунил ладных да умелых, выведал, что же случилось с ханшей. Выходило плохо: Тайдулла не только зрение потеряла, но бесами ночными мучима, ни сна, ни покоя. И твердо верит, что только разумный Алексей ее излечить способен.

Сам Алексей жил во Владимире, чтобы ничего худого не говорили, мол, под боком у великого князя в Москве живет, потому с его руки ест, под его дудку и пляшет. Пока посол в Москве нежился, князь спешно отправил во Владимир своего человека с подробным пересказом. Чем помочь, и не знал. Не ехать нельзя, и ехать опасно, а ну как ханша помрет? Алексей казнят, на сан не посмотрят. Да и как ее лечить, некрещеную-то?

Митрополит долго не думал, все в руках божьих, коли рассудил Господь ханшу лечить, значит, надо ехать. Вон Джанибек походом грозит, коли не поможет Алексей Тайдулле. Да и саму ханшу Алексию тоже жаль, разумная женщина, даром что чужой веры...

Перед отъездом митрополит отправился в церковь Святой Богородицы помолиться о заступничестве да помощи перед иконой Божьей Матери. И тут произошло то, о чем потом долго сказывали. Хоть немного видаков нашлось, но были такие.

Не успел Алексей свечу перед образом запалить, как она вдруг загорелась сама! Прочитал молитву митрополит, а свеча все горит... Тогда он понял, что это знак, загасил ее, но в храме не оставил, взял с собой. Сначала хотел всю в Сарай-Берке везти, но потом разделил на куски и раздал, чтобы добрые люди зажгли и о здоровье ханши молились.

Провожали Алексея едва ли не всем городом, слух о свече разлетелся мигом. А как уехал, молились всем миром, чтоб помогла та свечка исцелить ханшу, чтоб не пострадал митрополит от ордынского всевластия.

Чудо случилось, и ханшу исцелил, и сам вернулся. Но сразу отправился к великому князю с тяжким разговором. В Орде нестроение, против Джанибека собственный сын зло держит. Это неудивительно, часто так бывало, но для Руси это плохо. С Джанибеком еще Иван Калита дружен был, и Симеон тоже. И Ивану хан без проволочек ярлык выдал. Потому как разумен Джанибек. Случись что с этим ханом, кто знает, каков будет другой?

В женских покоях княжеского терема сидели четыре женщины – свекровь и три невестки: великая княгиня Ульяния, вдова Ивана Даниловича Калиты, и три жены его сыновей – две Марии, вдовы Симеона и Андрея, и Александра – нынешняя великая княгиня, жена Ивана Красного. Три женщины княжеских родов, одна Александра боярская дочь, за что всегда была не любима родичами.

Великая княгиня и без того тиха и нерешительна, а чувствуя эту нелюбовь, совсем смешалась. Она растерянно пыталась потчевать гостей, но те почти ни к чему не прикасались. Зашли после литургии приличия ради, помянуть великого князя Ивана Даниловича.

Со двора доносились звонкие мальчишечьи голоса, там играли княжичи. Старший из них сын Александры Дмитрий, сразу за ним сыновья князя Андрея Иван и Владимир, а потом еще один сын нынешней великой княгини Ванятка. Из мальчиков явно выделялись Дмитрий и Владимир, они и дружили больше, и силой с остальными не сравнить.

Вот и теперь их голоса слышней всего. Княгиня Евдокия, заметив, как налили слезами глаза Симеоновой вдовы (не могла слышать детских голосов!), подошла к окошку, прикрыть. И невольно загляделась на княжичей. Дмитрий и Владимир пытались вдвоем столкнуть с места холопа Юрку Рудого. Юрка славился своей статью и огненным цветом волос.

Холоп стоял, скрестив руки на груди, и усмехаясь смотрел на пытящих от натуги княжичей. Богатырская статья позволяла ему недвижно выдерживать все наскоки мальчишек. Юрке помогало еще и то, что мальчишки толкали его с боков навстречу друг другу. Дмитрий кричал двоюродному брату:

– Навались! Володька, еще давай! Жми!

Но как ни наседали, как ни пытели, а сдвинуть не получалось. Рядом хохотали стоявшие вокруг великий князь Иван Иванович и несколько ближних слуг.

Вдовая княгиня Ульяния тоже подошла к окну, недовольно поморщилась. И это великий князь и его сын?! Митька толст и неуклюж, больше похож на крестьянского мальчишку, чем на будущего князя. Владимир куда как приятней. Он и ростом высок, и в кости тонок, строен, хотя по-мальчишески угловат, лицо умное, красивое. Особенно хороши большие внимательные глаза. Но он моложе Митьки, а потому всегда будет сидеть за ним.

Вздыхнув, Ульяния отошла к лавке, но садиться не стала, сказала недужной и стала прощаться. Поднялись и две невестки. Александра чуть не заплакала, принялась причитать, что почти и не ели, почти не посидели... На нее обратили мало внимания, хоть и великая княгиня, но как была боярской дочкой, так вовек и останется.

На дворе великая княгиня Ульяния подозвала к себе старшего внука:

– Митрий, поди сюда.

Тот с явным неудовольствием отвлекся от привязывания к хвосту дворового пса какой-то дряни и с сопением направился к бабушке. Весь его вид требовал скорее отпустить обратно.

– Ты и великим князем став, так с холопами играть будешь?

Мальчишка похлопал черными ресницами над светлыми глазами (и откуда такое, в роду Рюриковичей ни у кого не было, явно Санька Вельяминова расстаралась!) и засопел основательней:

– Я ж не князь...

Ульяния только рукой махнула, мол, что с тобой, дурнем, речи вести! Она знала, что не очень усидчив княжич над книгами, ему больше нравится бегать да прыгать, или слушать, но не самому буквицы разбирать.

Убедившись, что бабушка потеряла к нему интерес, Митька рванул к оставленной веселой компании, заорав на весь двор:

– Стой! Без меня не выпускай!

Почти сразу раздался лай пса, которого мальчишки погнали по двору, и отчаянное мяуканье кота, сидящего в коробе, привязанном к собачьим задним лапам. Холопы бросились ловить собаку, чтобы освободить котенка. Один из дворовых мальчишек, видимо, хозяин собаки, показал Дмитрию кулак. В ответ княжич показал свой.

Ульяния поспешила прочь со двора. Нет, сюда она больше ни ногой! Тут такого насмотришься... За ней торопилась и вдова Симеона Гордого. А мать Владимира и старшего Ивана вдова князя Андрея осталась пока поговорить с великим князем. Тот предлагал не увозить Володю из Москвы, оставить воспитываться вместе с братом Дмитрием, с которым княжич очень сдружился.

– Тогда уж обоих, – вздохнула княгиня и смущенно объяснила: – Я постриг хочу принять.

– Оставляй обоих.

Больше всего радовались сами княжичи, они в тот же вечер устроили догонялки по всему терему, и слуги едва успевали уворачиваться от топающего Дмитрия. Эта дружба продлится до конца их жизни. Самым верным и преданным другом для Дмитрия Ивановича будет именно двоюродный брат Владимир Андреевич, хотя и его умудрится обидеть своенравный и упрямый князь Дмитрий Донской. Но это будет много-много позже...

А тогда по переходам княжых палат с криками и визгом носились Митька и Вовка, а за ними пытался бегать и маленький Ванятка, Митькин брат. Брат Владимира, тоже Иван, стоял

в стороне, грустно поглядывая на веселившихся княжичей. И один, и второй Иваны проживут очень недолго.

Митрополит как в воду глядел. Не успел он вернуться, как в Москву принесли две вести, одну другой хуже: умер хан Джанибек, а в Царьграде над Русью поставили другого митрополита – Романа, посчитав, что Алексей слишком связан с великим князем. Но это не все, посламы развязали языки и те под страшным секретом рассказали, что хан умер странно, вроде в походе у него помрачился рассудок, и его сын Бердибек велел подданным зарезать своего отца! Мало того, за Джанибеком последовали и двенадцать братьев Бердибека, и едва оправившаяся от болезни ханша Тайдулла!

Москва содрогнулась, власть в Золотой Орде попала в руки безжалостного отцеубийцы, а ему придется кланяться и делать вид, что все в порядке!

Алексий думал о своем – снова надо ехать в Царьград, доказывать, что радует обо всех православных на Руси, чтобы вернуть себе право зваться митрополитом. Негоже еще и так делить православных, нельзя, чтобы два разных митрополита были, хоть в вере Русь должна оставаться единой!

Он понимал, что это литовский Ольгерд постарался, нажаловался патриарху цареградскому, мол, митрополит знает лишь свой Владимир да Москву, а до остальных и дела нет. Если честно, то Ольгерд был отчасти прав, сыну московского боярина, даже постриженному много лет назад в чернецы, трудно отрешиться от Москвы. Но не в том дело, что на Москве родичи, Алексей просто нутром чуял, что с Москвы начнется возрождение Родины, попанной и разделенной между другими правителями. А потому готов помогать великому князю, кто бы им ни был, во всем.

Только говорить об этом в Царьграде никак нельзя, снова пришлют чужого грека, который Руси не понимает, станет гнуть свое. Хотя, чего уж поставят... поставили. Может, Роман и всем хорош, да только если Ольгердом назначен, то Москве от него пользы будет чуть, скорее вред.

Алексий вздохнул, перекрестился: «Прости мне эту ложь, Господи! Не ради себя, не для своей славы сие вершу. Помоги для Руси расстараться, ей пользу принести!»

Так и пришлось снова и великому князю, и митрополиту в Орду ехать, только Алексей дальше в Царьград отправился, а Иван Иванович обратно вернулся. Все снова обошлось, то ли Бердибек помнил о дружбе отца с московскими князьями и не был против, то ли подарки оказались хороши, получил Иван и от него ярлык на великое княжение. А митрополит подорожную в Византию.

Князь вернулся быстро, а митрополит задержался на два года. Сначала в Царьграде, доказывая, что сможет лучше поставленного Ольгердом Романа послужить на Руси православию. А вот потом... Чтобы показать, что для него все православные земли одинаково дороги, и разобратся с самим Романом, которому и Цареградский патриарх не указ, Алексей отправился в Киев. И поплатился за свою доверчивость! Литовскому князю Ольгерду Царьград уж точно не указ, он и вовсе не православный – посадил митрополита Алексея под замок в темницу и выпускать не собирался!

Прибыв в Москву, князь Иван Иванович вернул из Рязани бежавших туда бояр Вельяминовых, простив им убийство своего боярина Алексея Петровича Босоволкова по прозвищу Хвост. И маленький Дмитрий окончательно убедился, что главная сила на Москве – бояре.

А еще он понял, что вторая сила, даже более сильная, – это митрополит. Князя в Орду провожали просто, только жена рыдала с перепугу, а Алексея так всем миром. И слушали митрополита внимательней, чем Ивана Ивановича. Попробовал осторожно спросить отца, почему так, тот вздохнул:

– Сынок, духовное, оно всегда прежде человеческого, оттого и власть митрополичья выше, чем княжеская. Тем паче такого, как митрополит Алексей.

– Он самый-самый? – заблестел глазенками княжич.

– Не он один. Сергия Радонежского, игумена монастырского, люди тоже раскрыв рты слушают. Никакой князь или боярин так не сможет.

– А о чем он говорит?

– Божье слово несет, веру в людей вселяет. К кому, как не к ним, с любой бедой идти, у кого, если не у них, совета и утешения просить?

Знать бы, насколько западут в душу мальчика эти отцовские слова! Только мало пришлось поучить отцу своего сына, мало что успел. За него доделали остальные, в том числе и митрополит Алексей, и преподобный Сергей Радонежский.

Князь Московский

Снова по Москве поминальный звон, снова плач в княжьем тереме. Недолго пробыл великим князем Иван Иванович, подкосила его смертушка на тридцать четвертом году. Молод ведь еще, жить бы да жить... Но никто своей доли не знает, сколько землю топтать и когда помереть. Ходили слухи, мол, это ордынских дело, даром что прожил князь после проклятых, те мастера, всегда умели травить медленной смертью. С чего бы вдруг молодому, здоровому и враз слечь? Но говорили все шепотом, в Сарай-Берке таков хан сидит, что не знаешь, чего ждать...

Почти без сил протяжно всхлипывала теперь уже вдовая великая княгиня Александра, временами по-бабьи подвывала. Для нее почивший в первую очередь не князь, а просто муж, любимый и пригожий Ванечка, что оставил ее с детишками одну на белом свете.

Дмитрий смотрел на такого непохожего отца и не мог заставить себя поцеловать его холодный белый лоб. Мальчика подтолкнул кто-то из бояр:

– Иди, князь Дмитрий Иванович, иди.

Дмитрий был настолько поражен этим обращением: «князь Дмитрий Иванович», что как в тумане все же подошел к лежавшему неподвижно отцу, склонился над его белым чужим лицом.

Весь день, пока отпевали да погребали князя, у Дмитрия билась одна и та же мысль: он князь! И зовут его взрослые всесильные бояре Дмитрием Ивановичем! Эта мысль забивала даже страшную жалость к умершему отцу и к рыдавшей почти без памяти матери.

Русь осталась без великого князя. Московским князем стал девятилетний Дмитрий Иванович, но, обдумав все, московские бояре решили в Орду за ярлыком на великое Владимирское княжение пока не ехать, если наверняка результата не знаешь, ни к чему зря деньги тратить. Ярлык на великое княжение отдан суздальскому князю Дмитрию Константиновичу. Радовался, сказывали, как дитя малое, получил то, чего и не ждал вовсе. Его старший брат Андрей вдруг отказался, вот и повезло: изумленный таким поворотом дела, новый хан Новруз отдал ярлык следующему брату – Дмитрию.

В Золотой Орде началась настоящая замятня – никто не мог удержаться у власти долго, один хан менял другого, отправляя на тот свет и всех его ближних. Чур меня! – крестились все, кто об этом слышал. Плохо, когда князь на князя, но чтоб так!.. Десятками вырезались родственники и сотнями их приближенные и слуги.

Но Руси было не до того, она с трудом приходила в себя после мора, снова поднимала вымершие деревни и города.

Прошли тяжкие дни похорон, потом сороковины. Мать все плакала и плакала, мальчики, хотя и жалели отца, не могли столько кручиниться, тем паче Дмитрий, которого закружили невиданные дела.

Князь Иван еще перед поездкой в Сарай-Берке составил подробное завещание, видно, побаивался чего-то. Теперь пришла пора с ним разобраться. Поделил покойный великий князь все по чести и совести, никого не забыл, даже свою старую мачеху, всем наделы определил и порядок их передела в случае чего...

Но мальчиков меньше всего интересовал перечень их деревень и земель, гораздо больше скарбница. Даже вдовая княгиня Александра, у которой от слез уж лицо опухло и под глазами сине, и та не смогла сдержать улыбку, когда сыновья с горящими глазами принялись разглядывать принадлежавшие теперь им сокровища, любясь драгоценными камнями, украшавшими оклады икон, оружие, пояса, одежду, а то и просто перстни, браслеты, ожерелья...

– Ух ты! Смотри, смотри, горит-то как!

– А у меня вот чего... Тоже огнем полыхает!

Они не сознавали, что все это будет так же лежать, как прежде лежало, запасом на самый черный день. Многие годы копили московские князья такое богатство совсем не ради того, чтобы покрасоваться им перед другими. Даже отправляя в Орду дорогие подарки, старались этот запас не трогать.

Княгине об этом не думалось, а вот боярин, показывавший добро, опасался, как бы не запустили руки княжичи в собранное их предками. Слишком молод князь Дмитрий, мало пожил за отцом, мало чему научился.

Но юный князь только полюбовался, ничего себе требовать не стал, как и княгиня Александра. Казалось кощунственным вдруг надеть на пальцы перстни, что до нее кто-то берег и жалел. Да и к чему, если она вдова? Не будь сыновей, ушла бы в обитель, приняла постриг и доживала свой век в мыслях о почившем муже. Но слишком малы еще Дмитрий и Ванятка, да и племянник Владимир, сын князя Андрея, тоже невелик годами. Что Дмитрия князем назвали, то лишь на словах. Какой он князь?

Другая бы постаралась власть при сыне себе взять, сама бы всем распоряжалась, но Александра не такова, ее и при жизни мужа тяготило, что надо не о своей семье думать, а обо всех сразу, а уж без князя так совсем не справится... И митрополита нет, сидит под замком у Ольгерда в Киеве. Благо хоть бояре рядом, они и правят. Пусть себе, вырастет Дмитрий, сам решит, как ему лучше, а пока посидит за боярами.

Княгиня так задумалась, что не расслышала вопроса старшего сына. Тот настойчиво повторил, протягивая большой крест с изображением чьего-то лика:

– Это Александр Невский?

– Что? – очнулась наконец княгиня. – Не знаю.

Выручил боярин, ответил:

– Это святой Александр, покровитель Александра Ярославича. А крест его. Александр Ярославич был дедом твоего деда.

У Дмитрия блеснули глаза:

– Как это?

– Ну слушай. Твой дед Иван Данилыч Калита. А его отец – Данила Александрович, сын Александра Ярославича.

– И мой? – осторожно выдохнул младший брат Ванятка.

Боярин рассмеялся:

– И твой, вестимо. Славные у вас предки, княжичи, – вмиг поняв оговорку, исправился: – князь Димитрий Иванович.

Дмитрию стало почему-то совестно, словно без спроса забрался в эту скарбницу, словно не заслужил еще зваться правнуком великого князя-воина. Не задумываясь, он мотнул головой:

– Я тоже стану воином, как Александр Ярославич!

Ему эхом откликнулся Иван:

– И я!

– И ты? – обернулась княгиня к стоявшему молча чуть в стороне племяннику. О Владимире все забыли.

В ответ он только кивнул. Дмитрию снова стало стыдно, он повел рукой вокруг:

– Я с тобой поделюсь этим...

– И я! – подтвердил решение брата Ваня, готовый едва ли не сразу потащить из сундуков всякую всячину Владимиру. Их пыл осадила мать:

– Это все останется здесь лежать, как лежало. Не вами собрано, не вами и тратиться будет. Великий князь не для того завещал, чтобы вы растаскивали. И Владимирова доля здесь есть, его князь Иван не обидел, треть всего, что на Москве ему отдал, но только не след тратить то, что предки собрали. Сюда добавлять можно, а растаскивать нет.

Все три княжича опустили головы: конечно, по-мальчишечьи им очень хотелось хоть немного помахать тяжеленными мечами, рукояти которых щедро разукрашены разноцветными камнями, надеть на себя богатые оплечья, поддержать в руках большие кубки...

Боярин вздохнул:

– Эх, разве ж это богатство... Слезы горькие остались, а не скарбница...

– А куда ж все делось?! – ахнули княжичи.

Боярин развел руками:

– А куда у нас все девается? В Орду утекло...

Дмитрию очень хотелось сказать, что он не позволит больше раздаривать всяким ханам золото и серебро из своей казны, но посмотрел на мать и осекся. Вспомнил, что не он собирал, не ему и распоряжаться. Верно...

Когда выходили из скарбницы, все же не удержался, прошептал Владимиру:

– Только крест тот со святым Александром не отдам...

Маленький князь Дмитрий впервые почувствовал себя наследником славных предков, почувствовал ответственность за свое положение. Он князь московский и должен постараться стать не хуже дяди Симеона, о котором говорят, что он крепко Москву держал, деда Ивана Даниловича Калиты, что Москву поднял, и даже князя Александра Ярославича, которого народ Невским прозвал.

А еще Дмитрий решил, что надо обо всех расспросить подробней, а то слышал кое-что и не более. Отец сам не готовился стать великим князем и сыновей к такому не готовил, потому учебой особо не нагружал, разве что ратной, к которой Дмитрий был весьма охоч.

На улице с утра ветрено и противно, то снег вдруг зарядит, то в дождь перейдет. Под крыши забились все, кто может, ни людей на дворе, ни собак, ни даже вездесущих ворон. Воробьи под стрехами нахохлились.

Для Дмитрия самая дурная погода, он не любитель сидеть дома. От безделья волком выть хочется. Княжич прилип к окну, пытаясь что-то разглядеть. У крыльца и впрямь шум, суета.

Княгиня Александра подняла голову от рукоделия:

– Что там?

– Не знаю, кто-то приехал.

Мать подошла к окошку, тоже глянула.

– А, это Дмитрий Михайлович Боброк. Зять.

– Чей зять? – полюбопытствовал княжич. Любой новый человек – всегда интересно, и можно увильнуть от занятий.

– Наш с тобой. Не помнишь, что ли? Дмитрий Михайлович сосватал твою сестру Анну и увез в свою Волынь.

– Не помню, – помотал головой Дмитрий и тут же помчался на крыльцо разглядывать князя Волынского. Володя поспешил за ним.

Немного погодя Дмитрий внушал брату:

– Во! А говорили, что князь не может быть толстым! Смотри какой...

Дмитрий Михайлович и впрямь был основательным, не зря прозвали Боброком. Когда сидел, так и вовсе похож на большого бобра, русский богатырь, коренастый, надежный... Два дня, пока он пробыл в Москве, мальчишки мотались следом как привязанные и глядели снизу вверх.

Знать бы им, что в сентябре 1380 года именно Дмитрий Михайлович Боброк будет сильной рукой удерживать лошадь Владимира Андреевича, не позволяя Засадному полку раньше времени выехать на поле Куликово, одновременно пытаясь разглядеть в огромном скопище бьющихся людей Дмитрия Ивановича, одетого в латы простого ратника!

Вельяминовы вокруг молодого князя вились роем, правда, с толком, что не умел – тому учили, о чем не знал – сказывали. К кому же обращаться с вопросами, как не к ним?

– Почему дед прозван Калитой? Вообще-то, за кошель, что у пояса для мелочи разной висит. Только у Ивана Даниловича там частенько золотишко звякало. Любил он золотишко-то. Все, что в казну шло, любил. Всем умел угодить – и ордынцам, и боярам, а все больше себе самому. Руки загибающие...

Василий Васильевич сам смутился своих слов, но помотал головой:

– То не я говорю, то на Москве слух такой идет.

Княгиня Александра оторвала взгляд от шитья, усмехнулась:

– Да чего уж там! Правду молвят, если все одно говорят, значит, не врут. Иван Данилович своим скопидомством славился, прижимистостью, а с другой стороны щедростью к ордынским ханам. Столько, слыхивала, к ним возил, что самим вовек не прожить...

Василий Васильевич Вельяминов почему-то взвился, точно это его скопидомом назвали, а не давно покойного князя:

– Для себя, что ль, возил-то?! Для Москвы, для Руси возил. Зато как с Узбеком задружил, так и не бывало на Москве татар набегами. И прижимист был со смыслом. Денежку к денежке собирал, чтоб сыновьям, а потом и внукам оставить. – Довольный собой, Василий Васильевич заключил: – Верно поступал Иван Данилович, никому от того худо не было, всем одна польза.

Княгиня даже смутилась такому отпору:

– Да я разве что говорю? Объяснила только, за что прозвище дано. Вон князя Ивана Красным звали да Милостивым, потому как красив был и добр ко всем.

Василий Васильевич постарался спрятать гримасу, не выдержал, поморщился. Вот то-то и оно, что вся память осталась о красоте да кротости. Другое дело его старший брат Симеон Иванович! Того и Гордым прозвали, потому что всех под свою руку, под свою волю норовил поставить. Хороший продолжатель отцовских стараний был, да рано погиб.

Из таких бесед Дмитрий все больше осознал, что подражать нужно деду Ивану Калите да дяде Симеону Гордому, что князь на Москве крепким должен быть, не то и самой Москве не бывать. Вот уж этого маленькому князю никак не хотелось! Для себя Дмитрий твердо решил, что станет князем сильным и хитрым одновременно, как дед Иван Данилович.

Мальчик даже не подозревал, как скоро ему придется идти по стопам знаменитого деда.

Будешь великим князем!

По крыльцу, а потом и переходу к палатам вдовой княгини прокатился топот. Это мчалась не разбирая дороги рябая Стешка, отправленная со двора к хозяйке с радостным известием.

Княгиня Александра, услышав переполох, с волнением уставилась на дверь, привычно прижав белые руки к груди.

Стешка влетела в горницу с воплем:

– Приехали!

– Кто?

– Митрополит приехал! Тама... на дворе... спешивается... Вот! – наконец выдохнула счастливая девка и замерла, не зная, что теперь делать. Про нее мигом забыли, не до дурехи.

Княгиня Александра вскочила, горничные девки привычно засуетились, оправляя складки одежды, подкалывая головной плат. Хотя это и не торжественный выход к гостям, но княгине негоже быть растрепой, как вон Стешка. Та, залюбовавшись хозяйкой во всей красе, украдкой вздохнула: дал же бог стать и пригожесть да не дал счастья полной горстью, совсем молодая вдовой осталась...

Сама Александра уже спешила к заднему крыльцу, оттуда слышались взволнованные голоса. На дворе и впрямь суетились люди, и вокруг прибывших вертелся маленький князь. Глаза Дмитрия восхищенно блестели, он уже знал, что митрополиту Алексию удалось бежать из Ольгердова заточения, тайно в ночи скрыться и ускользнуть от преследования. Кулачки мальчика сами собой сжимались в ярости: ну я этому Ольгерду уже!..

А ведь и впрямь повоюет Дмитрий Иванович с литовским князем Ольгердом, и довольно скоро...

У Алексия худое, точно высохшее лицо, скулы выперли, брови нависли густыми седыми прядями, но глаза блестят – рад, что до дома добрался. Теперь он открыто считал Москву своим домом.

Княгиня Александра подошла под благословение. Алексей перекрестил, руки тоже тонкие, разве что не светятся, длинные пальцы цепко держат посох. Пожалел:

– Знаю о твоей кручине. Все в руках божьих, знать, так суждено было...

Та вздохнула:

– Да я не ропщу, отче. Только вон княжичи маленькими остались. – Тут же всполошилась: – Да что ж я с разговорами?! В баньку с дороги, за трапезу да на перины.

Алексий рассмеялся добрым смехом:

– Да я с давних лет этих перин не ведал, ни к чему и привыкать! И с трапезой не суетись, куска хлеба достаточно. А вот в баньку с великим удовольствием, давненько толком не мылся.

Александра метнулась отдавать распоряжения, хотя все уже и так засуетилось, по двору привычно забегали слуги, за ворота стрелой вылетел Тимоха, посланный к Вельяминовым и Бяконтам с радостной вестью. Сам митрополит обернулся к Дмитрию, все так же завороченно глядевшему на него, но иссохшая от тягот неволи и долгого пути рука легла не на волосы, а на плечо мальчика:

– Ты, я чай, князь теперь? Московский? – Тот кивнул, не в силах вымолвить и слово. – А за ярлыком в Орду не ездили? – Дмитрий снова лишь мотнул головой, не мог же он сам поехать, а бояре этого делать не стали. – Ничего, пока живы, все поправимо. Будешь и великим князем, Дмитрий Иванович.

Дмитрий просто задохнулся от такого обращения, сам митрополит, пред которым Москва и Владимир ниц падали, его по имени-отчеству величает! От избытка чувств прижался

к худой, жилистой руке лицом, словно прятал все свои страхи и боль, а получить норовил помощь и защиту.

Так и случилось.

Не к сроку баню топить, но ради такого гостя и в праздник были готовы! Но не успел Алексей отправиться мыться, как во двор примчался сначала Василий Васильевич Вельяминов, а потом и чуть не все Бяконты сразу. Вокруг митрополита засуетились уже родовитые бояре, не только челядь. Но тысяцкий сообразил:

– Ты ступай, отче, в мыленку, мы подождем, небось с дороги устал...

Скупая улыбка тронула узкие старческие губы:

– Не только грязен вельми, но и обовшивел сначала в темнице, а потом и в дороге.

Немного позже они сидели в трапезной за крепкими мужскими разговорами. И даже княгиня Александра на свою половину ушла, а Дмитрия оставили! Митрополит повелел:

– Пусть князь послушает. Ему полезно будет. Я многое повидал, многое узрел. Нет нам подмоги от Литвы, нет поддержки. Ольгерд сам бы Москву под себя взял, если бы Орда позволила. Верно поступал Иван Данилович, когда с ордынскими ханами замирялся, свою голову склонив, иначе не выжить. Ничего!.. Придет и наше время! Придет твое время, князь Дмитрий Иванович, и от Орды освободишься, и Литве в обиду земли отцовские да дедовы не дашь!

Долго судили-рядили, как теперь быть. Алексей согласился:

– Верно сделали, что без меня в Сарай не сунулись, там опасно. Я людей нужных знаю, кому письмо напишу, кому слово верное передам... Помогут. – И усмехнулся: – Если живы, конечно. Но с ханом Бердибеком я тоже дружен был.

Бяконт махнул рукой:

– Да уж и Бердибека к праотцам отправили!

– А кто там ноне?

– Новруз, что ли... Да кто их ведает, у них, сказывают, хуже нашего – что ни день, то новый князь.

– Даже у нас нет такой замятни, – усмехнулся в бороду Алексей. Но усмешка вышла невеселой, все понимали, что если с десятков лет большой драки не было, то это не означает мир надолго.

Было решено подсобрать злата с московского боярства и ехать в Орду вместе с маленьким князем. Услышав об этом поутру, княгиня взвилась, точно у нее отнимали самое дорогое, хотя так и было:

– Не пушу! В Орду не пушу!

Тысяцкий распахнул глаза на неразумные речи:

– Ты о чем говоришь?! Димитрий князь, как ты можешь его не пустить?

– Он хоть и князь, а я мать! Сказано, не поедет, и все тут! Сами езжайте и ярлык тот покупайте!

Бояре даже растерялись от бешеного наскока Александры. Княгиня защищала свое дитя, точно наседка перед коршуном. Как ее осудить, если муж помер, а сына в далекую страшную Орду везти собираются? Алексей уже открыл было рот, чтобы принятьсь увещевать, но тут все решил сам Дмитрий. Он тоже сверкнул глазами не хуже матери и подбоchenился:

– Поеду! Я князь, и мне негоже дома сидеть, когда бояре за меня дела делают! Поеду!

В другой раз смотреть на толстенького, коренастого Дмитрия, пыхтевшего от натуги, было бы смешно, но не сейчас. Не все и поняли, что сказал маленький князь, но поняли, что свое гнет. Ого, стало быть, сказывается кровь дедова! Это хорошо, бояре заулыбались, переглядываясь. Слава богу, что Дмитрий старший, маленький Иван вот так поперек матери слова бы не сказал.

Дмитрий тоже едва не смутился, все же не привык против воли материнской идти, но почувствовал за собой боярскую защиту и приосанился. Княгиня Александра растерянно оглядывала горделиво подбоченившегося сына, бояр-родичей и митрополита. Выручил Алексей, рассмеялся каким-то дробным, добрым смехом:

– Вылетел из гнезда сын-то, Александра. Смирись, не мальчик он отныне, но муж, князь, словом. Потому не ты им, а он нами повелевать будет. А за сына не бойся, на все воля божья, бояре сберегут, да и я сам в Сарай отправлюсь.

– Ты, отче?! – всколыхнулась княгиня. – Да ты только с тяжелой дороги!

– Мы ж не нынче едем. Надо сначала подарки собрать, чтоб наверняка. Так еще Иван Данилович завещал – одаривать щедро, но чтоб не зря.

Снова слышал маленький князь упоминание о хитром и сильном деде, снова дал себе слово, что будет таким же.

Дмитрий Суздальский

Новый великий князь Владимирский, которого все упорно продолжали звать Суздальским, Дмитрий Константинович стоял перед Дмитровским собором Владимира и глазел на дивное каменное кружево храма.

Над собором привычно кружили птицы. Дмитрий Константинович любил этот владимирский храм даже больше нарядного Успенского. Сказывали, и Александр Ярославич тоже его любил. Кружевную каменную резьбу можно подолгу разглядывать, находя для себя всякий раз что-то новое.

Не только для московских князей Александр Ярославич Невский прадед, для Дмитрия Суздальского тоже, его кровь от младшего брата князя Александра – Андрея Ярославича. И всего-то заслуг у нынешнего малолетнего правителя Москвы, что его дед Иван Калита был сыном Даниила Александровича!

Так случилось, что собрал Иван Данилович Московские земли, поднял княжество, сын его Симеон продолжил дело, а передать некому. Вот и не судьба продолжить сильную родовую ветвь, может Москва снова захиреть, отойти в тень. Кому тогда вместо нее подниматься, Твери или Суздаля? Для себя Дмитрий Константинович решил, что Суздаля, вернее, снова Владимира, в который он с удовольствием переехал. Надолго ли?

Князь Дмитрий проводил глазами стаю, улетевшую, видно, к озеру на кормежку, вздохнул и зашагал прочь от собора. Некогда над бедами московского дома размышлять, своих забот невпроворот. Но мысли упорно возвращались к роду Калиты.

Симеон сам помер и за собой никого не оставил. И брат его Иван тоже недолго протянул, то ли потравили чем в Орде, то ли просто ко времени пришло, только осиротил он маленьких сыновей с тихой, спокойной женой. Не такая княгиня Александра, чтобы заботу о Москве на себя взять, а княжичи больно молоды. На Москве бояре сильны, но и они поняли, что тягаться не стоит, впервые за много лет не просили ярлыка.

Дмитрий Константинович понимал, что это ненадолго, повзрослеет его тезка, Иванов сын, и снова начнется тяжба между Москвой и Суздалем за великое княжение, да и Тверь своего не упустит, там тоже князь силен. Но пока ярлык у него, а потому времени зря терять нельзя. Князь никак не понимал своего брата Андрея, отдавшего Суздаль ему и ушедшего в Нижний Новгород, а потом в Орде отказавшегося от ярлыка по своей воле. Ну и что, что за него бороться придется? Ныне вся жизнь борьба, а когда иначе было?

Андрей и младшего их брата Бориса жалеет, обещал ему Нижний отдать за собой. Это не нравилось Дмитрию, потому и схватился за великокняжеский ярлык, чтоб не остаться на одном Суздале.

Почему на Руси вдруг так напряженно приняли его владение ярлыком на великое княжение? Чем он, Дмитрий Константинович, хуже того же Ивана Даниловича, прозванного Калитой за скопидомство? И вдруг понял чем. За много лет, что великим князем был Иван Калита, все русские князья, которые под Ордой ходили, привыкли, что во главе стоит Москва, а значит, и думать за всех сразу ей. То дело Московского князя, как с Ордой уговориться, какие подарки подарить, пред кем лишний раз голову склонить, чтобы не было набегов на Русь.

И ведь не было! Неполных четыре десятка лет, что был у власти Иван Данилович, больших разоров не было. Кланялся проклятым ханам, хатуням, тюками таскал дорогие подарки ордынским чиновникам. Но при том, говорят, в Сарай к Узбеку ездил как в гости к свояку, так что непонятно, кто кем из них помыкал. Узбек хан хитрый, но Калита и его перехитрил, сумел ханскую злость и жестокость на других направить, а от своей земли отвести. Кому еще так удавалось? Да никому с тех самых времен, что ордынцы на Руси хозяйничали! Может, потому и вставали русские князья под руку Ивана Даниловича, чтобы заступился пред грозным ханом?

Понимали, что не все, что отбирает Калита у других, в Орду идет, немало и себе оставляет, но лучше своему платить и сидеть спокойно дома, чем каждый год головой рисковать в Сарае.

Четыре десятка даже для человека немалый срок, а уж для истерзанной Руси тем более. Потому сколько ни ворчали на скопидомство и жадность Ивана Калиты, а признавали его право называться первым и даже брать себе часть дани.

Сможет ли сам Дмитрий Константинович так? Не встанет ли поперек горла тот ярлык, когда придется в хищные глаза ордынского хана глянуть? Может, прав брат Андрей, что добром от такой сомнительной чести отказался?

Князь так задумался, что не заметил, как подошел к своему дворцу. Хороши палаты поставили когда-то Ярославичи, но подновлять пора. Ничего, вот закрепится он на великокняжеском престоле, все подновит. А до того к чему деньги тратить? Видно, так судили и остальные до него, поэтому никто за палаты не брался, а московским князьям Владимир не больно и нужен, они свои обновляли.

К отцу кинулись две дочки, Марьюшка и Евдокеюшка. Дмитрий залюбовался девочками, обе светлые, не то что нынешние чернавки от разных ордынских или ромейских матерей, у обеих княжон косы русые в руку толщиной за спинами выются, и глаза тоже светлые с синевой. А у Евдокии на щеках ямочки от улыбки. Любо-дорого глядеть.

Дочки отцовскому сердцу радость и забота. Это мать думает, как вырастить их скромными да приветливыми, как научить дом вести да деток рожать-лелеять. У отца мысли другие – за кого замуж отдать, чтоб и породниться знатно, и дочь не была в беде. Девочки погодки, князю совсем скоро им долю искать. Тоже забота, что ни говори.

Обе отца за руки похватали, каждая к себе тянет и верещит.

– Стой, балаболки! Трещите, сороки, не разобрать, что к чему!

Вроде и прикрикнул, но беззлобно. Девчонки сначала притихли, но тут же загалдели снова, правда, теперь понял, что зовет к себе старший брат нижегородский князь Андрей Константинович всех на именины любимой супруги Вассы.

– Поедешь ли?

Дмитрий Константинович вздохнул:

– Недосуг, вряд ли. А вы с матерью езжайте. Може, кто из братьев тоже соберется.

Посмеялись, погалдели, пока старший брат Василий не прикрикнул, чтоб замолкли. Сестры смутились, отошли в сторону.

Ехать в Нижний собрались княгиня с дочками и средний княжич Симеон. Отец не был против, пусть Симеон с двоюродным братом поближе познакомится. У младшего из князей Константиновичей Бориса сын Юрий больно хорош, крепок уже в малолетстве и норов чувствуется.

На столбе высокого крыльца нижегородского княжьего терема сидела большущая ворона и, наклоня голову то на один, то на другой бок, наблюдала за происходящим внизу. Два княжича взялись биться учебным оружием, выясняя, кто ловчей. Бой шел нешуточный, это понял выглянувший в окно отец одного из княжичей. Видимо, обеспокоившись, как бы не покалечили друг дружку всерьез, князь Борис покачал головой и пошел разбираться. За ним, смеясь, последовал и еще один гость нижегородских князей – Олег Рязанский.

На крыльце стояли суздальские княжны и смотрели, как бьются деревянными мечами княжичи Симеон и Юрий. Хотя и одного возраста, но у Юрия получалось лучше, он с малолетства к ратной науке тяготел, недаром потом прозвище получил «Острый меч». Когда выбил из рук оружие у двоюродного брата, они о чем-то горячо заспорили. Девочкам не слышно, заглушала возня холопов на другом конце двора.

Но вот холопы затихли, договорившись, а княжичи продолжали спор. Симеон в запале закричал, как кричат дети, когда уже других доводов не остается:

– А мой отец старше твоего! Он великий князь и вас отсюда выгонит!

Юрию палец в рот не клади, подбоченился, выставил ногу, насмешливо фыркнул:

– Да он великий князь потому, что дядя Андрей отказался! А Нижний наш будет! И мы вас отсюда вон выгоним!

– А ты!.. А ты...

Быть бы большой драке, но подоспел князь Борис, рослый, косая сажень в плечах, вмиг раскидал вцепившихся друг в дружку братьев, не разбираясь, дал обоим по подзатыльнику. Обиженные Симеон и Юрий бросились каждый в свою сторону, грозя кулачками, мол, погоди, вот я тебе!

Княжнам показалось смешным, они фыркнули, но тут же прикрылись рукавами, потому как князь Борис был не один. С ним на крыльце показался тоже рослый, но более тонкий и красивый мужчина, по всему видно, не из последних. У Бориса Константиновича было хорошее настроение, потому, проходя мимо суздальских княжон, он весело подмигнул:

– А вы куда смотрите, пока братцу тумачи дают? Пошто не заступились?

Это показалось еще смешнее: как стали бы княжны за Симеона заступаться? Не в драку же с Юрием лезть! Обе снова залились веселым смехом, смущенно прячась за рукавами. Неожиданно глаза Евдокии встретились с глазами гостя, и она покраснела окончательно. Слишком внимательным и даже по-мужски жарким был его взор. Княжна не выдержала, метнулась в терем, с трудом переводя дыхание. Мария поспешила за сестрой.

Влетев в горницу, которую отвели гостям на время пребывания, обе девочки замерли, вытаращив глаза друг на дружку. Хорошо, что матери не оказалось дома, ушла с хозяйкой княгиней Вассой в церковь, иначе как бы объяснили такое поведение? Дочери Дмитрия Константиновича воспитаны в строгости, чтоб так бегать да смеяться...

Маша первой затараторила почему-то шепотом:

– Ты видела?! Чего он так смотрел-то?!

Евдокия снова залилась краской:

– А я почему знаю? – Почти с досадой закусил губу, но не выдержала: – А кто это?

– Бог весть. Надо узнать, а ну как родич наш, да при маменьке так вот... Она заругает.

Это было верно, княгиня не одобрила бы внимания незнакомца к дочери. Мала еще Евдокия, чтобы на нее заглядываться. Конечно, бывало, и в таком возрасте княжон замуж отдавали, и не раз, но ей спешить ни к чему, всего двенадцать годочков, есть время подождать да жениха выбрать.

Сама Евдокия тоже так думала, но ясные очи красавца все же смутили душу девочки. Нет, она пока и не мечтала о суженом, но время подходило, а потому вдруг проснулось что-то в сердечке, полыхнуло оно молодым жаром ожидания счастья. Весь день Евдокия ходила сама не своя, стараясь держаться подальше от всех. Верная сестра старательно оберегала ее от чужих взглядов.

Но как можно уберечь, если и гость тот тоже не на день приехал. Встретился снова на следующее утро, снова залюбовался Евдокиюшкой, вогнав ту в краску, но вел себя чинно, степенно, только что смотрел уж больно жарко.

Теперь заметила и княгиня, глаза прищурила, наклонилась к хозяйке что-то спрашивать. Снова внимательно посмотрела на незнакомца, чуть усмехнулась и почти кивнула. Сердечко Евдокии сладко замлело, поняла, что матери пришелся по душе этот глядевший. Да и ей тоже. Красив, строен, норов чувствуется. А еще ум во взгляде. Хотя дочь Дмитрия Константиновича старалась даже глазом не косить, но все заметила.

Выручила сестрица, как и успела столько разузнать? Уже немного погода, когда смотрели сквозь щелочку ставен на беседовавших близ крыльца мужчин, нашептывала Евдокии, что это князь Олег Рязанский, вдовый, дюже умен и начитан, детей нет, уделом своим правит твердо, хотя князем стал совсем молодым – двенадцати лет – и правил сам.

Почему-то именно это – что с малолетства сам правит – придало красавцу-князю небывалую привлекательность. Братья вон много старше, а дурни дурнями!

– Сколь лет-то ему?

Мария оглядела князя Олега с ног до головы и со знанием дела заключила:

– А двадцать пять, не более.

Так она это уверенно сказала, точно всякий день на глазок определяла возраст чужих молодцев. Княжны настолько увлеклись подглядыванием из-за притворенного окошка за князем, что проглядели собственную мать, подошедшую тихонько.

– На кого это вы смотрите?!

Растерялись обе, Евдокия снова полыхнула краской по самые уши, опустила голову. Мария оказалась проворней, затараторила:

– Мы, мамо, птичку на ветке занятную увидели. Таких и во Владимире не сыскать, не то что в Суздале!

– Птичку? Ну, покажите и мне вашу птичку.

Маша и тут не растерялась, спешно выглянула в окно, всплеснула руками:

– Ай, улетела! Жаль-то как, больно красивая была.

Княгиня скосила глаза на полузакрытую ставенку, потом на полыхающую огнем дочь и усмехнулась:

– Да не улетела ваша птичка. Стоит орел во дворе, с князем Борисом беседы ведет да на наши окна косится. Ты мне лучше скажи, сама-то не давала повода глазеть на тебя? Может, заманивала чем?

Евдокия испуганно вскинула глаза:

– Нет, нет! Только...

– Что только?

– Смеялись мы вчера над Симеоном с Юркой, когда они чуть не подрались, но мы же его не видели...

– Ладно, это не то. Не зря князь Рязанский на тебя смотрит. Ну, поглядим, что из того выйдет, слышала я, что всем взял он, и пригож, и умен, и силен. – И вдруг мать вздохнула: – Одна беда – княжество окраинное.

– А чем беда? – деловито поинтересовалась Мария.

– Да кто ни идет, татары ли, болгары или русские, все через его земли, да все его Рязань палят. Сколь раз уже сгорала, а ее снова отстраивают. Вот и Олег, рассказывают, заново город поднял, да какой... лучше прежнего. Молодец князь! Да, вдовый он, но детей нет.

По тому, как мать отзывалась об Олеге Рязанском, дочери поняли, что уже все узнано, оценено и прикинуто, дело за князем, хотя, конечно, молода Евдокия, подождать бы. Кроме того, Маша старшая, ей первой замуж идти. Если сосватают Евдокию, что ж Марии, в монастырь уходить?

Видно, так же думал и сам князь Олег, глядеть-то глядел, но разговора про сватовство пока не вел. Вернее, про княжну расспрашивал, но только князя Бориса Константиновича. Тот посоветовал подождать чуть, мол, немного погодя придет время, когда Дмитрий Константинович с радостью дочь отдаст. А почему и чего ждать, не объяснил, видно, знал что-то, но говорить не стал, рано.

Рассказала ли княгиня мужу про интерес рязанского князя к дочери, неизвестно. А может, и не до того было, потому что закрутили другие события. Но сама Евдокия не могла забыть внимательный взгляд умных глаз. Тосковало девичье сердечко, вдруг разбуженное мужским вниманием и почувствовавшее мужской зов в неведомую даль. Сестра Маша ходила вокруг нее, как вокруг больной, все оберегала от грубого слова, от ненужного взгляда. Это была их девичья тайна, от которой становилось страшно и сладко одновременно. Обе почув-

ствовали, что совсем скоро приедут к ним сваты, увезут из родимого дома, от пусть и строгой, но родимой матушки.

Поездки в Орду

– Дмитрий, – на людях митрополит Алексей звал его только князем Дмитрием Ивановичем, даже при матери, а наедине просто Дмитрием, все же во внуки годится, если не в правнуки, – пора в Орду собираться.

Молодой князь почему-то подумал, что, услышь это мать, всплеснула бы руками, запрочитала, что не пустит, что не поедет... Верно сделал митрополит, что без нее стал говорить. Правда, и самому страшновато в такой путь пускаться. Он знал, что не раз князья возили сыновей в Сарай на показ ханам, иногда даже и сами не ехали, а мальчиков с боярами отправляли. И все же дома оставался отец, хоть какая защита, а он сам как князь ехать должен. А вдруг не понравится тамошнему хану и тот даже ярлык на Московское княжество отберет?!

Нет, об этом лучше не думать. Да и Алексей обещал с ним поехать. Как митрополит не боялся сам далеко в путь пускаться, не только ведь в Орде бывал, но и до Царьграда дважды ездил, по морю бурному, среди совсем чужих людей без большой охраны. И в полон попал, а не испугался, смог выбраться и убежать.

Вот бы ему таким же бесстрашным стать! Однажды Дмитрий спросил Алексея, не боялся ли он. Старик скупой улыбнулся:

– Не испытывают страха только глупцы. Умный человек хотя и боится, но умеет страх побороть. Есть такое слово «надо», сынок. Оно иногда важнее любого страха. Все под богом ходим, ему одному ведомо, кого сберечь, а кого и не стоит. Если страшно, не думай о том, чего боишься.

– А о чем думать?

– О том, что сделать должен. Тогда и страх сам собой пройдет, ему места не останется.

Как княгиня ни причитала, а вот оно – стоят крепко слаженные ладьи у пристани подле крутого берега, готовые отплыть, чтобы унести московского князя и его сопровождающих в неведомую даль, в Орду на показ хану и, если получится, за ярлыком на великое княжение. Самого Дмитрия это великое княжение и не интересует вовсе, но он твердо знает, что так для Руси надо, для Москвы, для всех, а потому едет и будет делать все, что скажут. Кто скажет? Митрополит Алексей да бояре, им виднее.

Мать долго махала платом с берега вслед уплывавшим ладьям. Не одна она, рядом с княгиней Александрой стояла мать княжича Владимира Андреевича княгиня Мария, а дальше по берегу еще множество таких же женщин, что проводили в далекий опасный путь своих мужей и сыновей. Каждая думала: вернется ли, не обидят ли? И у каждой в душе рождалась досада: когда же это проклятье с русского народа Господь снимет? Сколько можно под Ордой жить, всякий год ей дань платить?! Ладно бы только золото да серебро, а то и людские жизни кладутся!

Видно, сильно провинился русский люд пред Господом, много грешен, если одно лихо за другим на него. То моровая язва всех подряд косила, то теперь вот сушь стоит такая, что едва лето началось, а трава как дрова в печи, вот-вот сама по себе полыхнет. Берега у рек открылись на безводье, вместо того чтобы пойменные луга заливать. Про татар как-то и забывалось за другими бедами. Только когда приходилось родных людей к ним отпускать, вспоминали...

А сам молодой князь уже давно забыл о провожавших, едва успевал крутить головой, разглядывая берега. Боярин Федор рассмеялся:

– Князь Дмитрий Иванович, голову открутишь, шея переломится...

Посмеялся по-доброму, не один князь метался от борта к борту, умудренные жизнью мужи, и те глаза таращили на новое. Митрополит тоже усмехнулся:

– Смотри, князь Дмитрий Иванович, это твоя земля, тебе она завещана, тебе защищать, с тебя и спросится.

И снова защемило сердце у Дмитрия, Алексей умеет вовремя подчеркнуть, что он князь, на нем и ответственность. Зазнаться не даст, а к спросу крепкому приучит быстро.

Но сидеть спокойно ни Дмитрий, ни двоюродный брат Владимир не могли, слишком много интересного вокруг. Пока плыли Москвой-рекой да Окой, вокруг были свои родовые земли, потом пошли соседние княжества. Земля Русская и люд тоже, но уже не свое, хотя бояться нечего, разве только разбойников. Но ладьи вели опытные люди, не раз плававшие по этому пути. Они-то как раз и утверждали, что вдоль русских земель можно плыть спокойно, вот от Булгара держаться стоит подальше.

Даже Алексей подивился:

– Это почему? Там всегда торг хороший бывал и русских купцов привечали. На посаде православных много, если в сам город не ходить, так никакой угрозы.

Рослый, крепкий в плечах купец, что был проводником в этот раз, нахмурился:

– Новгородцы похозяйничали... Ушкуйники в прошлом году налетели, как стая голодных псов, Жуковин разграбили, вот булгары и держат зло на русских. В ответ многим городам и весям досталось. Нет на них, татей, управы никакой! Добро бы татар грабили или соседей новгородских, так нет, лезут от своих берегов подальше, безобразничают так, чтобы другие за них отвечали!

И столько досады было в голосе и словах бывалого купца, что Дмитрий поневоле запомнил, что ушкуйники – это зло, тати, которые грабят без разбора, а головами потом русским отвечать.

– А Новгород что, куда же смотрит? – не выдержал княжич Владимир.

– Там вольница, чуть что – разводят руками, сами, мол, ребятушки разбойничать бегали, мы и не ведали...

– Может, и правда не ведали?

– Не-ет... откуда оружие? Купцами новгородскими оплачено. Им выгодно, чтобы в ответ по Волге и Каме плавать кроме них остальные боялись, да чтобы русских купцов по болгарским и татарским городам грабили.

Дмитрий смотрел на митрополита, ждал, что ответит. Но тот лишь головой покачал: не время сейчас с ушкуйниками разбираться, самим бы удержаться. Ничего, и их под свою руку поставим...

Рязань даже со стороны не увидели, княжичам только показали место на крутом берегу, где прежняя стояла. Так пожег ее Батый, так поиздевался над рязанцами, что не стали город возрождать. Новый Переяславль-Рязанский князь Олег подальше поставил на одном из протоков, чтобы с ходу не добраться, и рассказывают, стеной обнес, укрепив знатно. Вообще, об Олеге Рязанском, пока плыли мимо, мальчики наслушались много. Все говорившие сошлись в одном: крепок князь, силен, только трудно ему, крайнее княжество, любой, кто снизу идет, Рязань не минет, а значит, руку приложит.

Дмитрий даже в душе порадовался, что не столь близко от Орды сидит. Вроде как Рязанское княжество для Московского заслоном служит.

Мимо Булгара и впрямь плыли быстро и по стрежню, чтоб с берега не достали стрелой. Бог миловал, не тронули булгары московское посольство, до самого Сарая все было спокойно. Княжичи смотрели на высокие крепостные стены, окружавшие Булгар, и недоумевали: как же смогли ушкуйники на своих небольших лодках осилить такую махину?

Им объяснили, что те обманули местных и подошли волоками с другой стороны.

– Значит, город со всех сторон крепить надо вот такими стенами! – блестел глазами Дмитрий. – Вокруг Москвы тоже каменный заслон ставить пора.

– Пора, князь, пора, да только недосуг все. Вот возьмешь великий ярлык, тогда и станешь, – чуть усмехнулся Иван Вельяминов.

Этот из братьев Вельяминов самый большой насмешник, особенно против Дмитрия. При любой возможности намекает на его, князя, неуклюжесть и неловкость. А еще на нелюбовь к книжной премудрости. Дмитрий и сам за собой эти недостатки знает, понимает, что Иван Васильевич прав, а оттого еще больше злится. Ну что делать, если плотным уродился?! Не станешь же голодом себя морить, чтобы вон таким, как брат Володя, тонким быть?

Понимает маленький князь, что неуклюжесть не прибавляет ему красоты в глазах тех же дружинников. Куда как краше, когда князь соколом в седло взлетает или наземь с коня спускается... А Митрий пыхтя все делает. Ничего, и я осилю! – мысленно злится Дмитрий неизвестно на кого больше – насмешника Ивана Вельяминова или самого себя.

И про книжную премудрость Иван тоже верно насмехается. Вот если Дмитрию что рассказать, так запомнит надолго, а буквицы разбирать, чтобы в слова складывались... И как это братцу Владимиру все легко дается? Только показал ему чернец Данила, который чтению и счету их учит, а отрок уже быстро схватил! Дмитрию дается тяжело, не любитель он книжной премудрости, прав Иван Васильевич. Ну и что из того? Князю твердость души нужна и воинское умение, а книги для митрополита и бояр, пусть разбираются.

Все это видел и митрополит Алексей. Особо на маленького Дмитрия не давил, но за тем, чтобы старался, следил строго. Одной ратной наукой ныне не обойтись, князь должен и грамотным быть. Пусть Дмитрий не так учен будет, как сказывают, Олег Рязанский, но буквицы и быстрый счет освоить обязан! Маленький князь пыхтел над книгами изрядно, но говорить что-то супротив не решался. Зато рассказанное запоминал с первого слова до последнего.

Как ни примечателен роскошный Булгар, а когда добрались наконец по Волге до места, где она надвое делится и на берегу стоит столица Золотой Орды Сарай-Берке, мальчики дар речи потеряли.

Булгар окружали высокие стены, выпускавшие на волю только языки пристаней, в город можно попасть лишь через неширокие ворота. Над стенами возвышались купола минаретов с полумесяцами над ними вместо крестов.

В Сарае минаретов тоже хватало, глаз то и дело наткался на синий купол, а вот защитных стен не было вовсе! Куда ни кинь взгляд, всюду тянулся вроде посад, только не как в Москве или других городах, которые проплывали. У русских в посадах живут ремесленники да торговые люди, что попроще, а здесь дворцы видны, палаты каменные... Каков же сам хан, если у него даже посад столь богатый?!

Но ни каменных крепостных стен, ни даже деревянного тына не видно. Вельяминов объяснил:

– А у них и нет никакой защиты...

– Как не бояться нападения?!

– Ставят себя выше всех на свете, чванливы очень, потому и не боятся, – это уже митрополит. Он знает, о чем говорит, давно ли Тайдуллу лечил. Дмитрий сразу пристал к Алексею с расспросами: где ханский дворец? Где Тайдулла живет? А где дружина?

Город и впрямь вольно раскинулся вдаль от берега Ахтубы на всю ширь, до которой только дотягивался глаз. Земля ровная, ни холмов тебе, ни лесов, зелень деревьев только за серыми заборами видна. На реке ладей самых разных – не протолкнуться, куда там московскому торгу, который князь шумным считал!

Не успели к пристани приткнуться, их окружил многоголосый разноязычный гвалт, всякий орал на свой лад. Кто-то разгружал свои суда, кто-то, напротив, укладывал в них товар перед дальней дорогой, бегали рабы с огромными тюками на спинах, сновали разносчики всякой всячины, зазывая то попить, то полакомиться, ревели ослы и верблюды, ржали лошади...

Дмитрий понял, что еще и не вертел-то головой по-настоящему. Вот где шею свернуть можно! И как в такой толчее что разобрать, как самого хана найти?

Но сопровождающие были опытными, да и сам Алексей Сарай не забыл еще, сразу принялся распоряжаться, куда лучше приткнуться ладьи, куда сложить ценное, куда идти самим. К вечеру у княжичей от непривычного шума и гвалта болели головы, но и заснуть сразу не удалось, перед глазами мелькали люди, ладьи, лошади, а еще необычные животные, которых называли верблюдами. Увидев чудище, Владимир потянул брата за рукав:

– Глянь, глянь!

Верблюд был огромным, много выше коня, весь покрыт шерстью, свисающей с тощих боков рваными клочьями с запутавшимися в ней репьями. Не похожая ни на конскую, ни на овечью голова медленно поворачивалась на длинной шее, животное горделиво оглядывало окружающих из-под длинных ресниц. А на его спине возвышался настоящий горб! Горбатых людей Дмитрий видывал в своей жизни, но чтоб горб был у животного, да еще не один, а целых два...

Вельяминов со смехом потянул братьев подальше от чудища:

– Берегись, как плюнет, не отмоешься.

Почти сразу чудище подтвердило его слова, но плюнул верблюд не в княжичей, а в надоевшего, видно, неопытного погонщика. Тот пытался заставить великана лечь, бездумно дергая за длинную веревку, привязанную к ремешку на морде. Да... было на что в Сарае посмотреть и без ордынского хана!

– А где ж татары? – дивились мальчики.

И правда, в Сарае-Берке летом можно было встретить кого угодно, здесь торговали, жили, безостановочно галдели люди со всех концов света, а вот привычных глазу ордынцев, каких видели в Москве, в Сарае почти незаметно. Оказалось, сами владельцы города предпочитают в нем в теплое время года не сидеть, кочуют по степи. Вот-вот должен бы вернуться хан со своими хатунями, потому и прибыли русские в самом конце лета, а не в его начале.

Но самым удивительным оказалось, что нынешний хан никуда не откочевал. Плыли к Новрузу, а оказалось, что его уже нет в живых, а правит Хызр (господи, и не выговоришь с первого раза!). Алексей морщился: зря богатые дары привезли, тут же распорядился большую часть припрятать, чтоб не развели ханские прихвостни. Митрополит понимал, что этот хан ненадолго, а потому и за ярлык зря биться не стоит.

Дмитрий, услышав такой расклад, даже расстроился, неужто не видать ему великого княжения? Почему-то именно в Сарае вдруг страшно захотелось стать великим князем. Но не его слово главное, бояре с митрополитом рассудили иначе. Князя к хану сводили, подарки всем отдали, но не такие, как раньше делали, а окружению ханскому поплакались, мол, Москва после моровой язвы порушенная лежит, чуть поднимется, и привезем побольше.

Хан принял маленького князя ласково, его рука гладила плечо мальчика, а глаза смотрели далеко-далеко, видно, жалел, что сам сына не имеет. Но ярлыка на великое княжение Хызр Дмитрию не дал, оставил у Дмитрия Константиновича Суздальского, посчитал московского князя слишком молодым для этого. Вроде даже жалел, мол, если даст, то мальчику тяжело придется, слишком многие захотят отобрать. Резон в его словах был, это признал даже митрополит.

В ханском дворце и даже после вечером Алексей молчал, делая вид, что все как нужно. Разговорился только в ладье, когда Сарай давно скрылся из глаз. Принялся втолковывать маленькому князю, что в Орде началась замятня. Как Джанибека убили и хан Бердибек всех своих братьев порешил, чтоб поперек дороги к власти не стояли, так и настало безвременье. Чингизидов Бердибек всех извел, кто теперь у власти? Прямых наследников нет, стало быть, и Новруз, и Кульпа, и Хызр и многие другие прав имеют не больше, чем множество других. А потому и нынешнего век недолог.

Дмитрий ахнул:

– Так что ж теперь? На кого надеяться?

Митрополит чуть помолчал, пожевал губами, потом задумчиво произнес:

– Надо ждать, пока сильный хан не найдется. У меня в Сарая остались надежные люди, дадут весточку, когда с места сдвинется. А пока подождем...

Прошло два года, митрополиту принесли какие-то вести из Орды, он собрал бояр, чтобы посоветоваться. Уже немного повзрослевший и кое-что понявший Дмитрий смотрел на наставника и умудренных жизнью мужей и думал, что бы без них делал. Да ничего, смели бы в первый же год, отправили в далекий крошечный удел, чтобы не мешал, а то и вовсе удавили, убивая возможного соперника на будущее. Кажется, это поняла и княгиня Александра, больше не противилась наставлениям и решениям старших.

Вообще, княгиня все чаще болела, словно таяла без мужа. Но ее век мало кого беспокоил, кроме разве сыновей. Только не одни дочери, и сыновья из-под материнского крыла рано вылетают. Дмитрий памятовал рассказы о ханшах, которые в Орде вместе, а иногда и вместо мужей правят. Если хан на кочевье или вовсе в походе, то ханша главной. И после смерти мужа тоже остается при взрослых сыновьях старшей, без ее ведома русским князьям ярлыка не получить, первые дары хатуням везут. Особенно большую власть имеют матери ханов, видно, сыновья их слушают. Недаром Алексей по первому зову к Тайдулле помчался, знал, что Джанибек не простит промедления.

Дмитрий тоже согласен слушать, но княгиня Александра сама старалась советов не давать, куда ей из своего терема всю сложность нынешней жизни постичь! Молодой князь иногда задумывался, все ли вдовы княгини так? Наверное, нет, вон в давние лета княгиня Ольга сама и в Киеве правила, и в Царьград ездила. А после? Ничего такого... Почему русские женщины не как хатунь? Но кто сказал, что князья не прислушивались к советам, даваемым по ночам после бурных объятий своими женами? Слушал ли Александр Ярославич свою Александру? А знаменитый дед Иван Данилович? Отец так явно не слушал, потому как мать советов не давала. А у него самого как будет?

Дмитрий впервые задумался над тем, какова будет его жена. Тоже ведь вопрос, надо, чтоб и разумна была, и неплодной не оказалась, и матерью хорошей, и... к душе легла... Не раз князья жен обратно к их отцам отправляли, потому как не пришлась княгиня...

Но эти заботы казались такими далекими! Ему всего тринадцатый, куда тут о женитьбе думать... Тем паче что митрополит Алексей снова поездку в Сарай задумал. Вести из Сарая принесли, что борьба идет между чингизидом Мюридом и ханом Абдуллой.

– А Абдулла не чингизид?

– Тоже таков, но его темник Мамай поставил, а Мюрид, тот со стороны Большой Орды пришел.

– Кому тогда подарки везти?

– То-то и оно, что обоим.

Не все поняли замысел митрополита, пришлось объяснять. В Орде разлад, уже открыто дерутся меж собой Мамай, зять убитого Бердибека, и ханы Синей Орды, за которыми сила степей стоит. Мамай по правобережью Волги ходит и в Крыму правит, а его противники по левому берегу, в Сарая.

Бяконт покачал головой:

– Ох, как бы не ошибиться со ставкой-то... Задобришь Мюрида, а Мамай осилит, тогда как?

– Дары обоим пошлем, и Мюриду, и Абдулле Мамаевскому. А ярлык поедем просить в Сарай, куда же еще? Если неурядица возникнет – с нас спрос маленький, кто ж знал, что в Сарая незаконный хан сидит? Но главное не то, я мыслю, что, пока Орда меж собой не сла-

дит, можно много пользы для Руси и Москвы поиметь. Князь Димитрий Иванович, не упусти случай, твое время настает. Пока в Орде разлад, Московское княжество поднимай, под него остальные ставь, иначе нам с этим лихом не справиться!

Позже один на один митрополит говорил уж совсем откровенно:

– Молод ты, конечно, Димитрий, да времени ждать, пока возмужаешь, у Руси нет. Тебе всю Русскую землю под себя брать. И ни на кого не смотри, никого не слушай, пусть ругают тебя, пусть загребушим да несправедливым ныне назовут. Внуки да правнуки разберутся, выдадут сторицей, когда поймут, что не для своих закромов старался, а больше обо всей земле думал.

Долго внушал отроку митрополит про то, какая ему нелегкая судьба выпала, и про то, какую обязанность наложила. Дмитрий даже чуть испугался – выдюжит ли?

– А ты, отче, поможешь?

– Помогу, каждый шаг подскажу, где и грех на себя возьму, чтобы тебе легче было... Нет у тебя другого пути, ежели дорога тебе та земля, что дедами завещана, ты ее видел, когда в Сарай плыл. А еще с игуменом Сергием познакомлю. Радонежский монах весьма разумен, отцом духовным стать может.

И снова за бортом ладей журчала вода, свиваясь тугими струями, снова бежали по стономам то высокие, то низкие берега... Но на сей раз не было рядом брата Владимира Андреевича, он в Москве остался, ни к чему всем ездить. А еще обратил внимание Дмитрий на то, что деревни по берегам вроде ожили чуть, за два года больше стало дымов, чаще люди встречаться, кто в лодке, кто просто у воды с делом.

А в Сарай-Берке ничего не изменилось, все так же разноязычно гомонили бесконечные рынки, гордо взирали на людей с высоты своего роста верблюды, позвякивая колокольчиками на шеях, так же пылили дороги под ногами многочисленных караванов. Снова кричали менялы и пахло вареной бараниной из многочисленных котлов, поставленных прямо посреди улиц для жаждущих поест и способных заплатить за угощение.

И все же в воздухе просто разливалось беспокойство. Русские уже знали, что захвативший власть в Сарае хан Мюрид, или, как его называл епископ Иван (был в Сарае и такой!) Амуррад, спокойно не сидит, на правом берегу Волги власть взял темник Мамай, зять Бердибека. Силен, слов нет, но он не чингизид, потому быть ханом Золотой Орды не может, поэтому нашел другой выход – объявил ханом своего ставленника Абдуллу.

Слушая рассказ епископа Ивана, митрополит кивал головой:

– Нам то ведомо.

– А ну как Мамай власть возьмет? Он такой, он может... Тогда и ярлык не пригодится.

Алексий чуть скосил глаза на Ивана, стоит ли говорить? Решил – стоит, усмехнулся:

– А мы от обоих ярлыки получим, и к Абдулле посольство уехало с дарами. Пусть про запас два ярлыка будут. Это все равно дешевле, чем каждый год сюда мотаться к новому хану.

– Кабы год, а то ведь и по полмесяца хозяйничали! И каждый новый прежнего вырезал вместе со всеми его ближними. Страху натерпелись. И когда в Орде твердая власть будет?

Слушавший это молодой боярин Микола Вельяминов вдруг от души расхохотался:

– Вот времена настали – русские о твердой власти в Орде мечтают! Такого не бывало прежде.

Дмитрий заметил, что Алексий явно хотел что-то возразить, но не стал, оставил мысли при себе. Потом наедине спросил об этом, митрополит усмехнулся:

– А и внимателен ты, князь! И прав, и не прав боярин. Оно хорошо бы, чтобы власть была твердой и понятной, но для нас и такая неплоха. В мутной воде тоже рыбка ловится. Пока Орда меж собой дерется, ей не до Руси, можно и самим на ноги встать. Спеши, князь Димитрий, вот оно, твое время, про которое я твердил. Пока Мамай с Мюридом не вместе и в Сарае сильной руки нет, постарайся Москву укрепить, под себя остальные княжества взять.

– А если в Орде сильный хан будет?

– Успей понять, кто слабей, и присоединиться к сильному. Пусть сильный будет тебе благодарен за помощь, тогда еще передышку получишь. Хитри, изворачивайся, пока другого не дано, нет силы у Руси совсем свободной стать, потому твое дело крепить ее до поры до времени.

Писец старательно очинил новое перо, запас которых взят еще из Москвы, и приготовился нанести на пергамент все, что следовало сообщить потомкам о поездке князя Дмитрия Ивановича в Сарай-Берке. Пергамент уже разложен на небольшом столике, в плоску налиты чернила... В Сарае душно, несмотря на поздний вечер, проклятые мошки, привлеченные светом небольшого светильника, примощенного тут же, так и выются перед лицом, лезут в глаза, в нос.

Феодор уже придумал фразу, которую следовало нанести на драгоценный пергамент, осторожно обмакнул перо в чернила и тут заметил налипшую на кончик здоровенную муху. Видно, утонула в плоске, а писец не заметил. Досадливо тряхнув пером в надежде избавиться от нежелательной гостии в чернилах, Феодор с ужасом увидел большущую кляксу, расплзающуюся по листу.

С досадой дернув рукой, писец... задел пергамент и его краем опрокинул плоску! Столик слишком мал для большого листа и чернильницы. Теперь уже не клякса, а целая лужа разлилась по дорожному пергаменту, норовя пролиться и на одежду. Монах вскочил, смахнул чернила с листа и неожиданно для себя ругнулся, помянув нечистого. Пергамент был испорчен!

Видимо, привлеченный его ругательством, в каморку заглянул митрополит:

– Пошто нечистого к ночи поминаешь? – Увидел разлитые чернила, все сразу понял, но браниться не стал. – Лист посуши, потом ножичком поскребешь, он еще на другое сгодится, что попроще. Остальное очисти да возьми у меня еще лист. И чернила не ставь на столик, можно же рядом пристроить! – Уже обернувшись, чтобы уйти, Алексей вдруг добавил: – Чтоб всякая дрянь в чернила не попадала, накрывай их тряпицей сверху.

Чернец не мог поверить своим ушам, неужто и наказан не будет?! Но он ошибался, митрополит уже под конец строго велел:

– А за ругань неприемлемую сорок ден вечерами по два десятка раз молитву читать станешь и поклоны бить. Я скажу какую.

Феодор вздохнул и принялся выполнять приказанное. Получается, что не за испорченный пергамент его митрополит наказал, а за брань непотребную? Ловко, хотя прав Алексей, как можно писать о делах славных, ежели с недобрыми словами к письму приступаешь?

Немного погодя на пергамент легли первые строки: «В лето 6871 (1363) прииде князь Дмитрий Иоаннович в Сарай...»

Мюриду были очень нужны деньги, он дал ярлык князю Дмитрию Ивановичу в обмен на богатые подарки, правда, для пущей важности сначала облагодетельствовал ярлыком, а потом дары принял. Пусть попробует кто сказать, что куплен ярлык!

Русские повернули носы своих ладей на север, пора уходить домой. Получить ярлык еще не все, теперь надо вернуть себе Владимир, где сидит Дмитрий Суздальский. В том, что князь Дмитрий Константинович будет противиться, никто не сомневался. Только бы Мюрид не передумал спустя две недели, а еще чтоб его самого в ночи не прирезали как барана. Кажется, первые русские бояре переживали за судьбу ордынского правителя! Вот она, замятня ордынская!

Немного погодя прибыло и второе посольство – от Абдуллы Мамаевского. Там тоже старались и тоже привезли ярлык на великое княжение для Дмитрия Ивановича! Казалось, что все складывается хорошо, но на Руси редко жили спокойно, так получилось и на этот раз.

Прознав, что московские послы получили ярлык еще и у Абдуллы, хан Мюрид страшно обиделся и поспешил в знак своего недовольства отослать новый ярлык Дмитрию Суздаль-

скому с бывшим в то время в Орде Иваном Белозерским. Теперь ярлыка оказалось два от разных ханов и у разных князей. Это не сулило ничего хорошего.

Борьба с будущим тестем

Когда вернулись из Сарая, княгиня Александра с трудом узнала сына. Не потому что потемнел на степных ветрах и похудел, вдруг потеряв детскую упитанность, а просто князь вдруг повзрослел. Уходил мальчик, вернулся муж. Такого не погладишь по голове, не приласкаешь по-матерински.

Брат Ванятка тоже рот раскрыл от удивления. И двоюродный брат Владимир, хотя и был выше на полголовы, смотрел снизу вверх, даже смущался перед Дмитрием и звал князем. Дмитрий распахнул глаза:

– Владимир, ты чего это? Для тебя-то я просто Митрий, это для люда князь.

Тот замялся, а потом признался честно:

– Ты какой-то другой ныне...

– Какой?

– Не знаю... взрослый...

Но позже вечером Дмитрий принялся рассказывать про изменения в Сарае, и брат понял, что это все тот же простой Митрий. Но все равно в брате что-то изменилось и это что-то делало его князем.

Немного погодя начались разборки с Дмитрием Константиновичем, при которых тот наделал в запале немало обидных ошибок. Ярлык ярлыком, но все понимали, что должна и отчина соблюдаться, власть строиться все же по русскому обычаю. Одно дело, когда имеющие равные права меж собой князья за ярлык бьются, и совсем другое, когда законный наследник Дмитрий Иванович, каким бы он ни был молодым, ярлык получает, а взявший владимирское княжение не по отчине и не по дедовине Дмитрий Константинович сопротивляется. Да еще как!..

Чтобы не пустить нового великого князя во Владимир, для венчания на княжение, Дмитрий Константинович захватил Переяславль-Залесский, норовя помешать Дмитрию московскому проехать! Это уже ни на что не похоже. На сторону Дмитрия Ивановича встали все чаявшие справедливости русские. Понимая это, Алексей решил не пугаться Дмитрия Суздальского. Бояре поддержали митрополита.

Поутру мальчиков разбудили рано, едва рассвело – ехать пора. Все трое были возбуждены, хотя ни Дмитрий, ни Владимир старались этого не показывать. Дмитрий – потому что князь и ему негоже трястись по каждому случаю, а Владимир – потому что норовил во всем держаться не хуже брата. Пытался и Ванятка, который вообще копировал князя, даже ходил важно, как ему казалось, очень похоже на Дмитрия. Все вокруг по-доброму посмеивались над маленьким княжичем.

Во дворе суетились люди, запрягали лошадей, укладывали вещи в возки, переругиваясь и отпуская беззлобные шуточки. По всей округе разносились запахи стряпни, приятно щекоча носы. Княгиня, несмотря на совсем раннее утро, была в полном одеянии и ходила по палате, комкая в руках платок. На глаза то и дело набегали слезы. Александра старалась их не допускать, понимая, что если начнет плакать, то уже не перестанет.

Бояре увозили уже не одного Дмитрия, а всех троих мальчиков неведомо куда. Пусть вчера митрополит, а потом весь вечер родич Василий Васильевич Вельяминов убеждали, что сберегут князя и княжичей, сами костями лягут, а их в обиду не дадут, что не посмеет князь Дмитрий Суздальский супротив московского войска выступить... Все равно, мать готова была спрятать младшенького хоть под подол, только бы не забирали. Но Александра понимала, что ей и Ванятку не удержать, Дмитрий в таком возрасте уже в Орду плывал, а его вместе с братьями по своей земле не отпускают?! Пришлось смириться, хотя сердце, конечно, ныло.

Будь у княгини жив муж, она спокойно отдала бы княжичей отцу... Подумала так и поняла, что нет, и тогда материнское сердце ныло бы, как ноет всякую минуточку, когда не видит своих ненаглядных мальчиков. Все, что могла мать – благословить сыновей в дорогу и проследить, чтобы при сборах не забыли чего.

Они и прощались с матерью наскоро, все недосуг, все торопились. К Александре подошел Василий Вельяминов:

– Ванятка только сперва на коне поедет, потом его в митрополичий возок пересадят. И охрана хорошая, и митрополит рядом.

– Нет, он не сядет! Если братья будут верхами ехать, то и он поедет. Растрясется же!..

Сейчас княгине казалось самым страшным это – растрясет младшенького, у которого на широкой конской спине ножки в разные стороны разъехались шире некуда, разболеется он, а пожалеть, приласкать некому будет. Вельяминов чуть улыбнулся в усы:

– Пересадят! Договоренность у нас с митрополитом есть. Заставят.

И снова Александре было жаль младшенького. Заставят... А ему обидно будет, заплачет, и снова не приголубит никто...

Так и осталась слезы без повода лить. А сыновья руками помахали, причем Дмитрий всего лишь раз, Владимир, которого уже своим сыном считала, тоже, а Ванятка все норовил обернуться и еще раз махнуть. Пешцы, что шли по обоим бокам лошади и осторожно придерживали княжича, чтоб не соскользнул, едва справлялись из-за его верчения.

Но вот вереница коней и пеших во главе с новым великим князем Дмитрием Ивановичем скрылась с глаз. Москвичи еще долго обсуждали, что хотя и молод Дмитрий Иванович, а вон как силен! Живо нашлись те, кто подтвердили: на деда Ивана Даниловича похож, точно сын его, а не внук! Эта похожесть народ очень порадовала, что скрывать, боялись, что из-за малолетства Дмитрия на Москве многое порушится. Но Господь миловал, и митрополит вовремя вернулся, и бояре друг дружке бороды не повырывали в споре за власть, и сам молодой князь толковым оказался.

Вокруг невысокого мужичка на торге собралась толпа любопытствующих. Он оказался очень осведомленным – плавал с князем в Сарай и воочию видел, как Дмитрий Иванович себя у татей ордынских вел! К рассказчику протиснулся похожий на только что вылезшего из берлоги медведя-шатуна кожемяка. Он него несло кислыми кожами и потом, но сейчас никто этого и не заметил, правда, пропустили, потому как больно плечист и крепок оказался.

Рассказчик вдохновенно врал:

– Тут и сказал Дмитрий Иванович поганому хану ордынскому, топнув ножкой: «А давай-ка ты мне, чудище, ярлык великокняжеский, не то как возьму одной рукой да об землю и ударю! Останешься ты, чужище чужеродное, лежать бездыханным!»

Толпа ахнула от смелости своего молодого князя. Ты глянь, сколько князей с трясущимися руками и ногами в Сарай ездили, а этот и чудища не испугался! Кожемяка, однако, не совсем поверил, засомневался:

– А чего ж стража ордынская молчала? Неужто у них мечей вострых нет, что не порубали за такие слова нашего князя?

Мужичок и ответить не успел, окружающие, возмущенные ненужным сомнением в таком лестном для князя рассказе, принялись орать на кожемяку. Одна из баб пошла на него приступом, уперев руки в бока:

– Сказано же тебе, что перепугались! Ишь какой недоверчивый!

К бабе живо присоединились еще несколько, наскакивали на здорового кожемяку, хотя и были ему не выше плеча. Тот отбивался, как мог:

– Да я что, я только спросил, куда охрану дели! Порубали или как?

– Ясно дело, порубали! – решили вокруг и, бросив бедолагу на произвол судьбы отбиваться от возмущенных баб, снова окружили рассказчика, продолжившего врать с удвоен-

ным воодушевлением. Бабы, быстро осознав, что, расправляясь с возмутителем спокойствия, пропустят самое интересное, бросили свое преследование и заработали локтями, пробиваясь обратно в круг. Их пропускали, уважая за заступничество.

Сам кожемяка чуть постоял, раздумывая, стоит ли также послушать, но решил, видно, не рисковать, привычно полез пятерней в затылок, подумал и, махнув рукой, отправился восвояси. А слушатели немного погодя понесли слухи один другого чуднее, как их молодой князь Дмитрий Иванович расправился с ордынским ханом, только вот разные люди звали хана по-разному. Кто говорил, что то был Жанибек, кто звал Наврузом, а кто и вообще Мамаем...

Не ведали москвичи, что пройдут годы и они уже безо всяких слухов смогут гордиться своим князем за победу над тем самым Мамаем на поле Куликовом. И не только они, но и много столетий спустя их потомки. Не всех героев земля Русская помнит, но есть такие, которых никогда не забывала. Дмитрий Иванович, прозванный позже Донским за Куликово поле, из них.

А сам молодой князь, не ведая еще о своих будущих победах, ехал вместе с братьями боярами изгонять из града Владимира самовольного князя Дмитрия Константиновича, чтобы занять великокняжеский стол.

К Дмитрию подъехал Матвей Бяконт:

– Дмитрий Иванович, глянь-ка на брата, едва в седле держится. Скажи, чтоб в возок пересел, не то и правда зад набьет так, что не одну седмицу на пузе пролежать придется.

Дмитрий и сам видел, что Ванятка едва держится на лошадиной спине, тряско все же, не первый час едут, да и широк для него лошадиный круп. Кобылу выбирали смирную, широкую, что твоя лавка-лежанка, поначалу сидеть удобно, но широко разведенные в сторону ноги быстро устают и начинают болеть. Это князь по себе помнил, когда только учился ездить верхом. Он покачал головой:

– Да я и сам вижу, только не слезет ведь, тоже упрямый!

Боярин прищурил глаза:

– А ты не князь ли? Прикажи, ослушаться не посмеет.

Дмитрий подъехал к мальчику. У того и лицо чуть перекошило от усилий.

– Княжич Иван, как великий князь велю тебе пересест в возок к митрополиту!

Строгий голос брата не обманул княжича, он узрел в глубине глаз Дмитрия веселые нотки, замотал головой:

– Не, я как вы, верхом поеду...

Со стороны тут же отозвался Вельяминов:

– Ты что это, княжич? Кто ж волю князя обсуждает?! Исполняй что велено!

Иван оглянулся, чуть обиженно дрогнули губы, понимал, что сговорились. Дмитрию вдруг стало его еще жальче, наклонился с коня, тихонько добавил, вроде чтобы остальные не слышали:

– Вань, надо же кому-то с митрополитом ехать... Мне никак, выручи, а?

Несколько мгновений Иван зорко смотрел в глаза старшему брату, но Дмитрию удалось спрятать улыбку, ничто не дрогнуло и во взгляде, поверил младший, кивнул и полез с коня с заметным облегчением. Вокруг тоже облегченно вздохнули: едущий тихим шагом княжич сильно задерживал движение рати.

Дмитрий Суздальский не стал дожидаться московских войск и предпочел попросту удрать! Но вдохновленные его бегством воеводы продолжили погоню до самого Суздаля. Теперь уже неудавшийся великий князь запросил мира в своей собственной вотчине.

Дмитрий Иванович наконец во Владимире был объявлен великим князем, будучи тринадцати лет от роду. Он вернулся в Москву довольный и полный надежд. Москва ликовала, хотя чего бы радоваться простому люду? А все равно грело сознание, что их князь стоит над всей Русью, пусть и всей Руси-то с воробыный скок осталось от прежней. Но Москва не потеряла

того места, которое для нее завоевал Иван Данилович по прозвищу Калита, и это не могло не радовать всех от бояра до холопа на захудалом дворе.

Только рано обрадовались, никто еще просто так власть не отдавал, во всяком случае, Дмитрий Константинович был не из тех, кто ярлыками на великое княжение разбрасывается. Он продолжал надеяться осилить московское боярство и стать-таки во Владимире хозяином. Для чего и сына Василия Кирдяпу в Сарай отправил с дарами – жаловаться на горькую судьбу и московского князя Дмитрия Ивановича.

Но в Сарае было не до свары русских, там продолжалась своя, и снова сменился хан. Правда, новый прислушался к плачу княжича Василия и новый ярлык его отцу дал. На Руси зрела новая битва за власть...

Митрополит сидел в палатах у брата, зашел навестить и поговорить о делах без лишних ушей и глаз. Лето клонилось к закату, по ветру уже полетели первые тонкие паутинки, обещающая теплую, солнечную осень. Но солнышко еще пригревало, хотя в палаты сквозь разноцветные стекла окон почти не пробивалось, только разрисовывало все вокруг красным, синим, зеленым...

Алексий был задумчив: только что принесли весть, к которой и не знаешь как отнестись. Только-только князю Дмитрию Суздальскому сын привез из Сарая новый ярлык, сильно порадовав отца, как сообщили, что младший из братьев Константиновичей Борис объявил себя владельцем Нижнего Новгорода. Нижний принадлежал старшему брату Андрею и в случае чего должен достаться сопернику Дмитрия Ивановича Дмитрию Суздальскому.

Московские бояре ломали головы – что теперь предпримет Дмитрий Константинович? Что ему важнее – Нижний Новгород или великое княжение? Матвей Бяконт усмехнулся:

– Ай да Борис! Загнал братца в ловушку!

– Как бы ты поступил?

– Я? Я бы бился за Владимир, но на месте Дмитрия Константиновича лучше схватиться за Нижний... Ярлык сегодня есть, завтра нет, а остаться с одним Суздалем совсем тоскливо...

Не одни москвичи ломали голову над этим вопросом, прежде всего он стоял перед самим Дмитрием Константиновичем, не то великим князем, не то просто князем Суздальским, и не поймешь... Наверное, это имел в виду князь Борис, когда обещал Олегу Рязанскому, что скоро Дмитрию Константиновичу не до перебора с женихами будет?

Андрей власти младшего брата не противился, напротив, принял постриг, удаляясь в монастырь. Вот и остался Дмитрий Константинович с ярлыком, который еще и завоевывать надо, и маленькой Суздалью. От младшего брата он такого не ожидал. Что делать? Ехать в Сарай на Бориса жаловаться? Но Василий честно сказал отцу, что в Орде такой разлад, не только разбираться не станут, но и свою голову потерять можно.

Удивительно, но в ту минуту суздальский князь Дмитрий Константинович затосковал по сильному ордынскому хану. Теперь на Руси прав тот, у кого силы больше, а ее у суздальского князя не было. У кого есть? Как ни горько признавать, но у Москвы.

Евдокия и Мария не могли понять, почему отец ходит чернее тучи. Вроде брат с удачей из Сарая вернулся, можно бы снова во Владимир ехать, а он не только не торопится, но и говорить о Владимире запретил!

Любопытная Маша не выдержала, подобралась бочком к старшему брату выведать, но он так огрызнулся, что обиженная княжна прибежала в горницу вся в слезах. Успокаивая ее, Евдокия убеждала:

– Ну и чего тебе? Надо будет – скажут... а нет, так и не лезь с расспросами.

– Так ведь обидно... Чем мы хуже того же Семена? Ему все сказывают, а нам, как дурехам, ничегошеньки...

– Оно тебе нужно? Пусть не сказывают. Наше дело детишек рожать да растить, остальное пусть князья делают, и думают тоже.

Мария была не согласна с таким положением дел.

– Не-ет! Намедни быстрый счет проверяли, так Семка дурень дурнем, а мы с тобой вон как быстро сообразили! Вот скажи, почему им все, а нам ничего?! Почему?!

Немного позже прояснилось, почему отец такой смурной. Князь Борис захватил Нижний Новгород под себя, оставив отцу только Суздаль.

Семен не выдержал и фыркнул:

– У тебя Владимир есть!

– Ты его еще возьми, тот Владимир! – разозлился отец.

К митрополиту осторожно заглянул инок Власий, что при нем ходил. Алексей так задумался, что не услышал негромкого стука Власия, и на его зов даже вздрогнул:

– А чтоб тебя, испугал! Стучать надобно!

Власий хотел возразить, что у митрополита уже слух нехорош стал, не все и слышит, но не рискнул, только мотнул головой:

– От князя прислали...

– Случилось что? Зови.

На дворе непогода, присланный холоп наследил к полному неудовольствию Власия, который выразительно поглядывал на мокрые пятна на чистых полах. Только холопу все одно, не ему же мыть-то.

Митрополит поднял глаза на вошедшего, ожидая письма, но тот лишь сообщил:

– К князю от Дмитрия Константиновича Суздальского человек прибыл, грамоту привез.

– Что за грамоту?

– Бог весть, владыка, мне не сказывали.

Власию стало смешно от мысли, что простому холопу Никоньке стали бы пересказывать содержание грамоты от одного князя к другому, он не выдержал и фыркнул, тут же заработав недовольный взгляд Алексея и повеление:

– Давай посох и облачение, к князю пойду.

– Пусть бы сам сюда шел, он моложе, – не удержался Власий.

– Поговори мне!

Митрополит понимал, что, если бы можно, Дмитрий действительно пришел бы сам, а раз просто сообщил, значит, уже собирает в своих палатах бояр, надо поспешить. Гадая, что могло быть в той грамоте, Алексей шагал к княжым палатам, рассеянно кивая на просьбы благословить.

Дмитрий стоял с пергаментом в руке, крепкий, коренастый, словно молодой дубок. В глазах довольство, значит, известие хорошее. Дождавшись, пока сядет на свое место митрополит, он обвел глазами ближних бояр и произнес:

– Князь Дмитрий Константинович весть прислал, что отрекается от своих притязаний на великое владимирское княжение в мою пользу. – Выждал, пока бояре чуть зашумели, переговариваясь друг с дружкой, мол, с чего бы это, и продолжил: – За то просит подсобить справиться с младшим братом Борисом Константиновичем, чтобы вернуть Нижний Новгород.

Усмешка прокатилась по палате. Сообразил-таки суздальский князь, что с Москвой лучше не воевать, а подмоги просить! Что ж, это хорошо, одним сильным соперником у Дмитрия Ивановича меньше стало. А помочь против Бориса?.. Это можно, это не так и трудно. Заодно и самого Бориса научат, чтобы даже мысль худая супротив Москвы не пришла.

Митрополит смотрел на своего подопечного с легкой улыбкой. Дмитрию только пятнадцать исполнилось, молод еще, безус, но разумен, а главное, послушен. Из московских бояр

никто ему худого не желает, для них тоже хорошо, когда князь сильный. На что Иван Данилович могуч и хитер был, а с боярством и он в дружбе жил.

Князь Дмитрий ученик способный, поперек не идет, а схватывает все на лету. Уже сообразил и сам предложил, не дожидаясь чьего-то мнения:

– Я мыслю, что надо князю Дмитрию Константиновичу помочь. Нам с того только польза будет. И князя Бориса заодно к порядку приведем, чтоб знал, что не вольно просто так на земле Русской хозяйничать! Москва не позволит!

Все раскрыли рты, даже Алексей. Ждал, что Дмитрий сообразит про своего тезку и даже про Бориса, но поразило, что обо всей земле Русской говорил как о своей вотчине! Точно он уже над всеми хозяин, без спроса которого один князь другого обидеть не может. Бородатые, умудренные жизнью и годами бояре переглядывались, пряча улыбки: ай да князюшко! Ай да Дмитрий Иванович! Мал да удал... За такого и горой постоять не грех.

Все разрешилось хорошо, но не совсем так, как думал Дмитрий Иванович и его бояре с митрополитом. А виной тому оказалась... Евдокия!

Беда

Таких жарких дней Русь и не помнила. Бывало, конечно, чтоб пекло, но не все же лето и не каждый год. А тут сушь великая стояла непрестанно, не успевали снега сойти, которых и было-то понемногу, как облака с неба исчезали до самой осени. Земля иссохла, хлебов недород, травы уже к началу лета стояли жухлые. Реки обмелели, колодцы пересохли, земля пылила, точно никогда дождя не видывала вовсе. Ни скотину накормить, ни запасов на зиму сделать, ни самим хлебушко вырастить...

По Руси зашагал голод. Снова дороги полнились нищими, вынужденными уйти из своих домов, со своей земли, что покрылась трещинами и хлеб не родила, уйти, чтобы просить пропитания Христа ради у тех, кто хоть что-то смог сделать. Но и давать-то кому, если у других не лучше? На полях вместо стены спелых колосьев одна пыль клубится, скотина мычит некормленная, страшно...

Снова и снова вздыхали на Руси: ох, грехи наши тяжкие! Не ордынцы, так сушь великая одолевает, а потом с Понизья новая напасть подобралась. С Нижнего Новгорода началось, видно купцы принесли. Снова бил людей озноб-трясучка, снова исходили кровавым кашлем... Не так, как в прошлые годы, но померших было все равно немало. Теперь все то и дело оглядывали себя с ног до головы, болезнь начиналась появлением каких-то больших шишаков, точно вспухали у человека внутри перекрестья жизненные. У кого пухло, тот уж не жилец.

И пошла гулять напасть по Руси вольно. Снова тяжелый запах по всем дорогам, из-за жары трупы быстро гнили и страшно воняли, но трогать их опасно, кто хоронил, тот часто и сам заболел следом. Так и тянули мертвецы за собой вереницу еще живых... Опустели деревни, поределели города. Беда...

А ко всему страшное знамение в небе было. Такого ужаса нынешние и не видывали, только слыхивали, как солнышко вдруг черным становится и посреди дня ночь черная наступает. Теперь узреть сподобились!

И правда, страшнее не придумаешь! Среди ясного дня враз смолкли птицы, поднялся холодный ветер (это среди жаркой суши-то!), точно обезумевшие заметались лошади, будто окруженные стаей волков, жутко завывали собаки... Люди попадали на колени, без усталости крестясь. У многих мелькнула одна и та же мысль: «Вот он, конец света!» Так на коленях и узрели, как среди бела дня на солнце красное точно черная тень наплыла, начала закрывать собой. И закрыла ведь, стало солнышко черным, только обод один вокруг остался!

Ужас охватил людей, крик стоял немолчный, кричали все – взрослые и маленькие, старые и младые. Ржала, мычала, блеяла скотина, выли собаки... И вдруг тень стала уползать в сторону, открывая солнечный круг! Светлело на глазах, ночь снова превратилась в день. Пережившие ужас люди крестились, благодаря Господа за чудесное спасение. И теперь казалось кощунством жаловаться на непрекращающееся пекло, ведь воочию увидели, что может быть, ежели солнышко с неба пропадет!

Но мор от того не уменьшился. И никого не щадил, как и все прежние. Ждали, что спадет зараза с первыми холодами, но не очень-то дождались, ей и снег не помеха.

Снова на Москве всякий день поминальный звон, снова люди в черных одеяниях тащат по первому снегу дроги с покойником, а то сразу несколькими. Хотя уже знали, как беречься, и дымом можжевеловым все обкуривали, и старались к помершим не касаться, и обтирались уксусом всякий час... Но, как и в прошлый раз, не поймешь, кто-то уж так бережется, а все одно заболевает, а другой и покойников возит, и помирающим попить подносит, и рук лишний раз не протрет, а болезнь его стороной обходит, точно заговоренного.

Но все равно в дома и сердца людей вползал страх, который убивал не хуже черной смерти, страх за жизнь детей, за то, что сиротами останутся, сгинут, пропадут без помощи

малые, что прервется род. Меньше даже за себя боялись, к своей гибели были готовы, а вот осиротить деток малых – это страшнее казалось. Или заразить.

Надежда была только на то, что до Москвы черная смерть добралась уж к холодам. Может, морозы ее утишат, как всегда бывало? Другие города, рассказывают, по теплу снова повыкосила, обезлюдели и Тверь, что совсем рядом, и десятки городов поменьше. Что за напасть на землю Русскую? Чем отмолить грехи пред Господом, чтобы детишек хоть пощадил?

В семью московского князя тоже пришла беда, снова осиротила Дмитрия Ивановича. Первым на осенины помер младший брат Иван. От кого и прихватил заразу? На дворе никто не помирал до него, далече княжич не ездил и не ходил...

Давно ли Дмитрий уговаривал Ванюшу пересест в возок, давно ли по просьбе матери журил за проказы? Сейчас она согласна бы на любые проделки дорогого сыночка, да не вернешь малого...

Княгиня почернела вся, иссохла от тоски. Долго ли такой захворать? Так и вышло, едва успели сороковины по Ивану отстоять, как преставилась сама княгиня Александра. Остался Дмитрий Иванович полным сиротой, потому как и тетка Мария со всей семьей еще летом в Ростове из-за мора отдала богу душу.

Княгиня Александра, пока болела, просила не допускать Дмитрия к себе, даже не просила, а требовала, кричала, сколько хватало сил. Все вокруг понимали, что права она, только как запретишь сыну проститься с матерью, пусть и больной «черной смертью»? Хотя заступил князю ход холоп, но сник и по первому требованию отодвинулся, пропуская.

Завидев Дмитрия, мать слабым движением отмахнулась:

– Молю тебя, сынок, не подходи. Один ты остался, хоть ты выживи! Не дай роду угаснуть, не подходи!

Александрю уже бил озноб, кровью кашляла, страшно, нестерпимо дурно пахла. Холопки, что возились вокруг, казалось, тоже были приговорены, но и сознавая это, не бежали от своей госпожи, оставались с ней до конца. Как же мог сын уйти? Не мог.

Но едва только шагнул ближе к ложу умирающей матери, как дверь горницы резко распахнулась и сзади раздался приглушенный, но требовательный голос митрополита:

– Послушай мать, князь Дмитрий Иванович! Помочь не сможешь, а себя рядом положишь!

Александра, получившая неожиданную поддержку, закивала, снова кроваво закашляла. Дмитрий растерянно оглянулся: не Алексей ли все время твердил, что все в руках божьих? Как же он тогда не полагается на господню волю в таком деле? Ежели суждено помереть, помрешь, как брат Ванечка первым на князем дворе, невесть от кого заразившись, а не доля ныне богу душу отдать, то, как чернецы, месяцами средь умирающих можно ходить, питье подавая и смертный пот с лица отирая.

Но все рассудила сама смерть, Александра вдруг захрипела и снова закашляла, холопки взяли ее перевернуть и переодеть, замахали на Дмитрия руками, даром что князь, мол, выйди, негоже и сыну смотреть на обнаженную мать. Вышли они с Алексием оба, за дверью Дмитрий попытался спросить то, о чем подумалось только что. Митрополит чуть помолчал, привычно пожевал одними губами, а потом хмуро произнес:

– Воля божья, сынок, на все есть, но испытывать ее не стоит. Смерть всю твою семью под корень извела, не сироти Москву, не рискуй без надобности...

Договорить не успел, из-за двери раздался крик и рыдания: княгиня Александра отдала богу душу. Дмитрий метнулся к матери, уже не задерживаемый никем. Страшное, измененное болезнью лицо было неузнаваемым. Это совсем не то, что у отца, помершего тихо, точно угасшего. Посиневшая, с распухшими ртом и шеей, княгиня Александра мало походила на ту красавицу, что не так давно статно выступала, гордясь перед всеми своими сыновьями.

И снова князя почти не допустили к матери, не позволили даже в холодный, отдающий синевой лоб поцеловать. Только постоял рядом.

В палатах сильный запах уксуса и можжевельного дыма, хотя черная и пошла на убыль, но все равно берегутся, каждый день окуривают и моют. Зараза точно дань с княжьей семьи взяла, после Александры ни одного заболевшего не было, даже слуги, и те выжили. Вот уж поистине, Господь прибрал только тех, кого хотел!

К горнице, которая была раньше княгининой, подошел, тяжело ступая, митрополит Алексей, кивнул вскочившему на ноги холопу:

– Там?

И не надо было спрашивать, о ком речь, и так ясно – князь Дмитрий Иванович который день тоскует. Мужские слезы скупы, потому прячет все в себе, оттого лишь тяжелее. Бабам легче, они сердечную тоску слезами выливают, поревут и вроде оживают. А князю как? Плакать – бессилье показывать, как с тоской справляться?

Дверь тихонько распахнулась, через порог шагнул тоже вдруг состарившийся Алексей, сделал знак начавшему подниматься Дмитрию:

– Сиди. Я рядышком присяду, коли позволишь.

Но князь встал под благословение, поцеловал сухую руку наставника, подождал, пока тот опустится на лавку. Алексей посидел молча, потом вздохнул:

– Ты б поплакал, Димитрий. Полегчает.

Голос молодого князя был глух:

– Я и плакать не могу... За что, отче, один ведь на белом свете остался! Чем прогневил Господа род наш, что всех выкосило? Ванюшка и мать-то чем виноваты, если я что делал не так?!

Алексий нахмурился:

– Ты, Дмитрий Иванович, Господа наветами своими не гневи, не нам с тобой думать, кто в чем пред ним виноват! А прибрал Господь, значит, судьба их такая. Слаб человек, его, может, и в райские кущи ангелы влекут, а он все норовит за землю грешную хоть зубами зацепиться. Немного грешен братец твой, и матушка тоже, потому, чаю, ангельская встреча им была уготована, молись.

Немного посидели молча, потом Алексей вдруг почти с обидой добавил:

– А что один на всем свете остался – не прав ты, князь Дмитрий Иванович. Про нас, грешных, забыл. Много на Москве и на Руси тебе помощников, много поддержки. Пусть не кровные родовичи, но мы все твои. И я первый.

Дмитрию стало вдруг так стыдно, что в своей скорби отринул столько людей, единых с ним мыслями и духом! Опустился на колени, принял к сухой, обтянутой точно старым пергаментом кожей руке митрополита:

– Прости, отче! Обеспамятовал я, за своей скорбью других забыл! Прости.

– То-то и оно, что твоя семья – Русь святая, а теперь тем более! Помни это, князь Дмитрий, помни! Не о себе думать прежде должен, а о тех, кому твоя помощь нужнее твоих слез. На Руси раздор снова ширится, а великий князь слезы льет.

Дмитрий слез не лил, но уже третий день сидел, точно прибитый, и думать ни о чем не мог. Жесткие слова митрополита вдруг заставили его опомниться. Тяжела потеря последних родных людей, но скольким же, пусть не родственникам, он еще на Руси нужен! Как он мог забыть долг свой великокняжеский?! Первая же беда из седла выбила! А мечтал сильным князем стать, чтоб Русь за ним как за каменной стеной жила! Быстро же от себя отступил...

Через день князя Дмитрия Ивановича уже видели совсем иным, он точно прибавил несколько лет, стал совсем взрослым и мудрым. Бояре с опаской поглядывали на такого незна-

когого князя, точно видели его впервые и знакомиться приходилось заново. Было и радостно, и даже совестно, что не дали Дмитрию горе свое выплакать, выстрадать. Но время таково, что некогда слезы лить или грустить подолгу.

Болезнь пошла на убыль только в крещенские морозы, видно, все же боялась, проклятая, русской стужи. По весне о ней напоминали уже только многие новые могильные холмики, часто с покосившимися крестами (некому было и поправлять), да множество нищих и сирот, снова просивших подаяние.

Но отступила зараза, вернулась прошлогодняя напасть – сушь. Небо точно забыло о том, что может быть дождь, солнце пекло с утра до вечера. Только на ночь становилось чуть прохладней. Даже роса выпадала редко, реки обмелели, ручьи кое-где так и вовсе пересохли, в колодцах воды на дне и мутная... Пашни вместо обильных зеленей стали похожи на проезжую дорогу, пылили всюду.

На Москве, как и везде, жара, кажется, маленького огонька достаточно, чтобы все вокруг превратилось в пылающий ад. Помня об этом, многие даже печи не топят, так и перебиваются сухим хлебом.

Хорошо, если он есть, а то ведь снова зерна легли в сухую землю, землешки слезами поля поливали вместо дождя. Но слезы и пот солены, от них растет хлебушек плохо. Снова на Русь надвигался Большой Голод, снова бабы, рожая детей, понимали, что не выжить им, что зря такое семя проросло, не ко времени. Но как сеять, так и рожать в любую годину надо, чтобы не пресекался род людской, чтобы не иссяк на земле род русский.

Набатный колокол поднял всех враз, князя в том числе. Это не татары или Литва, о них бы уже знали, оставался другой враг – пожар. Враг страшный и не менее татар безжалостный. От него не откупишься и мечом не отобьешься.

Горела церковь Всех Святых. От чего запылилось, так и не узнали, не у кого спрашивать было, да и некогда. Более страшных дней Москва давно не видела. Сухой горячий ветер, и сам способный запалить что угодно, словно с удовольствием поддержал огонь, разнес его по всей Москве. Уже через час горело все – терема и дворы бояр, кладовые, конюшни, дубовые ворота, купеческие амбары и избы посада. Особенно досталось Кремлю, языки огня не пощадили и его крепких дубовых стен и башен, верой и правдой прослуживших четверть века со времен князя Ивана Даниловича.

Стоять бы им и стоять, кабы не огонь. Вот самая страшная беда для русских городов. Даже татары, нападая, берут города только огнем, иначе их не одолеть. А тут ордынцам стараться не надо, остались от Москвы одни головешки!

Дмитрий Иванович, черный от копоти и грязи, тоскливо оглядывал свои горелые владения. Все старания русских умельцев, некогда таскавших тяжеленные дубовые бревна, тесавших и возводивших из, казалось, вечных бревен мощные укрепления, пошли прахом. Никакое умение, никакой труд людской не спасли дубовый тын Кремля от огня.

Значит, и все следующие старания также напрасны? Конечно, не всякий год такая сушь, но ведь и Рязань жгли, и ту же Москву... Как сделать, чтобы не боялся или хотя бы меньше боялся огня Кремль? Выход один – строить из камня.

Все это понимали, только непривычно Руси каменные хоромы возводить, Русь к дереву тянется, оно душевней, теплее. Да и много его вокруг, бери – не хочу. Дубов не на один Кремль хватит.

Бояре собрались в чудом уцелевшем доме боярина Федора Косого, в тесной для большого числа пришедших горнице. Всех интересовал вопрос: почему Косой не погорел? Таких домов немного, наперечет. Как удалось спасти жилище и почти весь двор?

Федор Демьянович секрета не делал: двор совсем на окраине близь воды стоит, по весне так затапливало и не раз, конечно, не нынче. До воды недалеко, как услышал, что пожар, велел

всем холопам за ведра и поливать все подряд. Так и выстояли, зато теперь в доме места сухого не сыщешь.

Ничего... мокрое и высушить можно, было бы что сушить! Взгляды многих завистливо оглядывали почти не пострадавший двор. У многих мелькнула мысль и себе близь воды построиться, но тут же отвергли. Все равно лучше за кремлевскими стенами, и не навек же эта сушь?!

А князь Дмитрий не завидовал Косому, его заботило другое, о чем и сказал боярам. Пока стен нет, Москва ничто и перед ордынцами, и перед Литвой, и перед своими. Та же Тверь только и ждет какой беды у соседей, чтоб свою волю показать. Конечно, князьи покои быстро восстановят, и боярские дворы тоже, посад погорел меньше, купцы поднимутся, не впервой гореть, а вот что со стенами Кремля делать?

Молодой князь твердо объявил:

– Строить будем из камня! И терема тоже.

– А где брать станешь, Дмитрий Иванович? – подал голос Дмитрий Монастырев, совсем недавно перебравшийся в Москву и вот сразу погоревший не менее остальных.

– В Мячково, там белого камня много. Красиво и, сказывают, прочно.

Что ж, прав князь, мячковский камень для строительства хорош! Кто-то усмехнулся:

– Будет Москва белокаменной!

Это почему-то очень понравилось всем. Так и порешили: зиму камень резать и по льду в Москву волоком таскать, чтобы как можно скорее приступить к возведению стен и башен. Кто-то предложил сначала терем для князя возвести, но Дмитрий только глазами сверкнул:

– Что терем, коли защиты нет?! Найдет татарин, чем тот терем оборонять станем? Вот и выйдет, что для ордынцев строил! Нет, сперва пусть стены и башни встанут!

Всю зиму из Мячково возили камень, обтесывали и складывали для строительства. Конечно, терем все равно подняли, и для начала деревянный, надо же где-то князю жить. Делали почти наспех, думая, что потом переделают, но ничего нет постоянной временного, так и остался он до совсем других времен, только что подновляемый иногда.

Это не помешало нескольким князьям жить в нем счастливо, детей рожать и внуков пестовать. Князю Дмитрию Ивановичу тоже. И новый каменный терем он тоже построил.

Братская замятня

Везде беда, то мор, то сушь великая, но кое-где и другая напасть добавляется. В этой уже только люди виноваты.

В Нижнем Новгороде неустройство, законный владелец князь Андрей Константинович, что недавно постриг принял, тоже мора не пережил, схоронили. Младший его брат Борис, против которого Дмитрий Суздальский у Москвы помощи запросил, не только решил город с окраинами себе взять, но и отправил посольство в Орду за ярлыком на великое княжение! Видно, решил, что коли брат Дмитрий Константинович слабоват с Москвой тягаться, так он сам это сделает.

А ярлык на Нижний Новгород уже был у него. Что и вовсе не по-честному, ведь старший после почившего Андрея Константиновича брат Дмитрий. Борис младший. Не его очередь. Конечно, Борис прекрасно понимал, что брата Дмитрия Константиновича еще может одолеть, хоть силой, хоть хитростью, но его сыновей, того же Ваську Кирдяпу, уже нет. Василий сам бешеный не менее дяди, такой отпор даст, что не будешь знать, за каким ухом чесать. Потому и спешил Борис Константинович правом или силой утвердить свою власть над Нижним Новгородом, а заодно и великое княжение.

Князь Дмитрий Константинович, который по отчине должен бы себе Нижний Новгород взять, уступать не собирался. Только как с Борисом справиться, если тот, словно предчувствуя близкую развязку, как приехал к старшему брату Андрею, так и не убыл до самого его смертного часа. Брата схоронил и взял Нижний Новгород под себя.

Если б заранее да добром так решили, то, может, и смирился бы Дмитрий Константинович, но вот так-то!.. И снова заратились друг на дружку родные братья. Старший князь Дмитрий, вмиг забыв, что ему великое княжение дано, бросился собирать полки супротив младшего Бориса. За старшим русское право и княгиня-мать с епископом суздальским. За младшим крепкие стены Нижнего Новгорода и сильное желание не остаться в маленьком Городце.

Он исхитрился отослать гонца с дарами в Сарай, только поняв, что брат Андрей уже на смертном одре. В Орде деньги ой как нужны, вернулся посланник быстро, ярлык на княжение в Нижнем Новгороде привез. И как рассудить, кто править должен?

Дмитрий Константинович недолго думая собрал всех, кого мог, даже мать с епископом (пусть рассудят), и вышел к Нижнему. И тут произошло то, чего не ждал никто! Совсем на Руси горячие головы помутились, что ли? Или от суши великой у князя Бориса разум отшибло, но только он встал не против одного брата, а супротив матери родной.

А той как быть? Княгиня стара уже, правнуков пора нянчить, лелеять, а ей приходится стеной меж собственными детьми вставать, чтобы не порубали друг дружку тем же ордынцам не потеху, а всей Руси на срам! Всего могла ждать от младшего сына княгиня Олена, ведала, что недружно живут меж собой князья, но чтоб такого...

С трудом князь Борис на переговоры пошел, никого слушать не хотел, даже мать с епископом, все свое твердил заученно:

– Нижний Новгород мой! Я на него ярлык получил от ордынского хана!

Тут уж и княгиня Олена не выдержала, на дурня, хотя и вымахавшего под потолок ростом, грозно глазами сверкнула:

– Да как ты можешь той поганой грамотой глаза колоть?! Ты русский прежде всего! Русской матерью рожден, русским обычаем крещен, потому наш обычай и соблюдать должен, а не басурманский! Как можешь поперек старшего брата идти и поперек материнского слова?!

Но Борис точно лошадь, закусившая удила, ничем его не остановить, ни словом добрым, ни угрозами. И тут неожиданно епископ Алексей пошел на попятный, принялся уговаривать князя, чтоб добром порешил и на суд в Москву к митрополиту Алексию поехал. Борис Кон-

стантинович сначала от неожиданности распахнул глаза, но быстро понял, что это может быть западня, и решительно заявил:

– Не поеду! Ярлык мой, ни к чему Москве подтверждать! Что Москва? Великий князь вон братец, а ярлык тоже в Орде получил! Чем мой хуже?!

Что было возразить? Епископ просто отошел в сторону, а обиженная мать стукнула своим посошком о пол и, развернувшись, пошла прочь. Она была обижена даже не на неправомерный захват Нижнего Новгорода, а на непослушание лично ей! Как мог сын ослушаться материнской воли?! Как мог пойти против нее?!

Пришлось старшему брату убираться несолоно хлебавши. Уехала и княгиня Олена. Но если князь Дмитрий Константинович собирал рать, чтобы силой выгнать строптивого братца из города, то мать поступила по-другому. Просто глядя на двух своих кровиночек, княгиня Олена поняла, что не может допустить кровавой свары между сыновьями. Ей уговорить не удалось, а кому такое под силу? Кто мог бы не допустить кровопролития в Нижнем Новгороде?

Княгиня Олена вдруг поняла кто – митрополит Алексий!

В небольшую каморку, где, согнувшись перед раскрытой книгой и явно не видя того, что перед глазами, сидел князь Дмитрий Константинович, шагнула мать. Но даже ее появление не вывело князя из глубокой задумчивости. Только когда княгиня окликнула сына, тот, вздрогнув, повернул голову.

Мать ужаснуло затравленное выражение его глаз. И впрямь, что делать Дмитрию Константиновичу? Воевать с братом или уступить миром и остаться при этом ни с чем? Ясно же, что долго ярлык на великое княжение ему не удержать. Или идти на поклон к Москве, с которой только что воевал? Тогда на Нижний пойдут и московские полки тоже. В глубине души Дмитрий Константинович уже знал, что так и поступит, но как же ему не хотелось не только кланяться своему московскому тезке, но и привлекать вчерашних соперников к семейным разборкам!

Мать, целуя кудри своего давно взрослого сына, невольно отметила седину, часто пробившуюся сквозь темные волосы. Почему-то мелькнула мысль: в кого у него девчонки светлые-то? Сомнений в невестке княгине Анне никогда не было, да и обе княжны на отца похожи, только вот светленькие. Видно, в кого-то из дедов или бабок. И тут княгиню Олену осенило: да в нее же! Смолodu беляночкой была, потом чуть потемнела, но только чуть, а волосы и по сей день вона какие! В нее у внученек косы с руку по спине вьются!

И от этой неожиданной мысли сына Дмитрия стало еще жальче, точно, соглашаясь с потерей для него Нижнего Новгорода, она сиротила и любимых внучек. У Бориса сын Юрий крепок и силен. Первая невестушка, Ольгердова дочь, родами померла, так что рос мальчишка сиротой, вот и сказалось отцово воспитание, задирист, несдержан, как и сам отец. У Дмитрия сыновья тоже не сахар, один Василий чего стоит! Как-то помирятся со временем меж собой внуки и внучки, если их отцов замирить не удастся?

– Выдели провожатых, я в Москву еду!

– Куда?! – ахнул Дмитрий Константинович. – К кому?

Неужто мать собирается просить помощи у этого толстячка Мити? Но твердость материнского голоса не смягчилась.

– К Алексию поеду! Если вы меж собой материнской волей помириться не можете, пусть вас митрополит мирит!

Гнев в голосе не обманул князя, он уже уловил, что мать на его стороне и просто придумывает, как без крови заставить Бориса отступить. Кивнул:

– Только дорога-то не близкая...

Мать притворно вздохнула:

– Придется старухе потерпеть, коли у взрослых сыновей ни ума, ни ладу нет!

Картинно поджав губы, княгиня величаво выплыла вон. Дмитрий Константинович облегченно вздохнул: не в силах разрешить все сам, он готов был слушать кого угодно, только кого? Об этом и думал.

Ехать в Орду снова? Там всегда были рады соперничеству между русскими князьями, от него только больше подарков ханам и их приспешникам перепадало. Да и чем сейчас Орда может помочь, в ней самой замятня. Послать в Литву к Ольгерду? Это еще нелепей, он тесть, пусть и бывший, для Бориса. Литовский князь скорее поможет отцу своего внука.

Дмитрий вдруг усмехнулся: а хитер же Борис! Первый раз на Ольгердовой дочке женился, второй привез себе дочку Новруза. Новруза, правда, прирезали в Сарае, но кто мог этого ждать? Вот и получается, что Борис и с Литвой, и с Ордой породнился. Только что ему это дает?

Весенняя распутица уже прошла, дороги подсохли, тем паче что это было совсем нетрудно, сушь на Руси продолжалась. Княгиня Олена морщилась, пыль легко проникала внутрь возка, оседала на лице, шее, руках, набивалась в нос. Но почаще останавливаться отказалась: только на ночь, спешу! Девки как могли облегчали своей хозяйке жизнь, и маленькие окошки занавешивали, и платами то и дело обмахивали, и лицо с шеей водой смачивали... Но все равно тяжело на седьмом десятке женщине в жару путешествовать.

Когда показались, наконец, на холме кресты московских храмов, княгиня Олена была едва жива. На дворе у владыки немало подивились такой гостье. У княгини были в Москве родовичи, было у кого остановиться, но ей не хотелось никому объяснять цель своего приезда, потому смело велела править прямо к митрополиту.

Самого Алексия на дворе не было, на вопрос «Где?» келарь только плечами пожал:

– У князя, где ж ему быть.

Пока Олена располагалась в двух небольших отведенных ей с ближними девками каморках, сетуя на жару и духоту, к митрополиту успели отправить гонца, и тот вернулся в свои покои.

Едва княгиню отпоили квасом из погреба, переодели из дорожного в просторные домашние одежды, заново переплели не слишком поредевшие даже с возрастом волосы, как прислали сказать, что вернулся Алексей и интересуется, не нужно ли еще чего. Княгиня тут же потребовала, чтобы переодевали в выходное. Девки, охнув, засуетились снова.

Немного погодя она уже сидела напротив митрополита и, внимательно глядя в глаза, объясняла, чего хочет. Алексей слушал и дивился разумности женщины. Конечно, ей как матери было жаль и того, и другого сына, и она не могла допустить кровавой свары меж ними. Как не допустить, ежели один уступить не хочет, а другой готов войной на него идти?

– Помоги, владыка. Не о себе одной пекусь и даже не о них только. Когда же на Руси эта беда кончится? Когда меж родовичами свары прекратятся?! Точно других бед мало!

Митрополит вдруг прищурил глаза:

– А сама-то кому Нижний определила бы?

– По отчине Димитрию, но и Бориса жаль, не уйдет ведь добром. И силой выгонять не хочется, потому и приехала. Не хочу, чтоб вся Русь моего сына позором гнала или в оковах на плаху вела, чтобы позором родовой вражды мои дети покрыты были, и так уж натворили немало. И Дмитрий, и Борис.

Она говорила, а Алексей дивился. Впервые он видел столь разумную женщину. Свара между князьями на Руси не новость, и между братьями единоутробными тоже. Как поступали матери? Иногда вставали меж ними, заставляя мириться на время, но проходили дни, и вражда разгоралась с новой силой. Иногда мать открыто принимала сторону одного из сыновей, и обиженный до скончания века поминал недобрым словом не только брата, но и собственную мать.

Но княгиню Олену беспокоила даже не сама свара между сыновьями, ее она могла бы и остановить, волновало то, что оба стали посмешищем в глазах Руси, что, продолжая биться за Нижний Новгород и за великое княжение, покроют позором свои имена. Как тогда их детям и внукам жить? За кого внукам замуж идти, если их отец не в чести? К кому ей на старости лет голову приклонить?

Митрополита поразило, что женщина какой-то внутренней мудростью поняла то, что видят не все московские бояре. Борьба за великокняжеский ярлык не просто разорительна для князей, но и губительна для Руси, увидела оттуда, из Суздаля и Нижнего Новгорода, что Москва сильнее, что в тяжбе с ней сыновья могут потерять не одно серебро или золото, но и доброе имя. Поняла, что лучше преклонить голову пред сильным, чем быть битой и опозоренной.

Но понял ли это Дмитрий Константинович? Каково будет ему перестать добиваться ярлыка, если столько лет и сил на это положил? Как сделать так, чтобы он успокоился? А Борис... с тем еще тяжелее...

– Потому к тебе пришла. Сама я могу свару на время остановить, но помру, немолода уж, все снова начнется!

Напротив друг дружки сидели умудренные жизнью люди и думали, как за молодых решить их нестроение, понимали, что самим уж не так много осталось, и гадали что успеют сделать.

Невольно разговор пошел о князе-отроке Димитрии. Олена усмехнулась:

– Ты ему за отца, пожалуй.

– Так и есть, без отца он давно, а теперь и вовсе сирота.

– Послушен ли?

– Пока послушен, а далее как Бог даст...

– А судьбу его как мыслишь?

– Ты о чем?

Княгиня чуть пожала плечами:

– Да ведь он в лета входит, глядишь, и женить пора будет. Неужто ордынку какую возьмет?

Митрополит едва сдержался, чтобы не спросить: «Как твой Борис?», но уже по горестному вздоху княгини понял, что это незаживающая рана, а потому смолчал. Но намек понял, хитра Олена, ох, хитра! Но и Алексей не глупее, вмиг сообразил все ее хитрости. И впрямь, кого Дмитрию брать? Хотя об этом пока даже не мыслили, но время быстро летит. У тверского князя одни сыновья, к Ольгерду его самого теперь и калачом не заманишь, понял, что князь ненадежен, у остальных либо совсем дети малые, либо вовсе нет... А у Дмитрия Константиновича?

На этот вопрос княгиня ответила с улыбкой:

– Дочери две есть, тринадцати и двенадцати лет, заневестились уж. Добрые внуки, разумны, собой пригожи, здоровы и нравом не в отца.

Последние слова сказала чуть с досадой, но митрополит простил, только хмыкнул. Но по глазам Олена поняла, что слова даром не прошли. Она умна, а Алексей еще умнее.

– Есть у меня одна задумка, как сыновей твоих миром развести, авось получится. Только и Дмитрию кое в чем отступить придется, но в обиде не останется.

– Помоги, ничем не поскуплюсь.

Княгиня говорила, а митрополит прикидывал, чем может быть полезно Москве, да и Руси это неожиданное обращение княгини Елены Суздальской. Придумал, но сразу говорить об этом не стал, посоветовал:

– Ты ныне отдохни, небось тяжело в дальнюю дорогу в жару пускаться. До утра подумаю, потом поговорим.

На следующий день они о чем-то долго беседовали, о чем – бог весть, рядом никого не было. Но еще через день княгиня уехала довольная, получив благословение митрополита. И сам Алексей тоже выглядел весьма удовлетворенным. Видно, придумали мать с духовным наставником что-то. А еще через седмицу от суздальского князя Дмитрия Константиновича примчался гонец с письмом. Писано было от имени княгини Олены, но запечатано печатью Дмитрия.

Митрополит распечатал письмо сам и прочел тоже. При этом его лицо совершенно явно светлело, и довольная усмешка все больше раскрывала узкие старческие губы. Что-то получилось из очередной задумки Алексея.

Митрополит для порядка решил сначала попытаться увещевать непокорного, убедить подчиниться добром. Но князь Дмитрий принялся уговаривать своего наставника самому не ездить в Нижний Новгород, боясь, чтоб не повторилось киевское заточение. Алексей уговоров послушался, отправил к князю Борису двух умных людей, призывая в помощь еще и суздальского епископа. Но всем троим ничего не удалось, Борис Константинович остался глух ко всем увещеваниям. Москва начала готовить полки в помощь Дмитрию Суздальскому.

Но Алексей не сдался, он привлек еще одного святителя, своего друга отца Сергия, что был игуменом в маленьком монастыре на Радонеже, потом еще дальше ушел – на Киржач, тоже обитель ставить. Не все сразу поняли, к чему такое. Неужто митрополит надеется усовестить князя Бориса, если тот ни епископа, ни слова митрополичьего, ни брата не испугался, ни даже угрозы от Москвы?

Алексий в ответ качал головой:

– Отец Сергий справится и без войска, его слово сильнее мечей булатных.

В конце концов решили, что одно другому не мешает. Пусть себе Сергий Радонежский идет увещевать, а воеводы меж тем полки московские к Нижнему Новгороду подтянут. Авось сообща и одолеют Борисову дурь.

Сергий Радонежский

Митрополит Алексей вдруг решил вернуть в Троицкий монастырь Сергия, ушедшего подальше от мирской суеты далеко в Киржач, негоже такому человеку в берлоге сидеть. Конечно, вдали от дразг мирских легче себя блюсти, но не время сейчас прятаться, слишком тяжело Руси, чтобы каждый лишь о себе думал.

Даже сам себе Алексей не признавался, что отчасти завидует Сергию в этой его возможности вот так удалиться и отвечать только за себя, возможности отдаться духовным хлопотам, а не житейским. Зато отчетливо понимал другое – сам он так не смог бы. То есть смог бы, если б потребовалось, ведь даже темницу киевскую выдюжил, но не желал, он не представлял жизни без мирской московской круговерти, привык чувствовать себя ответственным за то, что в ней творится.

Пытался найти в себе и с удовольствием понимал, что нет в нем зависти к известности игумена, к его почитанию у самых разных людей. И чем брал Сергий? Жил так, словно только и старался скрыться от глаз людских, чтоб его не знали и не тревожили, а получалось наоборот. Он в глушь и даль – его зовут в Москву, он в монашеской схиме и босой, так что не сразу признаешь – а стоит где появиться, и любой под благословение подходит.

Какая такая сила была в этом человеке, что любое его слово запоминалось и из уст в уста передавалось, а любое, нет, не повеление, он не повелевал, а просто пожелание исполнялось скорее любых княжских или ордынских приказов? Даже сам умудренный годами и тяжкими жизненными невзгодами, облеченный властью Алексей чувствовал себя рядом с Сергием учеником, только что под руку не подходил.

И вот этого игумена он теперь собирался сделать своим союзником в борьбе за становление Москвы над остальными княжествами. Насидевшись сначала в Царьграде, а потом в заточении в Киеве, Алексей хорошо осознал, что не может быть на Руси ни к кому не привязанным, что сделал свой выбор – Москва и только Москва, иначе погибнет Русь. Только Москва может удержать Русь, а значит, он будет помогать нынешнему молодому князю Димитрию и постарается привлечь на свою сторону отца Сергия.

Не раз уже засомневался, вправе ли вовлекать в мирскую суету Сергия, который так стремится от нее уйти, не раз молился, прося Господа помочь в выборе. Но стоило узнать о новой угрозе со стороны князя Бориса Константиновича, как все сомнения отпали разом. И к Сергию помчался гонец с просьбой (не повелением!) от митрополита спешно прибыть в Москву.

Алексей смотрел на высохшего от постов и молитв Сергия и снова сомневался в своем решении, настолько отрешенным казался взгляд игумена. Но стоило тому после взаимных приветствий начать рассказывать, что увидел по пути, как митрополит понял, что монах поможет. Его душа тоже болела за Русь, хотя и старался от всего отрешиться.

Беда на земле Русской, сколько лет уже беда!.. То ордынцы набегами грабят да в полон уводят, то мор волна за волной накатывает, то сушь великая, то князья меж собой земли не делят. И за все мужик русский расплачивайся. Игумен говорил об обезлюдевших деревнях, что так и не смогли подняться после мора, о многих нищих на дорогах, о сиротах... И митрополит все больше понимал, что не удалось Сергию спрятаться в свою келью, закрыться от мира. Будет он предстоятелем пред Богом Руси святой, будет помогать исполнять Его волю на грешной земле, хочет того или нет.

Но разговор о Нижнем Новгороде и князьях Константиновичах все же начал не в первый день, сначала дал привыкнуть, оглядеться. Потом беседу повел о неустроении Троицкой обители, прося снова взять ее под себя.

Сергий, видно, ждал этого разговора, стал гнуть свое, мол, на Киржач ушел потому, что Радонежская обитель стала просто местом прибежища состоятельных более, чем местом, где

душой смиряются. Не Богу служат, а своей тщете! Не о спасении души заботятся, а о бренном теле, в кое она до поры заключена. Перестала обитель быть тем, чем задумана.

Алексий послушал возражения, а потом спросил:

– Почему сие, как мыслишь?

– Устав монастырский менять надо! Чтоб не было у инока в обители своего, принесенного из мира, чтобы не гордился многими слугами да имениями, чтобы все одинаковы пред Богом без злата да богатства! Тогда и служба Господу будет, а не своей тщете!

Глаза митрополита чуть прищурились, понимал, что прав игумен, ведь в обитель все больше уходили не по зову душевному, а чтоб отделиться, и жизни своей почти не меняли, только стояли службы старательней да поклоны отбивали чаще. Какое уж тут иночество? Вдруг губы Алексия тронула усмешка:

– А ты измени устав, отец Сергей.

– Как? В Троице у каждого свое да кое у кого даже казна своя.

– Смени устав моей волей, а кому не по душе придется, тот в другую обитель уйдет. Останутся только те, кто согласен. Как жить-то мыслишь, если не будет богатых жертвователей?

Тот чуть нахмурился:

– Да пусть жертвуют, надо только, чтоб не шли в обитель ради того, чтобы в схеме богу душу отдать, негоже сие...

Долго еще обсуждали, как быть с Троицкой обителью. Согласился Сергей вернуться из Киржача и снова принять монастырь в Радонеже, но с условием, что все по-своему сделает. Так и получится, долго еще Троицкая обитель, которую зовут Троице-Сергиевой лаврой, отличалась строгостью своего устава. Было в ней все для монахов общее, трудились до седьмого пота, жили бедно и даже нище, но зато в чистоте душевной. Может, потому и народ сразу оценил силу духа у игумена Троицкой обители, признал за Сергием право быть духовным наставником целого народа?

Но вдруг Сергей чуть лукаво поинтересовался:

– Владыка, не темни, не ради одной обители зван сюда?

Алексий усмехнулся:

– Не скрою, есть для тебя трудное дело. Помощь нужна.

И рассказал о борьбе суздальско-нижегородских князей меж собой и за великое княжение. Ожидал, что поморщится Сергей, откажется даже говорить о неустроении княжьей власти на Руси, но тот вдруг спросил:

– Думаешь, Димитрий Московский тот, кто осилит?

– С Божьей помощью. Другого не дано. А помогать ему надо, с другим князем Москва не согласится, и только с Москвой могут согласиться остальные. В Орде замятня великая, один хан другого режет, что ни год. Пока им не до Руси, надо ее воедино собрать. И времени немного, там силу Мамай собирает, так силен темник, что может ханов своих ставить. У нас только и время, пока он с Ольгердом не сговорился. Если сговорятся – порвут Русь на части! А меж князьями тоже замятня.

– Что от меня надо?

– С Борисом сладить.

– А силой не можешь? – усмехнулся Сергей.

Алексия вдруг взяла злость, все же не для своего удовольствия старается, должен бы понимать игумен!

– И силой можем! Только это последнее дело – одних русских людей против других на потеху тем же ордынцам в бой водить! И разору земли подвергать, и без того мором да Ордой ослабленные!

Глаза встретились с глазами, – нет, они не боролись друг с дружкой, просто Сергию, видно, нужно было убедиться, что не о своей родне или власти думает в первую очередь митрополит, а обо всей Руси. Сергей коротко кивнул:

– Пойду. Только позволь от твоего имени распорядиться, если что?

– Чем распорядиться?

– Владыка, ты меня позвал, а не доверяешь... Коли не станет добром князь Борис увещаний слушать, велю твоей волей храмы нижегородские закрыть. Долго не выдержит, подчинится.

Сказал и поднялся, давая понять, что разговор окончен. Митрополит мысленно ахнул: ай да игумен! Вот как хитро придумал! Таким ходом любого князя взять можно! И даже не заметил Алексей, что беседу закончил Сергей, а не он, хотя по старшинству вроде надо наоборот, что по положению, что по возрасту. И едва к руке Сергия под благословение не подошел, вовремя вспомнил, кто он сам, просто обнялись трижды.

– Завтра выйду.

– Куда ж ты выйдешь? Я с тобой людей определяю, возок дам, лошадей хороших, гонцов впереди пошлю...

Глаза игумена насмешливо блеснули:

– Если кто пойдет со мной, то пусть поторопится, я до света отправлюсь. А лошади с гонцами ни к чему.

– Да как же ты, отец, пешим, что ли? До Нижнего сколько верст!..

И снова заблестели глаза Сергия:

– А я спорым шагом! Потому посыльных со мной тоже спорых и крепких отправляй.

Конечно, побеседовал Сергей и с князем Дмитрием. У того хватило ума первому встать и пойти навстречу игумену. Мало того, подошел под благословение сначала к нему, а уж потом к митрополиту. Боялся, что Алексей обидится, но тот после похвалил, мол, правильно сделал, митрополит митрополитом, а есть люди святые, которые больше пред Богом заступиться могут, чем все священники, вместе взятые!

Говорили долго про Москву, про Русь, про Орду (куда ж без нее!), про неустроение земли Русской, про то, что разорвана она меж разными правителями, и когда объединится, Бог весть... После Алексей спросил у Сергия, каков ему показался молодой князь.

– Молод, горяч, но ему Русь поднимать против ханов ордынских.

Митрополит мысленно ахнул, пока о таком и не думал, тщился укрепить Русь с Москвой во главе. А игумен вон как высоко взял! Вспомнил, как смотрел на Дмитрия Сергей, точно увидел что-то в его лице. Поинтересовался:

– Увидел что?

Сергий кивнул:

– Тяжело ему придется, но такова его доля. – Чуть помолчав, добавил с легкой завистью пожившего уже человека к молодому, только начинающему свой путь: – А славная доля! Памятен будет князь Руси на вечные времена!

Князь Дмитрий тоже вышел провожать игумена в долгий путь. Митрополит предупредил его, что Сергей уйдет с первым светом, и Дмитрий схитрил – приставил к келье, где ночевал игумен, холопа с наказом не спать всю ночь и, как только шевельнется Сергей, мчаться со всех ног будить самого князя.

Чтобы не проспать, холоп улегся прямо под дверь келейки, привалившись к ней спиной. Он проспал бы, да случайно неловко повернулся и зашумел, Сергей толкнул дверь, чтобы посмотреть, что случилось, вот и разбудил нерадивого. Увидев, что игумен уже на ногах, холоп опрометью бросился вон, чем несказанно удивил Сергия. Зато князь успел на крыльцо вовремя.

Митрополит, конечно, отправил вперед гонцов, чтоб знали, кто идет, к епископу суздальскому, который давно, еще по уговору князя Андрея Константиновича в Нижний Новгород перебрался. А к князю Борису нет, то не его пока дело, коли умен, так и сам узнает о необычном госте.

Когда три сухопарые фигуры, одетые в черные монашеские одеяния, показались на околице деревни, всех жителей точно ветром оповестило, мигом на единственную улицу высыпал и стар, и млад. Старцы шли неспешным шагом, оглядываясь, потому как начало смеркаться и надо бы поискать ночлег.

Как встречные угадывали в трех почти одинаковых монахах Сергия, для всех оставалось загадкой, в том числе и для самих людей. Просто сердце подсказывало: он! К игумену подходили под благословение, молили о заступничестве пред Богом, просили совета, как жить, подносили малых детей, чтоб только коснулся своей иссохшей рукой, глянул глазом, твердо веря, что одно только это даст дитю счастливую долю.

Церкви в деревеньке не было, потому за право приютить у себя знаменитого игумена едва не завязалась драка. Сергей вдруг попросил позволить им ночевать на сеновале. Тем и кончилось, отказать не посмели.

Когда все затихло и только где-то в крайнем дворе брехала видно спросонья собака, к Сергию вдруг кто-то подполз. Другому испугаться бы, но чего бояться тому, кто во всем полагается на божью волю? Возбужденный мальчишечий шепот попросил:

– Святой отец, возьми меня с собой!

– А ты кто? – чуть усмехнулся Сергей. Сколько он таких просьб слышал за свою жизнь, многим кажется, что слаще монашеской доли и не бывает, мол, живут тихо, смирно, беззаботно. А чуть погода взвыть готовы от такой доли. Неужто еще один?

– Я-то? Я Никитка. Возьми, а?

– Куда?

– А с собой, хоть куда. Мне тут не житье.

– Чего ж, с родителями повздорил, что ли? Или неслух? – игумену очень хотелось погладить мальчишеские вихры, он почему-то точно знал, что мальчишка вихраст. Его головенка почти прижалась к плечу монаха.

– Не, нету у меня родителей.

– Сирота?

– Выходит, что так. Мать в прошлый мор померла, я ее и не помню даже, отца зимой деревом придавило. А мачехе я обуза, говорит, и без меня ртов много. Она снова замуж собралась...

– Так она тебя вырастила?

– Не, нас с Аленкой отец из той деревни на руках вынес, как мамка померла. Только и Аленка тоже померла. А мы вот выжили. Ну, возьмешь? – вдруг деловито поинтересовался мальчик.

– Ты думаешь, со мной сладко? Я, сам видишь, пешим хожу, яств заморских не ем...

– Ишь, яств! Я и хлеба-то не всякий день вижу! Нашел чем испужать!

Не было заметно, чтобы малец смутился разговором с человеком, к которому подходили все. Да и не так часто с этим Никиткой видно разговаривали.

– Я монах и живу в обители, молюсь всякий день и хлеб насущный всякий день в поте лица добываю.

Никитка даже обрадовался, видно, этим Сергей стал ему даже ближе.

– Да я не переборчивый, ты не бойся! Я все могу, только силы пока не на все хватает, а как чуть окрепну, так работником хорошим стану. Только...

– Что?

– Молитвы почти не знаю, некому учить было. У нас поп еще в прошлом году помер, а нового нет.

– А мачеха что ж?

– Ей все равно, дерется только да ругается. А ты меня молитвам научишь? – мальчишка спросил так, словно все уже было обговорено.

– Возьму, хотя и тяжело будет. Не осилишь, так оставим тебя в Нижнем, туда уже недалеко, епископ пристроит куда-нибудь. Только мачеху спроси.

– Ага! – обрадованно согласился мальчишка и мигом сполз вниз. Сергей хотел сказать, что выйдет затемно, но не успел. Было слышно, как босые ноги затопали по крыльцу соседнего дома, потом оттуда раздалась отборная ругань и залаяла собака, потому что Никитка стрелой летел обратно. Шустро вскарабкавшись на сеновал, он с удовольствием сообщил:

– Отпустила!

Вафсоний, поневоле слышавший всю беседу и возню, рассмеялся:

– Похоже, погнала...

– А, – махнул в темноте рукой мальчик, – ей все равно, даже рада будет, что обузы нет!

Дальше они топали уже четвером. Никитка оказался худеньким, живым и действительно вихрастым мальчишкой. Его босые ноги, едва не просвечивающие из-за худобы, бойко месили дорожную грязь, а язык не смолкая либо рассказывал, либо спрашивал. Монахи многое узнали о деревенском житье-бытье во время мора. Немало рассказали и сами, живой ум ребенка впитывал знания и впечатления от дороги, как сухая ткань воду.

В первый же день, покосившись на голые ноги мальчика, монахи переглянулись меж собой, в ближайшей деревне раздобыли ему лапоточки и кое-какую одежонку, потому как и на теле было негусто. За лапти хозяин категорически отказывался брать деньги, все отдал за простое благословение своего сынишки примерно такого же роста и возраста.

Дальше Никитка уже пылил по дороге, довольный собой донельзя. Он ревниво косился, когда к Сергию подходили к руке, следил за небогатым скарбом монахов и старался опередить все их желания, хотя и было их немного.

В Нижний пришли незаметно, стража не обратила никакого внимания на трех монахов с мальчишкой. Всякие калики перехожие попадались, мора нет, потому коситься на каждого не стоит. На епископском дворе встретили с почетом. Никитка крутил головой, он никогда не видел сразу столько монахов и тем паче столько богатств! Иконы в богатых окладах, всюду золото, красота неземная!.. И кормили всласть! Сам Сергей почти не ел, не привык, а вот мальчишку попросил откормить, смеялся:

– Не то обратный путь не выдержит! – Обернулся к Никитке: – Или ты здесь останешься? У меня таких разносолов не будет!

Тот старательно замотал головой:

– Не, я с тобой!

Игумен хотел сказать, что еще неизвестно, как дело повернет, как бы всем здесь не остаться, но не стал пугать загоя. Князь Борис Константинович, даже узнав, что вот-вот придет игумен Сергей из Радонежа, интереса не проявил. Зато о приходе знаменитого монаха вмиг стало известно нижегородцам, к монастырю потянулись православные, хоть одним глазочком глянуть, если к руке приложиться не удастся!

Сергей хмурился, кажется, чем больше он старался быть незаметным, тем больше его знали! Но надо делать то, зачем пришел. Назавтра решил идти к князю с поклоном и разговором. Вафсоний засомневался:

– Отче, как бы не вышло как с митрополитом Алексием в Киеве. Может, мы сами сходим?

Глаза Сергея стали жесткими:

– Не посмеет! Там Ольгерд, он поганой веры, пням да идолам молится, а князь Борис православный, небось схиму уважает?

Игумен хотел сказать, что не уверен, но промолчал.

Зря Сергей надеялся, что Борис Константинович станет с ним беседы вести. Правда, на крыльцо князь все же вышел, но в отличие от своих горожан к руке не пошел и даже шага вниз по ступенькам не сделал! Прямо оттуда с крыльца громко сказал игумену, что московские советчики ему не нужны, даже если они в монашеской рясе.

Слышавшие это холопы и ближние люди ахнули! В сердцах еще теплилась надежда, что князь не понял, кто перед ним, но сам Борис эту надежду и погасил:

– Это митрополит расстарался тебя ко мне отправить? Зря пыль дорожную месил, отец Сергей! Все, чего князь московский и митрополит хотят, я и без послов знаю.

Сергей словно не слышал обидных слов, вполголоса, но почему-то было слышно на весь большой княжий двор, ответил:

– Да, я митрополитом Алексием прислан. Остановись, князь, не по отчине и не по дедине поступаешь! Не время Русскую землю меж собой на части рвать!

Борис не выдержал, дернул плечом, фыркнул:

– А Москва ее не рвет? Готова всю Русь купить, да только не все продают! Довольно слов!

Он уже почти повернулся уйти, хотя и было это невежливо, и все же услышал ответ Сергея:

– Другое время наступило, князь, пора пришла собирать землю! Пусть и под Москвой, но собирать!

Борис задохнулся, не зная что ответить, а монахи уже были почти в воротах. Их согбенные фигуры в простых темных одеяниях, казалось, олицетворяли собой укор всей Руси мятежному князю Борису. Было от чего остолбенеть.

Но, пометавшись по палатам, Борис Константинович решил не отступать! Его и большим войском не сломить, не то увещанием какого-то монаха! Чтобы показать, что он ничего не боится, отправился осматривать укрепления, которые спешно подновляли, готовясь к подходу объединенных суздальско-московских сил.

Город замер. Нижегородцы ворчали на князя, но пока выступать против него не собирались. А Сергей вел себя совершенно спокойно. Бояре поглядывали на него с удивлением: он что, надеется, что к завтраму у князя проснется совесть? Ничуть не бывало, вон он, по крепостной стене ходит, к рати готовится.

Ворчали уже и ратники, слава Сергея была велика и в такой дали от его обители. После обеда Борис Константинович осторожно поинтересовался у ближнего боярина Федора Ники-тича, не ушли ли монахи. Тот помотал головой:

– Не, по городу ходит...

– Людей мутит?! – разозлился князь.

– Не мутит, он по храмам только, и ведет себя чинно. Остальные тоже.

Борис усмехнулся: на что надеялся митрополит, отправляя сюда такого посла? Решил усовестить его одним видом монашеской схимы? Странно, он считал митрополита Алексия умнее.

Вечер, ночь, а за ними и утро были тихими. Далеко вперед высланы по дорогам разведки, когда появятся полки соперников, донесут. Пока все спокойно, ни московских, ни суздальских ратей не видно, можно заниматься своими делами.

Почему же было так тревожно на душе у князя Бориса Константиновича? И спал плохо, и теперь вот за окном занимается радостное, светлое утро, а у него щемит на сердце? Ничего, скоро к утренней службе позвонят, колокольный звон всегда возрождал в нем надежды, казалось, обновляется сама душа.

Наконец глухо, с оттяжкой ударил первый колокол. Его звук поплыл над Волгой и где-то далеко замер. Борис ждал, что вот-вот присоединятся остальные. Так бывало всегда, он просыпался очень рано и слушал переключку колоколов по утрам. Начинал всегда один тяжелый, точно стонущий удар, но не успевал он затихнуть, как россыпью отвечали на все лады остальные, и тогда звук умножался, становился звонче, играючи тек над городом и рекой, расплескивался по округе, будя все и всех.

Но в этот раз за первым звуком не послышалось следующих, точно ударив, колокол сразу захлебнулся своим собственным звуком! Мгновения, которые князь ожидал следующего колокола, казались бесконечными. Ждал и не дождался. В сердце властно вползал холодок нехорошего предчувствия.

Но додумать о колокольном звоне князь не успел, в опочивальню заглянуло тревожное лицо его ближнего холопа. Увидев, что хозяин не спит, он быстро зашептал:

– Княже, чегой-то не звонят по церквам-то?!

– Где не звонят? – насторожился Борис Константинович. Вот оно! Что-то все же случилось такое, от чего беспокоится сердце.

– А нигде. Все храмы, сказывают, закрыты, ни один утреннюю службу не вел!

– Чего?! – вскочил князь.

Наспех втискивал ноги в сафьяновые сапоги, совал руки в рукава кафтана, дергал застежку, чтоб скорее пристроилась. Негоже князю на людях появляться как простому смерду, это слышно, молодой московский увалень навроде простого дружинника ходит, Борис не таков!

Коня успели оседлать и подвести, правда, храпящего, непокорного. Князь сильнее дернул уздечку: тебя еще не хватало! Следом за ним выскочил и воевода с кем-то из бояр, даже не посмотрел с кем.

На паперти первого же храма народ, слышен женский плач и причитания. И вроде свадебная процессия в стороне! А невеста в слезах.

– Что случилось?! – голос Бориса Константиновича загромыхал на всю улицу. К нему живо обернулись все стоявшие на ступеньках храма, лица были недобрые.

Один из мужиков развел руками:

– Все церкви закрыты, княже.

– Почему?!

– Говорят, митрополит Алексей повелел...

Конь князя рванулся с места, поднимая пыль облаком. Воевода следом за Борисом. Служки у монастырских ворот едва успели раскрыть их пошире. Даже не сознавая, что делает, Борис так и подъехал к крыльцу верхом.

Там уже стоял давешний монах, а позади него епископ. Мысленно ругнувшись на епископа: «Вот я тебе!», Борис закричал:

– Почему храмы закрыли?!

Сергий спокойно спустился по ступенькам и с укором произнес:

– Сойди с коня, князь, ты в обители, а не на рати. А церкви закрыли по распоряжению митрополита всея Руси Алексия. Я хотел вчера сказать, да ты слушать не стал.

Борис затравленно оглянулся и обомлел. Вроде мчался во весь опор, но толпа горожан успела почти следом за ним и слышала укор монаха! Закусив губу, он спрыгнул с лошади, но поводею подскокившему иноку не отдал. Князь не собирался уговаривать здесь никого, его дело приказывать!

И вдруг Борис с ужасом понял, что приказывать вот этому чернецу и тем, кто вокруг него, не может! Есть сила, которую не взять острым мечом или угрозой, над которой он не властен. Борис Константинович с ужасом осознал, что проиграли и он, и брат Дмитрий, еще не начиная игры, тогда, когда за спиной маленького московского князя встал бежавший из зато-

чения митрополит Алексей! А теперь еще и этот монах, в лицо которому с надеждой заглядывают все нижегородцы...

Рванув поводья ошалевшей от такого обращения лошади, он процедил сквозь зубы, хорошо понимая, чего ждет стоящий рядом Сергей:

– Открывай храмы, я сдаюсь...

Глядя вслед уходившему с понурой головой князю, Сергей усмехнулся:

– Сразу бы так, и позора бы избежал...

Ни московская, ни суздальская рати не понадобились, навстречу им уже мчался гонец от князя Бориса с заверениями, что тот согласен на все условия старшего брата и уйдет в свой Городец. Но московскому князю подчиняться отказывается.

Узнав об этом, митрополит Алексей едва сдержал улыбку:

– Нам его покорность и не надобна, против бы не шел да воду не мутил.

Вечером князь Борис долго лежал без сна, закинув за голову руки, и досадовал на себя. Что бы самому не воспользоваться помощью митрополита?! Алексей сидел в заточении в Киеве у его тестя Ольгерда. Пусть тесть бывший (Ольгердова дочь умерла родами, почти и не жили вместе), но внуком Юрием дед гордится, глядишь, и помог бы! Вот когда свое показывать надо было, вызволил бы митрополита и повез не в бессильную тогда Москву, а в Суздаль. Иван Данилович сумел Москву из ничего поднять, неужто он не смог бы то же сотворить с древним Суздалем? Ну, не Суздаль, так сюда вот, в Нижний привез бы! Тоже город хорошо стоит, если с Ордой не яриться, то как на опаре поднять можно...

Досадовал на себя князь Борис, что вовремя не разглядел силы митрополичьей, что не на ту силу поставил. Но сделанного не воротишь, а Борис и проигрывать тоже умел, признал свое поражение.

Братья встретились в Бережце, подальше от Нижнего Новгорода, но и от Москвы тоже. Повинился Борис, от своих требований отказался. Тут бы и отыгаться старшему брату, оставить бунтаря вовсе без удела, чтоб рядом со стремянем ходил, в глаза заглядывая, но Дмитрий вдруг повел себя очень мирно. Вернул Борису его Городецкий удел, ни в чем не винил, называл по-прежнему братом.

И мало кто заметил, что за обоими внимательно наблюдают глаза матери. Когда подписали братья dokonчанную грамоту, вроде даже вздохнула княгиня Олена с облегчением. Неужто ради этого ездила она в Москву?! Задуматься бы, но всем было не до того...

И еще одного не заметили: что Дмитрий Константинович признавал за Москвой право на великокняжеский ярлык на веки вечные! Не только за молодым князем Дмитрием Ивановичем, но за его детьми и внуками! Ярлык на великое княжение окончательно доставался Москве. Именно она становилась столицей новой Руси. Но до полного объединения было еще ой как далеко!

Обратно к Москве шагали привычным быстрым шагом трое взрослых монахов и один маленький послушник. А впереди Сергия неслась молва о том, как он один победил целый Нижний Новгород!

Митрополиту и князю Дмитрию Ивановичу придется еще раз прибегнуть к помощи Сергия Радонежского в переговорах. Он сумеет убедить сильного и своевольного князя Олега Рязанского добром отказаться от соперничества с Москвой, чем сбережет немало жизней русских воинов в преддверии Куликовской битвы.

До деревеньки, где оставалась мачеха Никитки, дошли в середине дня. Когда уже завиднелся пригорок с покосившимися избами, мальчишка вдруг мотнул головой: «Я догоню!» и метнулся в кусты при дороге. Монахи только проследили за качнувшимися ветками, потом переглянулись меж собой. Вафсоний покачал головой:

– Боится мимо своего дома идти?

Второй монах с сомнением усмехнулся:

– Или, напротив, от нас отстать захотел...

Но не успели они допылить до первых изб, как Никитка невесть откуда появился рядом. Видно, вынырнул из таких же придорожных кустов. Глядеть на него было любо-дорого, мальчонка где-то успел прихорошиться, умылся, старательно расчесал свои вихры, перемотал онучи. Был он весь чистый и ладный, рубашонка, пусть и не новая, оправлена, под пояском лежала ровными складками, порты в онучах не как попало, и сами онучи намотаны полоска к полоске, перевязаны крепко...

Вафсоний не сдержался:

– Ты, Никитка, точно к князю в гости собрался. Чего ж раньше так не обихаживал себя?

Мальчик смутился, не зная, что ответить. Его поддержал Сергей:

– Оставь мальца, пусть уж покрасуется пред мачехой и друзьями.

Дольше разговаривать было некогда, сразу за первыми избами выскочил народ, точно всем и в поле делать нечего. Откуда-то несли хлеб-соль на широком блюде, кланялись, как гостям дорогим. Сергей, не красуясь, отломил чуть хлеба, круто посолил, взял в рот, поклонился с благодарностью. За ним и остальные: когда добром встречают, негоже чваниться.

Хозяйка низко склонилась:

– Возьмите, братия, хлебушко на дорожку. Да вот туточки еще припасы приготовлены.

Припасов оказалось на немалую котомку, но Сергей и тут отказываться не стал, нельзя отталкивать руку, дающую от сердца, только попенял:

– Не последнее от детей отрываешь?

Та быстро замотала головой, чтоб не сомневался:

– Не, не!

За нее заступился мужик, видно, не муж, просто соседский:

– Есть с чего давать, бери, отче. А может, заночуете, а уж утром дальше? Или лошадь с возком дать?

– Благодарствуем, не надо. Лошадь можно бы и у князя взять, у него, чаю, много. Но мы своими ногами привычны пыль месить. А за хлеб-соль спасибо.

Никитка вместе с монахами пробовал хлеб-соль, гордо вышагивал, только чуть кося на деревенских. Те хоть и признали мальчонку, но смотрели как на гостя заморского. Только давний друг Семка, с которым столько раков в речушке выловлено, столько вороньих гнезд разорено, столько синяков наставлено, шепотом осторожно поинтересовался:

– Никита, ты ли?

– Я! – гордо ответил мальчишка и, не в силах сдержаться, затараторил тоже шепотом:

– С отцом Сергием до Нижнего ходил, а теперь вона в Москву!

– Ух ты! – раскрыл рот Семка. – А как это ты с ними приладился?

Не вынесла горделивости душа Никиткина, пред другом не сдержался, замотал головой:

– И сам не чаял! Просто попросился, как мачеха пообещала более в дом не пускать, а они и взяли...

– И порты на тебе новые... и картуз вона какой...

Зависть друга, конечно, была приятна Никите, но по сердцу тут же резанула жалость к Семке. Тому не лучше живется, тоже сирый, у тетки на шее, а тетка злющая, еще хуже Никиткиной мачехи! Вдруг решительно шепнул другу:

– Иди с нами!

Тот обомлел:

– Да я-то с радостью, так ведь не возьмут, заругают!

– Идем, они добрые! Я своим поделюсь, обузой не будешь, а на Москве к кому пристроимся работать.

Монахи заметили эти переговоры мальчишек, заметили и то, что подбежавший такой же худенький пацаненок не отстает, явно наметившись топтать следом. Пока шли деревней, все молчали, но за околицей Сергей вдруг остановился, строго глядя не на обомлевшего Семку, а на Никитку:

– Ты чего ж мальчика из дому сманил?! Сам ушел и его тянешь? А о матери не подумали, каково ей будет?!

У Никитки навернулись на глаза досадные слезы, а у Семки и того более – просто брызнули, но друга в обиду Никита не дал, заслонил собой, точно монахи ему что сделать могли, почти вскричал:

– Нету у него матери! Сирота, как и я, у тетки обузой живет!

И вдруг осознав, что грубит самому Сергию, вмиг сник, почти заголосил жалобно:

– Возьмите его с нами... Я своим поделюсь, у меня лапоточки запасные есть, да и порты тоже тетка в Нижнем дала крепкие. И рубаха... Только вот картуза нет, так свой отдам! – И неожиданно добавил: – И ест он немного, нам хватит.

Последние слова вдруг заставили монахов разом рассмеяться. Хохотал Вафсоний, держась за бока, басом ухал Антоний, лучики смешинок расходились от глаз Сергея.

– Ну, коли хлебом не объест, тогда, пожалуй, пущай идет с нами...

Семка, вмиг осознав, что его не гонят, завопил что есть силы:

– Дяденьки, я и вовсе хлеба могу не есть! Разве что иногда горбушечку... Зато я рыбалить хорошо умею, я вам рыбку ловить буду!

Он еще многое хотел пообещать, но остановила рука Сергея, легшая на плечо:

– Хлеба больше, чем у самого есть, не обещаю, но и не обидим. – Он вдруг хохотнул: – Только дяденьками не зови, говори лучше «отче» и по имени. Никитка тебе все объяснит. Пойдемте уж, и так припозднились.

Дальше дорожную пыль топтали уже пятеро, Семка и впрямь оказался мальчишкой ловким и толковым. И рыбу удить хорошо умел, баловал монахов рыбкой.

А однажды на привале, который устроили просто на берегу небольшой речушки, ночью к Сергию подобрался теперь уже Семка, приткнувшись к самому уху, горячо зашептал:

– Отче, я чего видел... эти твои иноки и не иноки вовсе!

– А кто? – шепотом ответил Сергей. Ночная мгла скрыла его едва сдерживаемую улыбку, а шепот не выдал.

– У иноков мечей не бывает, а у ентих короткие под рясами спрятаны!.. Они не тебя ли убить мыслят? Так ты беги, мы их отвлечем! А то давай, мы с Никиткой подберемся и по башкам чем потяжелее... а?

– Не надо ничего. Кабы убить хотели, так давно бы сие свершили, мы который день по лесным тропам бродим. Успокойтесь, их митрополит со мной отправил, видно, хотел, чтоб защитили в случае чего. А то, что они не иноки, я в первый день понял, службу плохо знают.

Последние слова игумен говорил уже громко, в ответ со стороны рослого здорового Антония раздался довольный смех:

– Ты, Семка, зря нас пугаешься. Мы отца Сергея не первый день храним, он верно заметил. Так что спите оба!

Про оба это он зря, Никитка и без того сладкие сны смотрел, и помощи от него было чуть. Вообще мальчишка, почувствовав заботу и защиту взрослых сильных людей, сильно изменился, стал не только уверенным, но и чуть нагловатым. Если шли по деревням и тем более в городах, Никита вышагивал важно, точно не он при Сергии, а монахи при нем. Сначала монахов это даже смешило, потом стали едва заметно морщиться, а однажды Сергей даже сделал выговор мальчишке:

– Ты пошто не дал старухе ко мне подойти?

Тот оправдывался:

– Да мне тебя жаль, отче. Ежели всякий станет к твоей руке подходить, то она отвалится! Сергей укоризненно покачал головой:

– То моя рука, а не твоя, и в благословении я еще никому не отказывал. Всякий человек доброго слова достоин.

Семка тут как тут:

– А ежели тать? Или вор, к примеру?

– Тем паче надо слово доброе сказать, чтоб в душе что хорошее шевельнулось.

– Чтоб укор почувствовал?

– Не укор, а душой свою неправоту понял. Если поймет, то не сможет худого сделать...

– А ежели не поймет?

– Значит, плохо объяснил. В другой раз говори понятней и до сердца доходчивей.

– Этак ты, святой отец, всех душегубов ласкать станешь, – не выдержал уже Вафсоний.

– А лаской большего добиться можно, чем дурным словом или злостью.

– Ага, вот ордынцев сколь ни ласкай, они все свою мзду требуют, а то и в полон тащат.

– Мерзок сей мир, мерзок пока, – со вздохом согласился Сергей. – Потому и в обители живу, чтобы у Господа прощение за людские грехи вымолить. Но, вишь, приходится на эти же грехи отвлекаться. Кабы не ссорились меж собой два брата, то не месили бы мы грязь дорожную столько дней.

Не раз заходили такие разговоры, все меньше нравилось это Никитке: ежели столько строг отец Сергей и в обители, то не зря ли он сам туда идет? Однажды стал тихонько говорить Семке, что на Москве сразу надо себе другое прибежище искать, не по нутру ему монастырские строгости. Приятель махнул рукой:

– Поживем увидим...

Вот, наконец, и Москва скоро, Вафсоний сказал, что за поворотом реки будут видны московские холмы. Радовались все, но почему-то идущих охватывала тревога. Эта тревога была разлита в воздухе.

Вдруг Семка принялся:

– Не то дымом пахнет? Костер где палят, что ли?

Принялись и остальные. Вафсоний хмуро покачал головой:

– Ой не костер это, чует мое сердце... А ежели и костер, так такой большущий, что всем страшно будет!

Путники прибавили шаг, едва не бегом выскочили на высокий пригорок на берегу и в ужасе замерли! На другом берегу выше по течению единым костром пылал московский Кром! Такого не только мальчишки, но и отец Сергей не видывал. На что большие пожары были, но чтоб дубовые стены Кремника горели, да еще и столь жарко!..

Пылало все: деревянные церкви и колокольни, терема, дома, амбары, скотные дворы, пристани у реки... Горячий ветер помогал расползаться пожару, хотя расползаться уже было некуда. Люди с воплями бежали, бросая все свое добро, даже запертую в хлевах скотину, только бы успеть убежать из огня самим и вынести детей да стариков.

Сергей неподвижным столбом замер на круче, взирая на огонь, охвативший Москву. Помочь они ничем не могли, не только тем, кто еще был в пожаре, но и тем, кто добрался до воды. На их глазах город превращался в груды черных горелых бревен, а ветер все разносил по округе горячий пепел и обрывки того, что раньше было человеческим творением. Пламя бушевало так, что человеческих голосов и не слышно.

Для взрослых это ужас от одного сознания, что вмиг рушится все, что люди делали годами, что остаются новые тысячи обездоленных без крова над головой, без пищи, без скотины, без скарба, а еще хуже – гибнут в огне и люди, которые не смогли, не успели или побоялись покинуть свои дома! Для мальчишек бушующее пламя – это интерес, постояли молча,

восхищенными глазами глядя на огненный разгул, а потом не выдержали, принялись обмениваться возгласами:

- Смотри, смотри... вона как полетело!..
- А вон! Глянь, колокольня рухнула, что ли? Вроде как колокол на ней!
- Ага... и человек, кажись...

Под строгим взглядом Сергия примолкли. Но когда стали спускаться к воде, чтоб все же переправиться на ту сторону, Семка поинтересовался:

- А куда ж мы? Чай, монастырь сгорел?
- Монастырь там, отсюда далеко, не видно. А владычий двор вон там, погорел ли, неизвестно, – объяснил Вафсоний со вздохом. – И где митрополит с князем?..

И митрополита нашли, и князя, они не пострадали. Но когда уже пробирались по московской гари, Никитка вдруг зашептал другу:

- Куда ж тут пристроишься, придется в монастырь идти...
- А ты куда хотел? – поинтересовался Сергей.

– Не, я в монастырь и хотел.

– Лукавишь ты все, плохо сие. Говоришь одно, а мыслишь совсем другое, – покачал головой игумен. Никитка потупился, был за ним такой грех.

В Москве Сергей показал мальчишек митрополиту Алексию:

– Хотел в обитель забрать, да больно вертлявы, не по ним монастырское житье. Может, где у себя на дворе пристроишь, толковые мальчонки-то.

Никитка с Семеном остались на владычем дворе. Семка оказался очень схватчивым к грамоте и через некоторое время уже вопрошал, заглядывая через плечо Власия:

- А это что за буква?

Никиту пристроили на монастырскую кухню, там все пришлось по душе, нравилось малому вдыхать дар печи, запах свежееиспеченного хлеба, нравилось крошить большим ножом овощи для варева, а потом взиать, как уплетают приготовленное за обе щеки, нахваливая умельцев. Каждому нашлось свое, устроились две судьбы на Руси, а сколько тысяч нестроенных сирот, живущих не всегда у добрых родовичей, еще осталось?

Но мальчишки недолго пробыли на владычем дворе, так случилось, что оба оказались рядом с братьями Вельяминовыми, Никитка у Ивана, а Семка подле младшего, Николая. И судьбы обоих с той минуты уже были тесно связаны с судьбами молодых бояр Вельяминовых, и развела их жизнь по разные стороны Куликова поля.

Женитьба

– Вот уж правы те, кто твердит, что не ведаешь, откуда беды ждать и кто поможет! – жаловался жене Дмитрий Константинович. Если честно, то в душе он был даже рад разрешению спора о великом княжении, понимал, насколько прав оказался брат Андрей, отказываясь от ярлыка еще там, в Орде. Сидеть, вечно ожидая, что ярлык дадут кому-то другому... Нет, уж лучше в Нижнем Новгороде, который растет, точно тесто на хорошей опаре.

Хотя великого княжения жаль... Теперь уж его вовсе не видать никаким боком даже внукам.

Неожиданно Дмитрий Константинович приподнялся на локте, ему живо вспомнились слова матери, сказанные после ее поездки в Москву. Тогда княгиня Олена мельком бросила, мол, князю московскому скоро жениться придет пора. Не так много годков пока, но и более молодыми князья семьями обзаводились.

Тогда Дмитрий Константинович материнским словам значения не придал, а сейчас вдруг как обожгло – понял, к чему это она! Ох и хитра княгиня Олена! А... а если это не одной ее придумка, но и... Неужто сообща с митрополитом такое мозговали?!

Жена Анна испугалась:

– Что? Что ты? Услышал кого?

Сама сколько ни прислушивалась, ничего не разобрала. С чего вдруг муж забеспокоился?

А тот откинулся на подушки, немного помолчал, не обращая внимания на беспокойство супруги, и вдруг поинтересовался:

– Сколь нашей Марии годков?

– Да тринадцать только...

– А Дуняше, стало быть, двенадцать?

– Да...

Неужто об Олеге Рязанском вспомнил, про которого она тогда сказывала? Но рязанский князь глаз не кажет, поглядел тогда и вроде забыл про Дуняшу. А ведь как смотрел... У них с Вассой сердца зашлись! Думали, вот-вот сладится все, но закрутили другие дела, и все затихло. Дочь тоже переживала, теперь вроде успокоилась. Рано ей еще сердечком маяться.

Хотя сама Анна еще раньше замуж за своего Дмитрия вышла, но матерям всегда кажется, что дочкам в их возрасте еще рано. А тут отец вдруг вспомнил. Княгиня уже собралась попечаловаться на невнимание рязанского князя, хорошо, что не успела, потому как услышала от мужа такое...

– А князю Дмитрию пятнадцать, я мыслю. Точно, шестнадцатый годок... Когда Иван Красный умер, княжичу, сказывали, всего девять было. Получается, пятнадцать ныне.

– К-какому Дмитрию?

– Московскому. – Не было заметно, чтобы вопрос смутил Дмитрия Константиновича. Напротив, он продолжал рассуждать вслух. – Кто ему в невесты ныне годен? У Михайлы Тверского дочки подходящей нет... от Ольгерда он как от язвы моровой шарахается, там точно не сладится... да и не с кем ладить... Олег Рязанский сам молод и бездетен... другие князья помельче нас будут. В Орду сейчас лучше не соваться. Вот по всему и выходит, что самая подходящая князю невеста – наша дочь! Лучше Евдокиюшка.

– Да ты очумел, что ли?! – не выдержала жена. Ей почему-то вдруг стало очень жалко дочь с той сердечной привязанностью. – Какой московский князь? Ты с ним который год воюешь!

– Дура баба, право слово, дура! – с удовольствием хохотнул Дмитрий Константинович. – Породимся, воевать перестанем. А ну как будешь тещей великого князя, а?! Каково?

Конечно, породниться с московским князем – не то что с рязанским, Олег сам по себе, ему тяжело, а за Дмитрием вся Москва и пол-Руси стоит. И Олег невесть какого рода, а у Дмит-

рия дед Иван Данилович по сей час притча во языцех, а уж о прапрадеде князе Александре Ярославиче, спасителе Руси, и говорить нечего! Только вот каков сам этот московский князь? Да захочет ли брать Евдокию? А с Машей как быть тогда?

Муж в ответ на такие слова усмехнулся:

– Если не дурак, а он, говорят, не глуп, хотя и прост, то захочет. Завтра же пошлю с предложением! – Резко обернулся к жене, строго добавил: – Только пока ни слова никому! Я вас, баб, знаю, не успеешь глазом моргнуть, как все новости точно сороки-трещотки разболтаете! Молчи!

– Хорошо, – со вздохом пообещала княгиня.

– И дочери не говори, ни той, ни другой!

– Может, Марью лучше московскому князю? – зачем-то предложила княгиня.

– Надеешься выдать Евдокию за Олега Рязанского? – фыркнул Дмитрий Константинович. Жена мысленно ахнула: не забыл! – Марья пусть своего часа дожидается. А об Олеге забудь, и ей скажи, чтоб забыла. Слишком тяжелая у него доля, чтоб дочь к такой привязывать.

– А у Дмитрия Московского легкая? – княгиня и сама не могла объяснить, почему упорствует.

– У всех нас тяжелая, только у князя Олега еще хуже, но не о том речь. Сколько времени прошло, как вы у Вассы на именинах были? Вот то-то и оно... Захотел бы, давно сосватал, никто же не мешал. Пусть себе, теперь не вмешивайся, может, с князем Дмитрием сладится, он, говорят, добр и прост.

Митрополит не мог поверить своим ушам! Дмитрий Константинович не только на попятный с ярлыком пошел, не только помощь супротив младшего брата принял, но и дочь свою Дмитрию в жены предложил!

Конечно, погодить бы князю с женитьбой, еще и борода едва пробивается, но если поразмыслить, то лучшей невесты, чем старшая дочь Дмитрия Суздальского, на Руси нет. Тоже молода, но возраст не помеха. Было решено посмотреть на невесту, не крива ли, здорова, разумна, каков нрав... Конечно, с лица воды не пить, но ей же наследников рожать, а ну как следующий князь безобразен ликом будет? И этому на ложе уродину тоже подкладывать грех, не заслужил вроде.

В Нижний Новгород, только что отвоеванный у одного брата для другого, на разведку отправились окольничий Тимофей Вельяминов и его племянники братья Иван и Николай Вельяминовы. Бяконт-старший точно чувствовал что, смеялся:

– Пустили козлов в огород!

Но митрополит отчего-то не беспокоился, точно наперед все знал. И в согласии Дмитрия Константиновича с княгиней Анной не сомневался. С чего бы? Конечно, никто не против породниться с великим князем, но для нынешнего нижегородского как посмотреть. Ежели обижен за великое княжение, то такое родство обида, а если благодарен за помощь против Бориса, то честь великая. Отчего-то Алексей знал, что честь.

Митрополит нарочно схитрил, отправляя к Дмитрию Константиновичу помимо окольничего Федора Вельяминова и его племянников. Братья совсем разные, а главное, по-разному относились к самому молодому князю Дмитрию. Старший, Иван, тот сызмальства презирал иногда такого неуклюжего Митрия, ему больше по душе стройный, почти тонкий Владимир, сын князя Андрея. И не мог понять Иван, почему митрополит, да и отец так тетешкаются с этим крепышом. Ну и что, что кровь княжеская? Владимир тоже князя Калиты потомок и такое же право имеет... Зато куда толковей и не такой упрямый! Потому Иван и насмеялся над юным князем Дмитрием когда только мог, не раз того выручал младший из братьев – Николай.

Микола, напротив, все время опекал Дмитрия, то наставлял в чем-то, то обучал, а то и просто помогал, когда не получалось, и закрывал собой, чтоб окружающие не видели злых слез

досады у мальчика. Не имевшему ни отца, ни старшего брата Дмитрию Микола был ближе брата. Правда, и с Владимиром крепко дружили, точно родные, а не двоюродные, но с Миколой другое. Тот наставник, иногда маленький князь на старшего друга взирал, как на икону, готовый сделать все, что потребует.

К счастью Дмитрия, Николай Вельяминов никогда не злоупотреблял таким обожанием. Кроме того, он всегда мог выручить младшего друга, если случалась заминка, о которой митрополиту и говорить стыдно. Как юному князю спросить у духовного отца о том, как понять женщину? О таком с ним и говорить срамно. А Микола, тот и сам сообразил, что пора с взрослеющим Дмитрием и об этом речь вести.

Когда впервые спросил о снах срамных, Митрий так глянул! Забормотал шепотом:

– И у тебя бывало?!

– У всех бывает, – едва сдержал улыбку Николай. – Знать, время пришло, скоро жениться.

– Чего?! – ахнул толстый Митька. Даже замер от такой мысли, неужто и он уже взрослый?

Ну, почти взрослый...

Старший друг осадил его самодовольство:

– Ты, Митя, не тем взрослость меряешь.

Маленький князь почти расстроился:

– Да помню, что у меня борода еще и пушком не покрылась...

– Опять не то. Жениться всегда успеешь, допрежь научись на коня не с крыльца заползть, а с места взлетать, да так, чтоб стремени почти не касаться. А еще грамоту плохо разумеешь, я слышал. Ты ж князь, тебе во всем лучше других быть надо. – Видя, как нахмурился мальчик, наклонился ближе и заговорщически подмигнул: – А с девками ладить я тебя научу.

После того разговора прошло года два, Дмитрия точно подменили, правда, книги так и не полюбил, а вот с конем и стременами ладить научился и похудел заметно. Может, потому что вытянулся вверх, как все отроки в его возрасте? Уже стало понятно, что будет князь могучего сложения, собой видным. Волосы потемнели, почти черные, крепок телом, куда и девалась давешняя неуклюжесть? Кто непредвзято, как вон Иван Вельяминов, на молодого князя смотрел, тот уже видел породу и будущую красоту. Микола видел в своем младшем друге только лучшее. А тут такое поручение – князю невесту глянуть!

Столь разные братья лучше разглядят будущую невесту, каждый по-своему скажет, вот и получится правда. Так хитрил митрополит, а вышло иначе. Но все равно хорошо.

На дворе у князя Дмитрия Константиновича переполох – из Москвы на смотрины приехали знатные бояре Вельяминовы – брат московского тысяцкого и два сына самого Василия Васильевича. Род Вельяминовых на Москве уже много лет в чести, должность тысяцкого крепко держат. Да и без должности есть за что уважать, не из последних, при князьях со времен Ивана Даниловича и владения немалые имеют, и доход с должности тысяцкого.

Вокруг прибывших засуетились, забегали, стараясь угодить. А сам Дмитрий Константинович велел позвать обеих княжон, вдруг Мария больше глянется? Он не забыл заботы своей супруги о рязанском князе, породниться и с Москвой, и с Рязанью тоже неплохо...

Княжны вошли в палату, где сидели отец с гостями, на негнущихся ногах и с трясущимися руками. Головы опущены, лица заливают краска смущения. Уж на что Мария бойка, но и она застеснялась. Вельяминовы не сватами приехали, а пока только посмотреть, какую из двух сестер сватать великому князю, поэтому особых церемоний не соблюдалось и долго девушек не мучили.

В глаза сразу бросилось, что хотя и сестры, а разные. Девушки погодки, потому и не понять, какая старше, но не в том суть. Одна побойчее, рискнула глаза на приезжих поднять. Как подняла, так и встретилась с неотрывным взглядом Миколы Вельяминова. У обоих сердца зашлись, обмерли, казалось, и не стукнут снова. Насилу перевели дыхание и он, и она. Мария

покраснела, хотя уж вроде больше некуда. Но и молодой боярин тоже. Хорошо, что всем не до него.

Все взоры были направлены на Евдокию. Она сразу глянулась и Федору Вельяминову, и, видно, Ивану тоже. Было чем: княжна стройная, тонкая, как молодая березка, вся светится. На нежный румянец щек густые темные ресницы даже тени бросили. Губы алые, красиво изогнутые, дрожат, вот-вот расплывется девица. Высокая крепкая грудь тоже вздымается, видно, взволнована бедняжка больше некуда.

Но зрители не снизошли до ее волнения, Вельяминов-старший решил, что пора и ему себя показать. Встал, чуть прошелся, потом хозяйски повелел:

– Глаза-то подыми, не косая ли?

Не успел отец возмутиться этакой невиданной вольностью, как сама Евдокия вскинула головку с обидой, отчего русая коса змеей метнулась по спине, распахнула большущие синие глаза, глянула с вызовом. Тимофей так и рухнул на лавку, с которой встал!

– Ай, хороша, голубка ясноглазая! Обе княжны хороши! Ай да дочки у тебя, князь Дмитрий Константинович! Будет о чем на Москве рассказать! И где таких до сих пор прятали?!

Пока дядя тарахтел, смущенный достойной красотой обеих княжон, племянники приглядывались к девушкам. Иван неотрывно смотрел на Дуню, словно ласкал ее. Этот взгляд, видно, почувствовала сама девушка, перевела глаза на молодого боярина, но во взоре лишь укор. А он не смутился, глаз не опустил. Не думалось о том, что за невестой этому увальню приехал, что на чужую глазает, смотрел и все. Точно осторожно прикасался к нежной щеке, шейке, точеному овалу девичьих щек...

Евдокия уже отвернулась, Тимофей свои похвалы договорил, а Иван все не мог оторвать глаз от трепетных ресниц и алых губ. И самым большим желанием было коснуться их своими губами. Выходя из палаты, девушка вдруг снова обожгла укоризненным взглядом.

А Микола не мог оторвать глаз от Маши, да и та на него чуть косилась любопытно, стараясь, чтобы не заметила строгая мать. Вообще-то княжон долго мучить не стали, чего же в краску вгонять, не сватовство чай!

И если взгляд Ивана раздосадовал Евдокию, то Миколин Марью разбередил. Теперь уже Евдокия успокаивала Машу, глядя светлые волосы:

– Да и он на тебя во все глаза глядел.

– Да-а... что толку с того, что они смотрят...

Это была правда, от Олега Рязанского ни слуху ни духу. И обиженная в глубине души Евдокия твердо решила больше о нем не думать!

Мать пришла в девичью светелку сразу после ухода дорогих гостей. Девушки напряженно ждали, что скажет, боялись, вдруг ругать за вольности начнет! Но обошлось, княгиня Анна даже слишком долгого взгляда Ивана не заметила, видно, сидел от света. А Николая не проглядела, посмеялась, что и Машина очередь пришла.

Теперь слово за самим князем Дмитрием, а вернее, за митрополитом и московскими боярами. Хотя какая разница, ведь обе дочери одних отца и матери, обе красивы и здоровы. Но лишь одна из сестер станет великой княгиней. Какая?

Маше совсем не хотелось, чтоб ее сватали великому князю Дмитрию Московскому, ей глянулся тот молодой боярин, что не скрываясь таращился на смотринах. И ловким оказался, сумел укрыться в сенцах, когда выходила, коснулся руки, жарко зашептал:

– Любушка, сватать буду, пойдешь ли?

Ей бы оскорбиться, руку дернуть, но Мария неожиданно даже для себя вдруг кивнула:

– Пойду.

Хорошо никто не видел, кроме сестры Дуни да ближней девки Матрены, которая верна, никому ничего не разболтает, лучше язык себе каленым железом выжжет.

На Дуню больше пялился второй боярин, ну это кроме старшего, того, что волчком вертелся, расхваливая. А молодой смотрел откровенно, даже хуже Олега Рязанского, казалось, что не смотрит, а гладит! Евдокия содрогнулась от этого откровенного мужского желания, как от такого защититься? Почему-то подумалось, что встретить такого где наедине, то не пожалеет и позора девичьего не побоится. На душе было тошно, а ну как на Москве таких бояр много? Лучше уж в Нижнем Новгороде жить или вовсе в Суздале.

Но мать твердо заявила, что сватать за великого князя будут Евдокию, это уже решено! А Машу молодому боярину, он с Василием осторожно поговорил. Как с Вельяминовым-старшим поговорят, так и придет сватов. Мария ахнула, прижав руки к груди.

Снова началось ожидание, правда, теперь уже недолгое.

Братья Вельяминовы возвращались из Нижнего Новгорода довольные выполненным поручением, хотя и было то поручение весьма легким и приятным – княжон посмотреть! И не пугала противная осенняя морось, заставшая в дороге.

Тоскливей нет осеннего пути, когда листва еще не вся облетела, ветер болтает на ветках последние грязно-желтые от непогоды листья, бросает в лицо то крупные капли дождя, то мелкую морось, что еще противней. Воинам ли бояться дождя или холодного ветра? Но холодная влага пробралась, кажется, уже всюду, натекла за шиворот, попала в сапоги...

Дорога скользкая, намокшая трава расплзалась под конскими копытами, мокрые ветки деревьев без конца задевали по лицам, но Николай не замечал ничего. Он успел шепнуть Марии, что станет ее сватать, а потом переговорил с ее старшим братом, все вроде сладилось. Но вот как на это посмотрит отец? Можно ли было спрашивать согласия девушки, если своего отца не спросил?

Василий Васильевич худого сыну не пожелает, а породниться с московским князем, ежели Евдокию ему сосватают, тоже лестно. Но еще не женат Иван, вроде негоже вперед старшего лезть...

Сам Иван Вельяминов ехал молча, точно не замечая остальных. Его мысли крутились вокруг того же – предстоящего сватовства, но были они совсем другие. Иван не заметил интереса младшего брата к Марии, потому что сам не мог оторвать глаз от Евдокии. Его поразила спокойная, какая-то точеная красота девушки. Вроде неброская, старшая сестра даже ярче, только глаза у младшей синей. Но в каждой черточке чувствовалась порода, опытному взгляду было ясно, что эта красота с годами только расцветет, приобретя еще и привлекательность взрослой женщины. А еще было ясно, что она будет доброй матерью и надежной супругой.

И такую Митьке?! Да ни за что! Пусть на старшей сестре женится, ему же срочно невеста нужна, а вперед старшую выдавать надо. Решив так, Иван стал ломать голову, как убедить дядю предложить в жены Дмитрию Марию, а не Евдокию, которая Федору Вельяминову тоже понравилась больше.

Действовать надо было осторожно, чтобы не испортить дела. Кажется, Ивану удалось придумать, как привлечь на свою сторону дядю, он даже обрадовался. И дождь с холодным ветром уже не казались такими противными, а дорога слишком долгой.

Младший Николай догнал Ивана, поехал совсем рядом, чтобы поговорить без чужих ушей.

– Какова княжна Евдокея, а? Как мыслишь, подойдет ведь князю Дмитрию?

Брат неожиданно яро сверкнул на него взглядом, даже коня дернул зря.

– Чего ему?! Пусть вон на второй женится!

Николай не внял, заупрямился:

– Да чего ж на Марии? Евдокию ему определили. А Марию я за себя сговорил...

Иван обомлел:

– Когда это ты успел?!

– Да вчера вечером, сразу после смотрин, – опустил голову Николай, заметно покраснев.

Он и правда исхитрился и с девушкой переглянуться, и с братом ее Василием перемолвиться. Василий сначала с изумлением уставился на Николая: Машка Вельяминову глянулась?! А что ж, тоже неплохо, ежели Евдокию Дмитрию сосватают, а Марию Вельяминову, то Москва, небось, поперек больше не пойдет – родичи все же... Кивнул, пообещав спешно переговорить с отцом. Видно, говорил, потому как на следующее же утро прислал к Николаю холопа с простым словом, мол, все слажено, как обещался.

Поэтому Николай и помыслить не мог, что Марьюшка, которую он уже считал своей, вдруг будет отдана другому, даже его подопечному Мите! Иван не стал ничего говорить брату о своем интересе к младшей дочери, выбранной Тимофеем Вельяминовым князю, только со всей силы зачем-то хлестнул своего коня, чтоб шел быстрее. Кто знает, как повернуло бы, поведай он об этом Николаю? Микола младше брата да и не такой настойчивый, уступил бы Ивану. Вот и была бы у князя Дмитрия женой Мария, тоже не худо, обе сестры хороши и нравом добры.

Но судьба рассудила иначе. Что случилось с Ивановой лошадей, никто и не понял, то ли ногой на скаку в яму попала, то ли просто на грязи осенней оступилась, но полетел молодой боярский сын через голову коня. Когда спешились и подняли, не сразу поняли, что жив-здоров, лежал бездыханным с белым лицом. Для младшего брата вся радость от поездки померкла.

Но Иван выжил, хотя долго был слабым и почти безмолвным. Постепенно крепкий организм взял свое, потом Иван Вельяминов и не вспоминал о том падении. Кроме разве одного: пока он болел, обе княжны были сосватаны, как и говорил Николай – Евдокия за Дмитрия Ивановича, а Мария – за Николая.

Из-за несчастного падения, как твердили близкие, у Ивана Вельяминова изменилось только одно – нрав стал жестким! Боярский сын и раньше был нетерпелив и часто посмеивался над молодым неуклюжим князем Дмитрием, а теперь так вовсе стал резок и молодого князя старался избегать.

Легкое презрение к князю-отроку превратилось в откровенную нелюбовь к Дмитрию-мужу, а потом и вовсе привело к большой распре между Дмитрием Ивановичем и Иваном Вельяминовым. Микола Вельяминов, как добрый родственник и помощник, стоял вместе со своим князем на поле Куликовом, а Иван Вельяминов перешел от Москвы к тверскому князю. Но никогда и никому не рассказывал о настоящей причине нелюбви и зависти к неуклюжему толстяку Митьке.

Но Иван Вельяминов был несправедлив к своему сопернику. Дмитрий перерастал мальчишечью неуклюжесть, становился все более и более ловким и умелым воином, толковым князем и красивым молодцем. Он всю жизнь был дороден и крепок станом, но легко взлетал на коня, ничего не боялся в рати и слыл очень простым в обращении, не делая разницы между боярином и простым дружинником. За что князя очень любили многие при жизни и уважают потомки.

О том, где играть свадьбу, рядились недолго. Великому князю, хотя и молод совсем, ехать к будущему тестю в Нижний Новгород или даже Суздаль не к лицу. Но и Дмитрию Константиновичу в Москву тоже, все же возрастом в отцы годится, князем был, когда Митьки и в колыбели-то не было!

Порешили миром – княжескому свадебному пиру быть в Коломне! Удобно всем и не обидно. Была еще одна причина, по которой на Москве не быть пиршеству, – самой Москвы попросту еще не было! Не так давно выгорела вся, два дома лишь и остались, что у воды. Посад спешно отстроился, купеческие амбары быстро поднялись, начали расти боярские терема. Конечно, и сам князь жил не под чистым небом. Но одно дело временные хоромы, и совсем другое – палаты, достойные свадебного пира великого князя.

Коломна с удовольствием приняла столь важных гостей. А понаехало много! И суздальско-нижегородский князь лицом в грязь не ударил, и московские бояре постарались обставить женитьбу своего Дмитрия Ивановича богаче некуда, и другие гости не подкачали.

И завертелась свадебная карусель!.. Все было: и поезд свадебный, и невеста красавица, какую редко встретишь, и жених-молодец (многие даже ахнули – не ждали, что Дмитрий уже так вытянулся, детскую неуклюжесть перерос, стал и впрямь молодцем!), и веселье не один день... и подарки богатые! Один пояс, что тесть молодому зятю подарил, чего стоил!

Когда Дмитрий Константинович выбрал для подарка зятю положенный пояс, старший сын Василий даже с досады крикнул:

– Чего это такой Митьке-то?! Попроще не нашел?

Отец поморщился:

– Не мелочись, все одно – внукам останется. А Москве сейчас надобно показать, что и мы не лыком шиты.

– Нашел кому показывать! Кто еще с десятков лет назад думал, что Москва чем путным станет?!

Снова поморщился отец на неразумную зависть сына:

– Да уже при Иване Даниловиче было понятно, что поднимет он град велик.

– То Калита, не о нем речь. Митька-то деду и в подметки не годится!

Старший даже в сердцах рукой махнул:

– Что Митьке завидуешь, понятно, но умей свою зависть в душе держать, а на свет не показывай. Думаешь, мне приятно пред сопляком московским व्यю гнуть или ему дорогие подарки дарить? Ничего, Васька, придет и наше время...

Но тот не смог не возразить:

– Что замирился, понятно, но зачем Дуньку ему отдаешь? Лучше бы Олегу Рязанскому отдал, с ним вместе и Москву под себя поставить можно бы.

– А он сватал?! – зло огрызнулся отец. – Где твой Олег?! Сам в мыслях держал, что одну Митьке дочь, а другую Олегу.

– Да у него беда – Тагай же снова Рязань воевал! Пожег город.

– И на Москве беда, тоже погорела, но митрополит вовремя сообразил, а Олег твой сидит, точно клуша на гнезде! Вот и досиделся. Как я мог отказать сватам Дмитрия?! Чтoб и от меня храмы затворили, как от Бориса?

Но что-то в голосе возмущавшегося отца было такое, что не поверил ему сын, усмехнулся:

– Точно ты сам не старался Митьке Дуню предложить...

Едва ссора не родилась из возражений Василия Дмитрию Константиновичу. Не поссорились, но Василий свое замыслил. Если Олег Рязанский просто завидовал Дмитрию из-за мудрого советчика и крепости бояр, то Василий молодого московского князя уже люто ненавидел. Эта ненависть через много лет выльется страшным разгромом Москвы ханом Тохтамышем.

Пояс, что тесть преподнес жениху, изумил всех. Лик князя Александра Ярославича на нем точно напоминание молодому великому князю: и ты правнук Невского, и ты должен быть таким крепким и мудрым. А уж сколько отделки драгоценной на поясе... И так разглядывали его, и этак! Пристальней смотрели разве только на невесту. Красавице Евдокии тоже досталось, но и завистники не нашли к чему придраться, всем удалась суздальская княжна. Хотя теперь уж не суздальская, теперь она великая княгиня Евдокия.

Сама Евдокия даже не понимала, что происходит, все кружилось вокруг, смеялось, кричало, пело... Ее в почти бессознательном состоянии куда-то везли, с песнями переодевали, плели толстую косынку на две, прятали навсегда под женский повойник, старательно укрывали богатым платом (не приведи господи, на свадебном пиру у невестушки волосок наружу

выбьется!), теперь только мужу да ближним девкам можно любоваться волной русых волос на всю спину, которая поневоле станет редеть после каждого рожденного дитяти...

Еще ей запомнились глаза Дмитрия, восхищенно распахнутые от ее такой русской и такой строгой красоты. Он смотрел и, кажется, не верил, что вот эта девушка с нежной шеей и синими глазами теперь его жена, с которой он будет каждый день вместе, рядом... да не просто рядом, а... От одной мысли о ближайшем у Дмитрия покраснели уши. Василий Васильевич Вельяминов хохотнул:

– Что, князь, хороша невестушка?

Не в силах вымолвить и слово, Дмитрий только кивнул, все так же влюбленно глядя на Евдокию, в смущении низко опустившую голову. За последний год московский князь вытянулся, но долговязым не стал, крепость из фигуры не ушла и плечи уже не стали, а потому выглядел он теперь не увальнем Митькой, а русским богатырем Дмитрием Ивановичем. Тоненькая невысокая Евдокия смотрелась березкой рядом с кряжистым дубом. Даже у завистников появлялась улыбка на устах при виде такой пары, больно хороши оказались молодые вместе!

Венчались в Вознесенской каменной церкви, изукрашенной для такого торжества. Радости окружающих, казалось, нет предела. За столько лет бедствий и невзгод такая свадьба! А радоваться неожиданной радостью русские люди всегда умели. В такие минуты забывались беды и несчастья, забывались свои несостоявшиеся свадьбы из-за смерти или гибели любимых. А может, как раз потому и больше радовались чужому счастью, если свое не удалось?

Василий Дмитриевич улыбался через силу, было жаль утраченных возможностей, брала злость на так легко сдавшегося отца. Внукам... да те может и не вспомнят деда! А если и вспомнят, то Василию от Митькиных деток щедрот ждать не придется. Не слишком ныне племянники дядьев жалуют. Да и когда еще будут!..

Княжну, ставшую великой княгиней, на свадьбе уже привычно оберегала старшая сестра Мария. Ее собственная такая желанная свадьба с Николаем Вельяминовым за приготовлениями к княжеской прошла незаметно. Но молодым это было не так важно, они слюбились с первой минуты.

Маша, помнившая свое собственное смущение и не перед таким количеством гостей и не таким вниманием, старалась, чтоб Евдокию не слишком мучили. За это ей были благодарны и сестра, и молодой муж. Дмитрий тоже смущался и даже робел от одной мысли, что вот сейчас их оставят одних, а он может сплеховать... Хотя не должен бы...

Когда стало ясно, что князю сосватали Евдокию Суздальскую, а Николаю ее сестру, младший Вельяминов вдруг повез куда-то молодого князя с совсем малым числом охранников. Василий Васильевич покосился на всадников, собравшихся со двора:

– Куда это они? Не ко времени охотиться...

Иван Вельяминов фыркнул на весь двор:

– Микола Митьку повез учиться с будущей женой справляться!

Отец ругнулся:

– Что б тебе! Ну чего орешь?! – И уже совсем тихо добавил: – Верно сделал, должен же кто-то и этому научить.

Когда Николай вдруг предложил поехать поохотиться в их владениях неподалеку от Москвы, но без большого числа участников, Дмитрий не сразу понял, зачем это.

– А Владимир с нами?

– Нет, ни к чему. Только ты и я. – В ответ на недоумевающий взгляд молодого князя чуть усмехнулся: – Ему еще рано, как сосватают кого, и его повезу.

Дмитрий залился краской, вмиг поняв, для чего везет его старший друг на дальнюю заимку. Сам хотел расспросить, что ему делать с женой, когда наедине окажутся, не вскакивать же как конь на кобылу.

В лесной стороже их поджидала крепкая молодая баба, поведя полным плечом, она улыбнулась князю:

– Не бойся, всему научу, в обиде не останешься.

И впрямь научила, а Николай после еще и добавил про то, как у девы в первый раз бывает. Дмитрий помнил о свахиных проверках и издевках поутру после свадьбы, а теперь вдруг отчетливо понял, что, не будь друга, наверняка опозорился бы!

Уезжал «на охоту» мальчик, вернулся мужчина. И когда Иван попробовал снова жестоко пошутить над «учебой», Дмитрий так на него глянул, что у Вельяминова слова застряли в горле.

Стараниями с одной стороны Николая Вельяминова, а с другой Маши у молодых все прошло гладко, смеяться никому не пришлось, хотя и без того вряд ли бы рискнули. У Дмитрия все больше вырисовывался крутой норов!

Не все были довольны происходящим, скрипели зубами брат невесты Василий Дмитриевич и еще Иван Вельяминов. Но никому не было до них дела.

Утром к молодой княгине осторожно, бочком подобралась сестра, что-то зашептала на ухо. Евдокия чуть побледнела, схватила сестру за руку, зашептала в ответ. Будь у молодой княгини свекровушка, почуяла бы неладное, но глядеть некому, чужие на новый пир пока не собрались, все только свои, никто не заметил.

А принесла Марья сестре плохую весть – пояс, который вчера так разглядывали и которым восхищались, исчез! Был унесен в скарбницу, а поутру оказался подмененным другим, попроще! На кого думать? Один человек мог это сделать – брат Василий! Только как его обвинить? Сразу такая свара начнется, что впору не свадьбу – похороны править.

Вот и шепнула Евдокия сестре: «Молчи! После разберемся!» Машу к дочери отправил отец, узнав о подмене, князь Дмитрий Константинович сразу понял, чьих рук дело, да как скажешь?! Спасла дочь отца от позора, сумела отвлечь молодого мужа от свадебных подарков, так что и забыл о них до времени, а там...

Через много лет оказалось, что пояс у потомков Вельяминовых! Как он туда попал? Бог весть... Может, и не виновен был княжич Василий Дмитриевич, зря на него сестра подумала? Тогда кто? Ходили слухи, что сам тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов, но к чему убежденному седидами уважаемому всей Москвой тысяцкому брать чужое добро, да еще и такое приметное? И ссорить молодого князя с его новой родней тысяцкому тоже ни к чему, себе же дороже выйдет...

Нашлась в княжьем окружении недобрая рука, которая хотела не поживиться, нет, слишком заметной была подмененная вещь, а затеять ссору между родственниками, снова бросить семена раздора между московским и суздальским князьями. Вельяминовы будут верой и правдой служить Дмитрию Ивановичу, все, кроме одного – Ивана Васильевича. Не его ли рук дело?..

Этот пояс всплывет много позже, став причиной не просто ссоры – вражды между князьями и приведет к убийству потомка Василия и ослеплению потомка Дмитрия. Через много лет Софья Витовтовна, сноха Дмитрия Донского, на свадьбе своего сына Василия Васильевича увидит этот пояс на Василии Косом и при всех сорвет его. Стычка на свадьбе перерастет в настоящую войну между двоюродными братьями, в результате которой Иван Шемяка ослепит Василия и сам будет отравлен (предположительно по велению той же Софьи). Но Господь не дал выпасть власти из рук московских князей, сын ослепленного Василия Иван Васильевич, внук Дмитрия Донского, поневоле начавший править вместе со слепым отцом с восьми лет, подхватит ее и будет держать твердой рукой долгие годы. Это будет Иван III, тот самый, что порвет грамоту ордынского хана, навсегда сбросив тяжелый гнет с русских плеч! А уже его внук, тоже Иван Васильевич, войдет в русскую историю больше под своим прозвищем Грозный.

Но до таких страстей в тот день дело не дошло, летописец просто записал, что в лето 6874 от Сотворения мира (в 1366 году) 18 января был пир свадебный в Коломне, великий князь Дмитрий Иванович взял за себя княжну Евдокию. Этот брак стал благословенным для Руси, хоть на время примирились непримиримые, а великое княжение навсегда перешло к потомкам Ивана Калиты и больше из их крепких рук не выпускалось.

Счастливы были Дмитрий и Евдокия и в браке, родили двенадцать детей – восемь сыновей и четыре дочери. Вспоминала ли она Олега Рязанского? Бог весть... но доброй супругой и матерью была всегда. Умирая, князь Дмитрий Иванович завещал сыновьям во всем слушаться мать и поступать по ее слову, видно, знал, что слово разумное. Сыновья так и сделали, вдовая княгиня правила, пока старший сын не повзрослел. Только одного не смогла сделать княгиня Евдокия – удержать внуков от междоусобиц!

А с Олегом Рязанским Евдокия все же породнилась – их с Дмитрием дочь Софья вышла замуж за сына Олега.

Евдокия пережила своего суженого на целых восемнадцать лет и окончила свой жизненный путь в монастыре, приняв имя Ефросиньи. Это покровительница Москвы святая Ефросинья Московская.

Но тогда до этого было еще очень далеко. Впереди целая жизнь, трудная и радостная, жестокая и милосердная... нелегкая... А когда на Руси бывало легко?

Олег Рязанский

Отрок Акиньша, что прислуживал князю, с трудом разлепил глаза и сладко потянулся. Солнце только-только высветлило краешек неба, обещая радостное хорошее утро. Князь Олег долго не спит, встает с первым светом, а потому надо и самому спешить.

На дворе Акиньша плеснул в лицо водой из наполненной от вчерашнего дождя кадучки подле крыльца, поежился от заползшего под рубаху холода и поспешил к хозяину.

В Рязани любят своего молодого красивого князя. Князем Олег стал после больших распрей, когда ему было всего-то двенадцать! Ныне не удивительно, если княжения получают почти дети, вон Дмитрий Московский тоже стал князем в девять. Только его всего лишь называли таким, а сказать по правде, так до сих пор сидит за митрополитом и боярами, его именем правят.

Это Акиньша от московского купца слышал, который многие товары к митрополичьему двору возит и оттуда забирает. Купец не из чванливых, женился на сестре Акиньши Дарье, но в Москву ее не забрал, так и мотается туда-сюда. Есть у сестрицы подозрение, что и на Москве у мужа своя любушка, но не пойман – не вор. Зато как наезжает Ефим в Рязань, так у жены праздник, милуются не намилуются, и подарков тоже воз. Но детишек у Дарьи нет, потому и догадалась про любушку, что Ефим в сердцах спьяну обронил, мол, не в нем дело, у него-то бегают двое... Протрезвев, все в лицо жены вглядывался, стараясь понять, знает или нет, но Дарья хитра. Виду не подала. А вот к знахарке потихоньку пошла, хотя и грех это. Та горькие слова мужа подтвердила – пуста баба!

Дашка два дня в подушку рыдала, волком выла, хорошо, что купца снова ветром сдуло, но куда же деться? Так и терпит мужа блудного да молится всякий день, чтоб послал Господь деток. Акиньша вздохнул, каждому своя судьбина выпадает, князь вон тоже всем взял, а женка померла, и не распознал почти.

Мысли отрока вернулись к рязанскому князю. Олегу никто не помогал на княжении, потому как некому было, в запале свары и резни всех старших родственников порешили. А княжество ему досталось ой-ой какое! Благословенна Рязань да за что-то Господом проклята, стоит на перепутье, ей бы жить да богатеть от торго, но это же ее и сгубило. Лежать меж Низом и Верховыми княжествами не всегда хорошо. Срединная Москва от Низа Рязанью прикрыта, а самой Рязани что?

Всякий, кто идет на Русские земли, натывается на Рязань и, конечно, жжет ее. Да как жжет! Обычно дотла. Никогда Рязань не уступала врагу, потому ее осадой брали и жгли бессчетно. Самое страшное – Батыево нашествие, проклятые ордынцы словно пробовали Русь на зуб. Зуб оказался настолько острым и жестоким, что от старой Рязани и следа не осталось.

Столь зверским было это нападение, что люди не стали возвращаться на пепелище, принялись поднимать новый город в Переяславле-Рязанском. Но и там покоя не было. И все равно, подняли новый город не хуже прежнего, особенно постарался нынешний князь Олег Иванович. И снова назвал Рязанью, словно врагам назло!

Рязанцы любят своего князя, всем взял Олег Иванович, и собой хорош, и умен, ученостью со многими поспорить может, и воин отличный. Только вдов ныне. Акиньша снова вздохнул: эх, женку бы Олегу Ивановичу добрую, чтоб после рати было кому ждать да позаботиться!..

До того размышлялся, что чуть не пропустил, когда сам князь встал. Всегда он так, солнышко чуть край на небо показало, а Олег уже на ногах. Сейчас умоется, как и Акиньша, ледяной водицей, все же дождь не летний вчера был, лужи первый в этом году ледок тронул. Но князь не только строен, он еще и телом крепок, хотя ран ратных имеет немало. Раны мужчину украшают, князя так и вовсе не портят, на лице ни одной, а тельные уже крепкой кожей

заросли. Не щадит себя в боях Олег Иванович, но и просто так шею под меч тоже не подставит. Вот такой князь у Акиньши!

Олег вышел на малое крыльцо в одной холщовой рубахе и портах, он и впрямь любил умыться ледяной водой, когда в жару такой не бывало, так Акиньша старался, из ледника с вечера там поставленную приносил. Сладко потянувшись, князь бегом спустился к кадушке, подставленной под сток с крыши, скинул рубаху и принялся с удовольствием плескаться, пофыркивая и растирая руки и плечи. От холода и крепкой ладони княжеское тело вмиг покраснело.

Холопки уже знали такую Олегову привычку, потому с рассветом, если князь бывал дома, старались лишний раз через двор не ходить, чтобы не смущать или не смущаться самим. Олег не охальничал, он скидывал только рубаху, обнажая бугры мышц на спине и руках, но все равно холопкам казалось зазорным ходить мимо. Ходить не ходили, а издали подглядывали, это Акиньша знал точно.

Умывшись и крепко растершись поданным отроком рушником, Олег бодро взбежал обратно на крыльцо, чтобы не смущать больше дворню. Акиньша за ним. Знал, что сейчас князь начнет говорить, что собрался делать до вечера. Начинался обычный суетный осенний день... Он прошел, как сотни других, Олег объезжал новые строения на валу, был в конюшне, смотрел лошадей, что привезли купцы на днях, долго разбирал дружинные дела с воеводой, потом хозяйские и даже с епископом довелось поговорить... разве у князя когда дела закончатся!

Двигался, говорил с людьми, кого-то слушал, отдавал наказы, а у самого билась заветная мысль, которая пришла еще в Нижнем Новгороде да так и не отпускала. Будь рядом хоть какой советчик, а то ведь никого... Бояре не в счет, те такого насоветуют, что потом не расхлебаешь! Боярство в Рязани недружное, не то что в Москве.

Вечером, уже переодевшись в домашнее и усевшись с книгой перед светильником, Олег крепко задумался. Он остался один в двенадцать, называли князем, а как править, не объяснили. Вот и велся на подначивания боярские, правда, успешно. Когда черная смерть унесла всю семью московского князя Симеона, которого Гордым звали, и у власти оказался тихий Иван Красный, подговорили рязанские бояре своего князя отнять обратно Лопасню, когда-то Москвой у Рязанского княжества захваченную.

Много ли ума было тогда у самого Олега? Он поддался, на Лопасню сходили, и с толком. Князь Иван Московский смолчал, ратью на Рязань не пошел. Бояре разговоры повели, что надо и Коломну также. Может, и решился бы, но тут и в самой Рязани мор начался, не до того. Теперь вот снова каждый день про Коломну твердят, но его уж так не совратишь легкими наскоками, теперь он сам себе голова!

Князь Иван Московский был тих и миролюбив, правил недолго, помер, как жил, тоже тихо, вернувшись из Сарая (ордынцы, что ли, постарались, с них станется). За собой оставил двух княжичей мал мала меньше. Тут бы всем и растащить обезглавленную Москву, но не было на то воли божьей, вернулся вдруг от Ольгерда из киевского плена митрополит Алексей и взял под себя не только маленького князя, но и всю власть! Бояре московские поддержали, а они много дружнее рязанских.

Олег вздохнул, ему бы такого умного наставника, как Алексей, в свою пору! Не Москва, а Рязань бы сейчас над всеми остальными стояла! Умный наставник у маленького Дмитрия, что и сказать, умный... И хитрый, не стал сразу со всеми биться и за ярлык лишнее золото-серебро Орде выкладывать, подождал, пока нужная минута придет. Хотя и ему сейчас ох как трудно будет, Дмитрий Константинович Суздальский просто так ярлык не отдаст.

Случайно оказавшись на именинах у нижегородской княгини Василисы, Олег увидел там дочь князя Дмитрия Константиновича и забыть не смог. Он вдов уже не первый год, самое время снова жениться, чтоб душа от забот хоть дома отдыхала, хоть на час, хоть на минуточку

ласку женскую ощутить, радость почувствовать... Княжна тоже в ответ глядела, хотя и сторонилась. Молода, конечно, но и он не стар!

Олег тогда решил о сватовстве серьезно подумать, но тут новая беда пришла, как всегда, от ордынцев. Сколько потом вспоминал, столько кулаки сами собой сжимались!

Они возвращались от Пронского князя, куда Олег ездил по делу. Уже мыслил себе, что завтра же снарядит сватов за суздальской княжной Евдокией. И вдруг...

Дым над городом не оставлял сомнений – пока он ездил, кто-то новую Рязань пограбил! Кто?! В Орде нестроение, великая замятня, оттуда большого набега не может быть, да и к хану (их так много сменилось, что не знаешь какому!) в этом году подарки отправлены. Кто?!

Посад и впрямь оказался полностью разграблен, город наполовину сожжен и тоже пограблен. Но хуже всего – людей в полон немало увели. Ужас Батыева набега никуда не ушел, снова голосили матери и жены, снова валялись в пыли убитые и израненные, метались опозоренные девки, тоненько выли или ревели сироты.

Потом говорили, что князь точно обезумел от увиденного. Было от чего, он этот город ставил, он его холил-лелеял, большую дань Орде платил чего ради? Чтоб какой-то разгульный ордынский князек мог все запросто разрушить, обездолить столько рязанцев?!

Олег не медлил ни минуты. Прошло то время, когда проклятым ордынцам все с рук сходило, когда боялись их! Тут же помчались гонцы к его удельным князьям, звать на отпор ненасытным татям. Откликнулись все, кто сразу рати привел, кто гонцами передал, что догонит. Князь решил догонять хана Тагая, пока тот не ушел в свои степи. На что надеялся? На то, что татары, груженные добычей и отягощенные пленными, двигаться будут медленно. А еще на то, что рязанцы, у которых снова в полон родовичей увели, готовы драться с обидчиками хоть зубами.

Так и случилось, догнали поганых в Шишевском лесу. Было их больше, чем воинов у князя Олега, но они с воеводами верно рассудили и бросили в бой полки не прямо в лоб, а так, чтобы разделили ордынцев натрое и били каждую часть саму по себе.

Ох и славно побили! Даже сейчас, вспоминая, радуется! Сам Тагай едва ноги унес в степь, догонять не стали, лучше своих скорее в родные дома вернуть. Князя рязанцы тогда только не на руках вместе с конем в город внесли. Радости не было предела, считай, впервые за сотню лет отпор ордынцам дали, не сидели за горящими стенами, не горевали о плененных, а пошли и освободили! Как не любить такого князя?!

Они-то радовались, а Олег голову ломал, что делать, если ордынский хан вздумает наказать за отпор Тагаю? Ему никто не придет на помощь, а значит, быть снова Рязани сожженной и разграбленной. И все равно он не жалел, что догнал Тагая и разбил, ни минуточки не жалел! Пусть знают, что и у русских терпение кончается, что не все Орде своевольничать.

До самой поздней осени крепили рязанцы свои стены, не расходились по домам дружины. Но в Орде чехарда из ханов, никто за Тагая Рязань наказывать не пошел. Потому теперь, успокоившись, он решил сделать то, к чему сердце лежало весь год. Твердо решил немного погодя отправить сватов к княжне Евдокии. Олег уже представлял себе сначала богатый поезд со сватами, а потом и свадебный тоже, свою любушку, раскрасневшуюся от легкого морозца, и себя, заботливо укутывавшего ее теплой полостью в разукрашенных санях.

Князь задохнулся от нежности, с которой неизменно думал о суздальской княжне. Евдокия и впрямь хороша! Красота простая, русская, не как другие, что от своих ромейских бабок чернавки и телом смуглы, нет, княжна русая с нежной белой кожей и румянцем. А глаза-то, глаза!.. Эти васильки под пушистыми ресницами Олегу и ночами снились.

О том, что княжна могла не дожидаться, и не думал, казалось, что если сам занят сверх меры, то и другие тоже. Да и молода совсем. Спрашивал у Бориса, тот сказал – тринадцатый только. Ничего, что молода, зато он опытный, будет ее холить, лелеять, беречь пуще глаза, свою ненаглядную. И многое ей расскажет, что сам из книг вычитал. Столько, сколько князь

Рязанский читает, никто другой на Руси не прочел! Всем ведома его любовь к книжной премудрости. Князь Борис сказывал, что и княжны у его брата тоже грамоте обучены, счет хорошо знают, на разных языках говорят. Олег порадовался за Дмитрия Константиновича, прав он, что не одним сынам науку дает, но и дочерям тоже. Добрая княгиня должна уже не только за пятами сидеть, хотя и это надобно, но и грамоту знать.

Дмитрий Константинович соперничает с Москвой, ежели на его дочери жениться, то придется тестя поддерживать, а значит, новый разор с Москвой. Но даже это не пугало Олега. Пусть у Дмитрия Московского советчик умный, а он сам не глуп, надо, так сумеет и митрополиту объяснить, что худого Москве не желает, но и свой интерес блюсти будет крепко!

Вороны разорались точно перед дождем. За что им Господь дал такие противные голоса? У людей вороний ор только знаком беды принимается. Но на сей раз ничего плохого, просто стаю, облепившую сдохшее животное, скорее всего кошку, спугнул гонец. Рязанцы с тревогой смотрели на него. Нет, ехал спокойно, хотя и спешно, значит, не напасть. Все же кто-то крикнул:

– Откель?

Тот, не оборачиваясь, ответил:

– С Нижнего.

Стоявшая с дитем на руках баба пожала плечами:

– А чего ж не водой?

На нее цыкнули:

– Какая вода, дуреха, уже шуга идет! Теперь пока лед не встанет, на реку лучше не соваться.

Да уж, дважды в год лед с верховьев запирает реки для людей, зато в остальное время с нее и торговые караваны жди, и ушкуйников проклятых тоже. Ордынцы, те конями ходят, а ушкуйники водой. Досада на этих татей брала, свои ведь, новгородские, а грабят ничуть не хуже ордынцев!

Рязанцы принялись гадать, что за весть могла быть из Нижнего Новгорода, если гонец прибыл в осеннюю грязь? Знали, что там тоже заматня меж братьями, как самый старший Андрей постриг принял, а там и уморила его проклятая черная смерть, то город не следующему брату Дмитрию Константиновичу достался, а был захвачен младшим Борисом. Князь Дмитрий Суздальский неудачник, он ярлык на великое княжение то отбирал у малого московского князя Дмитрия Ивановича, то снова его терял. Все понимали, что не по заслугам московскому князю ярлык в Орде отдают, а по богатым дарам боярства ханам, но никто не противился. Каждый знал – сможет и их князь заплатить больше, и он получит ярлык. Рязанский князь не мог, да и не старался, ему пока своих забот хватало.

Пока с Тагаем воевали да город спешно крепили, рязанцам было не до тяжбы нижегородских князей и не до ярлыка. Пусть себе, не их то дело. Ходили, правда, слухи, что московский митрополит над князем Борисом верх легко взял, отправил в город игумена Радонежского Сергия, тот все церкви запер, и сдался князь на милость Москвы. Видно, миром все кончилось между братьями Константиновичами, что ж теперь за гонец?

А тот был весь забрызган осенней дорожной грязью, хотя ее и прихватывало морозом по ночам, но тепло упорно держалось даже после осени, а потому все замерзшее за ночь днем на солнышке развозило снова. Худая осень, со снегом все было бы много легче...

Несмотря на грязь на сапогах гонца, князь велел провести к себе в палату. Встретил ласково, спросил, срочное ли. Уставший, замученный плохой дорогой дружинник замотал головой:

– Не... с письмом я.

– Иди, накромят, отдохнешь... Ответа ждать велено?

– Не... – снова замотал головой тот.

Олег разорвал печать Дмитрия Константиновича, скреплявшую свиток, усмехнулся: легок на помине, только про него думал! Быстро побежал по строчкам глазами, мысленно отметив, что у князя Дмитрия писец хорош, буквы ровные, четкие, читать легко.

Князь сообщал, что его брат Борис Константинович из Нижнего Новгорода убрался восвояси стараниями его и московскими (Олег усмехнулся, тоже слышал о Сергии Радонежском и закрытых церквях), что теперь он князь Нижегородский и Суздальский. Писал, что от ярлыка отказался на веки вечные и ему то же советует сделать. И снова усмехнулся Олег, ему ли до великого княжения, коли каждый ордынец сначала с него мзду возьмет, а потом дальше на Русь двинется!

Еще писал князь Дмитрий Константинович о своей дружбе с московским князем Дмитрием Ивановичем и о том... у Олега потемнело в глазах! О том, что князю Дмитрию Московскому сосватана княжна Евдокия!

Не поверил, раз за разом перечитывал и снова не верил глазам своим Олег! Нет, все так и есть: княжна Евдокия сосватана московскому князю Дмитрию Ивановичу, и свадебный пир будет в январе в Коломне!

За окном летели крупные хлопья снега, которого так долго ждали в этом году. Он падал тихо-тихо, укутывая землю и все вокруг мягким белым покрывалом. Быстро упрятал всю осеннюю грязь и начал наваливать сугробы.

Олег стоял у окна и пытался сквозь цветные стеклышки зачем-то разглядеть, засыпана ли крыша конюшни. В дверь осторожно постучали, сунулся Акинья:

– Княже, там боярин Всеволод, пустить ли?

Олег кивнул и снова отвернулся к окну. Снег пока не держался на крыше, падал и сползал вниз. Ничего, к утру навалит, если ветра не будет... Хотя какая разница? Это неважно, совсем неважно. А что важно? То, что произошло в Нижнем Новгороде, пока он отбивался от Тагая, крепил новые стены у Рязани. Княжну Евдокию сосватали за Дмитрия Московского! Это такое сватовство, которое не порушишь, не разобьешь. И не украдешь княжну, она не литовка, митрополит ни за что благословения не даст. Конечно, не даст, он же сам это сватовство и придумал, небось! Умен митрополит Алексий, ничего не скажешь! Как князя Дмитрия Константиновича к себе привязал, вернее, к Москве, хотя это одно и то же!

За горестью мыслей Олег даже не заметил уже вошедшего боярина. Тот сунулся с вопросами:

– Слышал, Олег Иванович, гонец к тебе был из Нижнего? Случилось что? Не враг ли новый идет?

Мысленно огрызнувшись: «если бы враг, я бы у окна стоял?!», Олег протянул Всеволоду грамоту. Тот зачем-то принял, но тут же вернул, смущаясь:

– Запомню, Олег Иванович, что глазами я слаб, не прочесть... Сам бы, а?

Олегу очень хотелось сказать, что писано четко, прочесть легко, но вспомнил, что боярин в грамоте не горазд, с трудом по буквицам письмо разбирает, а потому прилюдно и перед князем всегда на глаза жалуется. Пенять не стал, усмехнулся:

– Дмитрий Константинович сообщает, что князь Борис ему добром Нижний уступил...

Боярин хихикнул:

– Знаем мы то добро! Ежели бы отец Сергей храмы не запер, стоять бы суздальским ратям по сей день под Нижним, его Борис хорошо укрепить успел!

– А еще сообщает, что и он сам добром от великого княжения отказался Москвы ради... – Посмотрев, как скучнеет лицо боярина, Олег с нажимом добавил: – На веки вечные! И мне то же советует.

– И ты от этого, Олег Иванович, хмуришься? Да что тот ярлык? Ныне один хан, завтра другой...

– Он на веки вечные отказался. А еще сообщил, что его дочь княжна Евдокия сватана за московского князя Дмитрия Ивановича.

Всеволод едва успел ахнуть: «Да Митрий молод совсем еще!», как Олег снова с нажимом добавил:

– И свадебный пир в Коломне будет в январе!

Вот тут уже боярин не сдержался, хлопнул себя по бокам с досадой, аж чуть присел:

– В Коломне?! Это они нарочно нам в обиду! Коломну своей чтоб показать!

– Угомонись, – снова отвернулся к окну Олег, с досадой поморщившись. – Где ему в Москве свадьбу играть, если она погорела вся? Не на головешках же!

– А в Нижнем?! Тот целехонек стоит!

Князь почти с досадой бросил грамоту на столик, где лежала раскрытая книга, та не удержалась, скатилась на пол, покрытый толстым восточным ковром. Боярин бросился поднимать.

– Оставь, пусть лежит. Неужто московский князь, а теперь еще и великий к тестю в Нижний Новгород поедет? Верно митрополит придумал – лучше Коломны места им не найти...

И снова Олегу было до боли жаль, что у него не было такого разумного советчика ни тогда в юности, ни сейчас. Подсказал бы не мешкать, а сватать княжну сразу летом, когда и Дмитрию Константиновичу очень поддержка нужна была. Все думал, не ко времени, и своя беда, и у князя суздальского нестроение тоже, да и старшей сначала надо бы замуж выйти. А вон Москва не подумала, и пожара не испугалась, и свару Константиновичей в свою пользу обернула, и старшей княжне жениха нашла!

А красавица Евдокия достанется московскому Митьке, которого все увальнем зовут! Он будет гладить ее по нежной щеке, смотреть в ее синие глаза, и Евдокия его станет ждать из похода или простой поездки по делам, ему родит детишек и будет смеяться над детскими шалостями веселым, радостным смехом, как смеялась там, на крыльце в Нижнем Новгороде!

И такая тоска охватила Олега, такое отчаянье сжало горло, что с трудом смог вздохнуть. Махнул рукой боярину, мол, иди. Тот и сам понимал, что нужно уходить, отступил спиной, до самой двери пристально смотрел на замершего князя и гадал: чего это он так из-за ярлыка расстроился? Вроде и не мечтал о нем... А может, и мечтал? Или из-за Коломны? Кто знает, чужая душа потемки...

Рязанского князя не было на свадебном пиру у князя московского. Зато он отправил сватов к другой невесте, не желая больше быть вдовым.

Но судьба еще не раз соединит либо столкнет двух князей – московского Дмитрия Ивановича и рязанского Олега Ивановича, они будут то на одной стороне, то по разные. А примирит их через много лет Сергей Радонежский. И оба князя в России будут чтимы, имя Дмитрия Донского вписано в историю страны золотыми буквами, а облик Олега Рязанского есть на гербе славного города и поныне.

Кремль

С первых дней молодая княгиня поняла, что мужа будет видеть редко. Не так много времени прошло после свадебного пира, не успели и гости разъехаться, Дмитрий умчался в Москву – смотреть за строительством нового Кремника. Вернее, пока не строительством, а только заготовкой камня для него.

Краем уха Евдокия уже слышала, что молодой князь дивное затеял – поставить на месте сгоревшего Кремля новый и сплошь из камня! Для Новгорода или Пскова то не удивительно, там давно крепости каменные, а Москве чего? Горит, конечно, часто, но леса вокруг вон сколько, можно все заново поставить... Но Дмитрий задумал не просто Кром ставить, а такую защиту, чтоб и сильный враг даже долгой осадой взять не мог.

Старые бояре посмеивались, мол, молод, оттого и неразумен. Храмы каменные – это да, такие и дед его Иван Данилович ставил, сколько при Калите выстроено!.. И Успенский собор, и Ивана Лествичника, и Спас на Бору, и величавый Архангельский. И быстро строили, Ивана Лествичника, почитай, месяца за три успели возвести. Но даже разумный Иван Данилович Калита Кром дубовыми стенами обнес.

Другие ахали: это сколько же камня нужно, чтобы стеной все соборы обойти! Откуда камень возить станут? Самый ближний – в Мячково, но оно аж за Коломенским... Головами качали: ох, какую ношу взваливает на себя молодой князь! А митрополит куда смотрит? Бояре московские?

И вдруг оказалось, что бояре тоже участвуют в строительстве. Каждому подле его двора наряд определен, часть стены и башня, хозяин двора людей дать должен, лошадей, сани, чтоб камни возить, пригляд опытных мастеров оплатить. И снова бояре ахали: ай да князюшка! На чужом горбу Кремль ставить собирается! Ну, бог даст, поглядим, что из этого выйдет...

Дмитрий и сам рассказывал молодой жене о таких задумках. Горячился, говорил возбужденно, не все и понятно, о чем речь вел. Евдокия видела одно – не сонный Дмитрий, не равнодушный, а что загорается, это неплохо, не остыл бы только посреди пути.

Он и в любви оказался такой же – вспыхивал, точно береста в огне, задыхался от нежности, потом точно срывался с обрыва вниз. И почему-то с первых дней Евдокия стала относиться к мужу так, словно она старше, а не он. Горячий и ласковый Дмитрий всю жизнь был для Евдокии скорее старшим сыном, чем защитником. По-женски мудрая и по-княжески строгая к себе, она сумела всю жизнь быть надеждой и опорой и мужу и детям, которых родилось двенадцать(!). А после смерти мужа еще долго была добрым ангелом-хранителем для старшего сына, ставшего князем в семнадцать лет.

Любила ли она Дмитрия? Бог весть, это их дело, но при жизни была верной женой и прекрасной матерью, а после его смерти долго помогала сыновьям. Все эти годы вдова несла свою красоту гордо, не склонив от горя головы. Принимала гостей, устраивала пиры для полезных Москве и Руси людей, сама, правда, не беря в рот ничего из поданных яств, выглядела веселой и такой же красивой. Толпа не склонна прощать тех, кто прячет от нее свои слезы, таких марают грязью с особым удовольствием. Так случилось и с Евдокией.

Когда злобная молва дошла и до сыновей, то взрослые уже княжичи не выдержали, пришли к матери спросить ответа. Тогда княгиня рванула на себе просторный сарафан, и сыновья увидели под широкой одеждой... вериги, которые Евдокия надела после смерти мужа! Увидели ее истощенное многими строгими постами и ограничениями тело. Не имея возможности принять постриг из-за завещания князя и малолетства детей, вдова вела иноческий образ жизни, не показывая притом ничего окружающим. Смирение в сердце, а не в фарисейской скорби.

Незадолго до своей смерти Евдокия все же приняла постриг под именем Ефросиньи, причислена к лику святых и стала покровительницей Москвы, того города, что так старательно

поднимал, обустроивал и защищал ее муж – Дмитрий Иванович, прозванный потомками Донским.

А тогда худенькая синеглазая молодая женщина с любопытством внимала рассказам своего рослого крепкого мужа, который, едва появившись в тереме, начинал громким голосом, недоговаривая фразы и даже слова, объяснять, где и какая башня насколько выросла, как бояре, соревнуясь меж собой, торопятся выстроить свои участки стены как можно скорее...

Евдокия с легкой улыбкой кивала головкой, и если бы не были столь внимательными синие глаза, можно бы подумать, что и не слышит красавица своего беспокойного супруга. Но молодая княгиня и расспрашивала с толком. Она живо интересовалась тем, как будут выглядеть высокие крепкие стены, каковы будут те самые башни? Вдохновленный вниманием любимой жены, Дмитрий принимался чертить прямо на столе угольком линии:

– Погляди, вот Москва-река, вот Занеглиминье, вот тут встанет стена со стороны реки, чтоб к пристани выход был...

– А не опасно ворота иметь?

– Ах ты моя ласточка! – радовался Дмитрий. – Не опасно, тут будут целых три стрельницы, одну ставит Федор Андреевич из Акинфовичей, другую...

– Это который Федор Андреевич, тот, что шепелявит?

– Ага! Свибла! А другую ставит Федор Беклемишев. А еще... помнишь ли Тимофея Васильича Вельяминова, брата Василия Васильевича, он в Нижний приезжал тебя смотреть? Он еще одну поднимает! Намедни слышу, как возчики меж собой переругиваются, мол, куда везешь? Второй отвечает: к Тимофеевской башне. Вот и имя башне готово! – Князь залился счастливым смехом, запрокинув голову назад.

Засмеялась и Евдокия:

– А у Федора Собаки как прозовут, Собакиной?

И снова заходился довольным смехом князь, счастливый не только тем, как спешно и необычно строится новый Кромник, но и тем, какая у него красивая и умная жена! Какое же счастье ему Господь дал! Его еще и заслужить надо.

То, как строили новый Кремник, поражало издавших виды: все башни возводились одновременно, и куски стен между ними тоже. Нашлись те, кто качал головами: а если бояре в пылу соревнования каждый свой кусок разной высоты возведут? Или вообще разные части стены мимо друг дружки промахнутся? И такое могло быть, но за всем строго следили призванные из Пскова и Новгорода опытные строители. Они и за тем, чтобы по берегу сваи крепко были вбиты, смотрели, и за высотой стен, и за хорошей кладкой.

Рос Кремль, поднимались его башни и стены, становилось понятно, что не ошибся в своих надеждах и чаяньях молодой князь, будет его Кремль таким, что поразит всех его увидевших. Но не ради изумления гостей ставил крепкие стены князь Дмитрий, он точно чувствовал, что совсем скоро им придется выдержать вражеский натиск. Такое предвидение дается не всякому, только избранным. Дмитрий Иванович был из них.

Тверь

Весеннее солнце развезло все дороги, под ногами чавкало, холодная снеговая вода норовила налиться в дырявые сапоги. Но Семка все равно счастливо шурился на яркое солнце. Они с Никиткой уже который год жили в Москве, придя сюда с игуменом Сергием. Приятель сначала подвизался в монастырской трапезной, в теплом и сытном месте. Недаром говорят, что хозяйка сыта с кончиков пальцев, так и Никита хоть по чуть, но пробовал все, что резал или разливал, потому ныне выглядел вполне довольным жизнью.

Семен же притерся к митрополичьему писцу, быстро обучился грамоте, а потом и вовсе перешел к переписчику книг Савелию. Ему доверяли чинить перья, смешивать чернила, скоблить ножичком испорченные места на пергаменте, а иногда и писать целые слова!

Была у Семки и еще одна мечта. В большой книге он увидел на листе то, что поразило его до глубины души. Мало того, что первая буква была красного цвета и заметно больше остальных, так что он долго разглядывал старательно выписанные завитки, но на отдельном листе он обнаружил рисунок! Изображено было какое-то поклонение, одни люди подносили подарки другим. Для Семена было неважно кто и кому, главное, что можно вот так линиями рассказать, что происходит.

Тогда ему попало за пустое разглядывание вместо дела, но мечта уже зародилась в Семкиной душе, он знал чего хочет – также изображать едущих на конях или идущих людей, рисовать стены городов. Потом он долго стоял перед большой иконой в храме и решил, что лучше рисовать лики святых.

– Посторонись! Раззява! – окрик возницы заставил Семку спрыгнуть в сторону и, конечно, попасть в большую лужу, смешанную из талого снега и воды.

Внутри сапог сразу оказалась вода, а его самого окатило грязью и брызгами из-под копыт. Пока отряхивался, едва не попал под ноги еще одного ездока. На сей раз в сторону княжеского двора пронеслись четверо всадников. Жавшийся рядом с Семкой к тыну дед кивнул в сторону проехавших:

– Никак Василь Михалыч поехал?

– А кто это? – поинтересовался Семен.

– Князь Тверской. Вот уж кому в жизни досталось, врагу не пожелаешь, – покачал головой всезнающий москвич.

Семке очень хотелось расспросить, а чего же, но он вспомнил, что Савелий строго наказал по сторонам не глядеть, а быстро сходить за новыми перьями. И так уж попадет, пока смотрел на строящуюся башню, что боярин Беклемишев возводит, да пока после глазел на последних возниц на реке (и как не боятся тащиться по залитому водой льду?), времени, должно быть, прошло много. Отрок махнул разговорчивому деду рукой и помчался дальше, уже не разбирая дороги, чего за лужами следить, если ноги все равно мокрые?

Дед, расстроенный таким поворотом дела, попытался было рассказать о Василии Михайловиче тосковавшему псу, но и тот не пожелал слушать, широко зевнул и отправился обратно на двор ловить блох в своей шерсти. Дед вздохнул, развел руками, сетуя на невнимательность окружающих, и поплелся в дом.

Савелий отправлял Семку за перьями, потому что это было выгодно. Ловкий мальчишка норовил либо ободрать живьем какого гуся, либо просто выклянчить перья у купившей птицу хозяйки. Его уже знали и охотно отдавали перо, чтобы только взамен рассказал какую из переписанных баек. Но сегодня болтать было некогда, схватив в горсть десятка полтора приготовленных сердобольной знакомой крупных перьев, он помчался обратно в монастырь.

Чудов монастырь митрополит поставил на месте бывшего конюшенного двора, принадлежавшего ханше Тайдулле. В благодарность за избавление от слепоты и других болезней

ханша подарила Алексею конюшенный двор со всем содержимым. Только к чему митрополиту лошади? Он попросил разрешения поставить на том месте монастырь и обещал ежедневно молиться за здоровье славной ханши.

Тайдулла согласилась, молитва о здравии такого мудрого и сильного человека, как Алексей, обещала ей долгую и счастливую жизнь. Митрополит не успел помолиться в новом монастыре за здравие: Тайдуллу прирезали вслед за Джанибеком раньше, чем монастырь был построен. Но все знали, что умную ханшу Алексей всегда поминает добром. Не все же в Орде изверги, есть и умные люди.

На монастырском дворе Семка снова увидел давешних всадников, про которых так хотел рассказать дед. Тверской князь Василий Михайлович приехал не к Дмитрию Ивановичу, он хорошо понимал, кто на Москве хозяин, а потому направился напрямик к митрополиту, а ему ответствовали, что Алексей в монастыре.

Савелий, услышав такую новость, покачал головой:

– Знать, что-то важное случилось, если Василий Михайлович сам примчался и к митрополиту побежал спешно.

Половина перьев показалась Савелию негодными, а остальные Семку заставили чинить немедленно. За починкой он попытался расспросить писца, чем же славен тверской князь Василий Михайлович. Савелий, которому надоело напрягать глаза в полутемной келье (все чаще подумывал, чтобы по вечерам сажать за переписку Семку), принялся рассказывать.

Это ныне Тверь ниже Москвы стоит, а в давешние времена вполне с ней могла тягаться. Был в Твери ордынский наместник Щелкан, очень уж досадный для горожан! И спесив, и жаден, и жесток, а на Щелкана глядя и остальные ордынцы наглели. Вот и наступила минута, когда не смогли уже больше терпеть тверичи, перебили татар всех до единого, дворы их пожгли, а самого Щелкана в огонь метнули. Конечно, не простил хан Узбек Твери такую расправу над своими людьми, но наказал не своими руками, а чужими. Заставил московскую и другие русские рати разгромить беспокойный город, а потом погубил одного за другим тверского князя Михаила Ярославича и двух его сыновей.

Самого Василия Михайловича сильно обидел племянник Всеволод, отобрал собранную для Орды дань, раздел едва не донага, отправив домой пешком. До того дошло, что просил бедный князь милостыню по пути. Приехал пострадавший Василий Михайлович в Москву, плакался. Хоть он и был из тверских, а его брат Александр убил в Орде московского князя Юрия, погибнув и сам с сыном, но спокойного и нерешительного Василия жалели.

А потом черная смерть, что унесла семью московского князя, обезлюдил и тверской княжий двор. Остался лишь самый старший Василий Михайлович и два племянника Еремей и Михаил от разных братьев. Еремея старый князь любил больше, потому как Михаил брат обидчику Всеволоду, а своего позора Василий Михайлович забыть, конечно, не мог.

– Знать опять приехал Василий Михайлович на племянников жаловаться.

Семка вздохнул:

– И чего людям не хватает? Жили бы себе и жили...

Василий Михайлович и впрямь приехал жаловаться митрополиту на племянника, а еще больше на тверского епископа Федора Доброго. Потому и на владычий двор пожаловал. Обидели его племянника Еремея, не по отчине отдали удел другому племяннику Михаилу. Дядя заступился за обиженного, епископ принял сторону Михаила. Казалось бы, что Москве до того?

Но Василий Михайлович с Еремеем приехали искать помощи супротив своего же епископа, мол, хотя и Добрым зовется, а сироту обижает. Алексей обещал разобраться.

На дворе уж ночь-полночь, а Дмитрий все не идет. Ну что за охота в тысячный раз слушать тяжелый рассказ Василия Михайловича о расправе над Тверью и гибели в Орде его отца и

братьев? Митрий наверняка уж каждое слово наизусть помнит, сам повторить может, но готов снова и снова внимать, раскрыв рот. А все потому, что Василий Михайлович знал его деда Ивана Даниловича Калиту!

Для Мити дед что икона писаная, по пяти раз на дню вспоминает, и все в сравнении: а я не хуже? Сколько раз митрополит уже твердил, что князь делами виден, а не похвальбой дедовой! Конечно, хорошо, что он стремится быть похожим, только и Евдокия много об Иване Даниловиче слышала, и не только хорошее. Мол, скопидом был, каких свет не видывал, прошлогодного снега весной не выпросишь, и хваток, ничто мимо не проходило, все к рукам прилипало, и льстив к ордынцам... Правда, это все Москве на пользу шло. Но ведь и тяжело Ивану Даниловичу всю жизнь было, ой как тяжело! Тот же Василий Михайлович сказывал, как князя с души воротило от ордынских рож, а он себя пересиливал и пил ихний кумыс, ел что предложат, подарки возами таскал, кланялся поясным поклоном поганым...

Неужто и в этом Мите хочется быть похожим? Но Дмитрий не таков, он нетерпелив и яростен, он кланяться не станет и речи ласковые с татями вести не будет. А что ждет того, кто не послушен и не велеречив в Сарае? Евдокия в ужасе закрывала глаза, страшно подумать про то, что случилось с отцом и братьями Василия Михайловича.

Так почему же московский князь раскрыв рот слушает тверского князя?

Дверь в ложницу тихонько отворилась, даже не скрипнув, если бы спала, то не услышала. Дмитрий скользнул внутрь и так же осторожно прикрыл дверь за собой, видно очень старался не шуметь, оберегая сон жены. Евдокия чуть усмехнулась, приятно было сознавать, что муж так о ней заботится.

– Пошто так поздно? Снова Василия Михайловича слушал? – в голосе княгини все же просквозил легкий укор.

Дмитрий точно не заметил вопрос про гостя, шагнул к ложу, склонился над женой. Как же он любил ее вот такую: с опущенными на волю волосами, когда они рассыпались вокруг не только головы, но и всего тела! Просил не прятать ни под какие повойники, хоть ночью давать полюбоваться. Волосы Евдокии пахли травами и летом, а вся она почему-то медом.

Жена протянула навстречу руки, обхватила за шею, Дмитрий, счастливо засмеявшись, спрятал лицо в волосах, легко коснулся губами нежной шеи. А ей так хотелось попенять, чтоб не стремился к судьбине своего деда или кого из тверских погибших князей. Но что она могла? Запретить князю быть князем? Слава богу, в Орду ездить не надо, там заматня, а потому можно жить в своей Москве...

Евдокия вдруг нутром почуяла, что вот таких спокойных и радостных дней у нее будет очень немного. Что не сможет жить спокойно ее муж, а если неволить, то это будет уже не Дмитрий. Да и как его неволить? Он себя уже хозяином Москвы чувствует! И не только Москвы, но и Руси! Великий князь... Евдокии вдруг стало смешно, Митя – великий князь! А она сама великая княгиня!

Даже почувствовав тяжесть предстоящей жизни, в тот момент она все же была счастлива, а потому тоже засмеялась счастливым смехом.

Говорят, что счастливые люди зачинают счастливых и красивых детей. В ту ночь была зачат их первенец – Данилка. Мальчик не прожил и шести лет, но вины родителей в том не было. А вообще у Евдокии с Дмитрием за двадцать два года родились двенадцать детей – восемь сыновей и четыре дочери. Старшая дочь Софья породнила великих князей с Олегом Рязанским, выйдя замуж за его сына Федора.

А той ночью князь шептал на ушко своей любимой жене ласковые и стыдные слова, от которых она даже в темноте смущалась и краснела.

Василий Михайлович с племянником побыли в Москве недолго, суд оказался коротким – митрополит и Москва встали на сторону Еремея. Знать бы тогда, чем это обернется! Михаил Александрович сдаваться не собирался и удел возвращать тоже.

Вообще-то Михаил Александрович был Евдокии дядькой. Потому как его жена – родная сестра ее отца Дмитрия Константиновича, тоже Евдокия. Но княгиня вмешиваться в дела мужа не собиралась, довольна и того, что он всякий день рассуждениями занимается или по стройке кремлевской лазит, точно не князь, а простой дружинник. Вон бояре себя блюдут, без шапки ни одного не увидишь, даже в жару не снимают, а Дмитрий может и простоволосым выйти, и со строителем при всех говорить как с ровней. Попробовала однажды попенять, глаза вытарашил:

– Какой он мне ровня? Он вон сколько знает, а ничего! Он умнее во сто крат!

Вот тебе и князь! Может, просто пока молод? Повзрослеет, остепенится? Но почему-то Евдокии совсем не хотелось, чтобы муж остепенялся. Тогда он, пожалуй, и жаркие ночные речи забудет, и дурачиться не станет... Нет уж, пусть лучше таким как есть остается!

Литовщина

Митрополит был прав, куда же, как не к своему зятю Ольгерду бежать за помощью Михаилу Александровичу? Там сестра Ульяния поможет, известно, что ночная кукушка дневную всегда перекукует. Так что ж теперь, из-за боярской неразумности от Ольгерда неприятностей ждать? Выходило так...

Но у Дмитрия еще сказывалась юношеская неразумность, страсть как хотелось схватиться с Ольгердом и победить его! Не понимал, что первое возможно, второе – пока нет! Ольгерд супротив Дмитрия точно кряжистый дуб против маленького саженца, но саженец рвется кверху, норовя и себе солнце отхватить, не хочет молодой князь в тени и послушании у старого сидеть.

А Литву хлебом не корми, дай с кем повоевать! Для Ольгерда война – привычное состояние, было бы с кем, а как, он знает.

В большом зале замка Вильно сидели за столом друг напротив друга сам хозяин замка старый литовский князь Ольгерд и брат его жены Ульянии тверской князь Михаил Александрович. Ольгерд, крупный, сильный мужчина, ел с удовольствием, у гостя аппетита, кажется, не было. Да и какой он гость? Беженец, не больше. Конечно, к кому бежать, как не к родной сестре, великой княгине литовской?

Ольгерд, разрывая на части крупного гуся, усмехнулся:

– Мальчишку испугался?

– Да какой он мальчишка? За него правит митрополит Алексей да бояре московские. Дмитрий за ними, как за каменной стеной сидит...

Он хотел продолжить, но хозяин, бросив мигом обглоданную кость на стол, спросил:

– Это тот Алексей, что в Киеве под замком сидел?

– Он самый!

– Говорил же, что придушить надо! Нет, дали бежать, дубины стоеросовые! Расхлебывай теперь! – Принявшись за вторую ногу гуся, Ольгерд поинтересовался:

– Ну, и чего натворил этот мальчишка вместе с митрополитом? Кроме того, что тебя держали под замком?

– Зря смеешься, он свою Москву каменной стеной обнес, не подступишься!

– Вот с этого и надо было начинать, а то плачешься про свои обиды... Стеной, говоришь? – В глазах Ольгерда явно появился интерес. Ему говорили о том, что трудно взять, и это трудно лежало не далеко за морями и горами, а почти по соседству! Трудности всегда только возбуждали охотничий азарт князя. Нельзя взять? А мы возьмем, и охнуть не успеет! Если, конечно, насмерть перепуганный родич не преувеличивает.

Для себя Ольгерд уже решил, что пойдет на Москву, но не потому, что этот тверской князек ноет и Ульяния вторую ночь в уши жужжит, что братца жалко, Москва совсем заела. От жены он отмахнулся, если обидели, пусть ответит! Нет, на Москву князь пойдет потому, что там объявился мальчишка, посмевавшийся одним своим строительством неприступной крепости бросить вызов великому Ольгерду!

Взяв Москву, он, может быть, и оставит жизнь ее князю, конечно, при полном его подчинении. Решено, вперед!

Князь настолько задумался, что позабыл о сидевшем напротив шурине. В камине потрескивали дрова, какое-то полено даже пело тонким голоском, вкусно пахло едой... а в голове у Ольгерда зрел план, как поставить на колени загордившуюся Москву. Война была неминуема. Михаил Александрович понял это по изменившемуся выражению глаз хозяина замка, видел, что тот мысленно уже далеко от этого стола и этого камина. Ольгерд прикидывал, сколько

людей и какими путями пойдет на Москву, как обмануть противника, чтобы тот до последних минут не ведал, что участь его решена.

Ольгерд мастер подкрадываться незаметно, он с огромным войском может ужом проползти мимо застав и постов и выйти на врага неожиданно.

А в Москве жили спокойно, собрали урожай, наварили пива вдоволь, широко, раздольно играли осенние свадьбы, и никто не ждал беды. Уже и грязь подморозило, а потом она крепко встала, снег выпал и улегся. Скоро зима...

Даже когда в Москву прискакал гонец на взмыленной лошади, не все обратили на него внимание. Сам гонец промчался на княжий двор, спрыгнул с лошади и, не останавливаясь, бросился внутрь терема. Ему заступили путь:

– Э, э, куда прешь?!

Обветренные губы гонца едва смогли раскрыться, чтобы произнести два слова:

– Беда!.. Литва...

Путь освободили, даже вперед побежал дружинник из охраны. Князь сидел рядом с женой и показывал козу недавно рожденному сынишке. Тот шурил круглые глазки и смеялся беззубым ртом. И в такую-то радость с таким известием!

Увидев гонца, Дмитрий вскочил, сразу стал серьезней и даже будто взрослей.

– Что?!

Тот повторил:

– Литва на рубежи напала! Большой силой идет! Можайск взять не могут, а Оболенск пал!

Князь побледнел:

– А сторожа где?! Как пропустили?!

Но что об этом у гонца спрашивать, тот и так едва жив, видно, наметом скакал всю дорогу, чтоб весть принести вовремя.

– Иди! – махнул рукой Дмитрий и тоже бросился вон. Евдокия осталась сидеть, прижимая к себе маленького Даниила. Вот она, судьба княгини, в любую минуточку могут такую весть принести, и князь уже на коне, забыв про жену и дитя свое! Но разве у нее одной так? А те же люди, что жили в Оболенске или Можайске? Их тоже застали врасплох, может даже спящими... И так же мужья метнулись к оружию и на коней – защищать своих жен и детей от врага.

А Дмитрий спешно рассылал по уделам гонцов, куда с грамотами, а куда и просто на словах сказать, чтоб присылали полки Москву оборонять.

Где уж успеть, коли враг на подходе! Подошли только от Коломны и Дмитрова, князь тут же присоединил их к московскому сторожевому полку, которому бы и надо загодя увидеть Ольгердову рать, но пропустил... Во главе полка ушли Дмитрий Минин и вторым воеводой Акинф Шуба. Оба воеводы опытные, взялись с места быстро. И словно искупая свою вину, полегли у речки Тростни, что из Тростненского озера вытекает, сложили свои головы и воеводы, только Москве оттого легче не стало.... Ольгерд на рысях продолжал движение, грабя и сжигая все, что попадалось по пути.

В Москве загудели колокола, но не радостные, венчальные, а тревожные набатные. Посадские стали спешно собираться и укрываться за стенами Кремля.

На улице шум и гам, все словно с ума сошли, глотки дерут, стараясь друг дружку перекричать. Женщины и дети бегут к городским воротам, тащат за собой упирающуюся скотину, волокут скарб. Мужики закрывают ворота опустевших домов, стараясь, чтобы все оставалось чинно, хотя каждый понимает, что коли встанет враг у ворот, то и ворота ни к чему.

Кузнец Киньша остановился, с тоской посмотрел на свой широко поставленный двор с банькой, хорошей конюшней, с амбаром... и вдруг решительно взялся за длинную ветку. Сосед, видя, что тот явно собирается запалить двор, накинулся на него:

– Ты что?! Свой же дом-то!

– А лучше, чтоб он татым достался?! Все одно – спалят, так лучше я сам! – и принялся поджигать домовину и амбар со всех сторон.

Тут сообразил еще кто-то:

– А и впрямь, татым ведь достанется!

Нашлись сомневающиеся:

– Не татарове все же, может, не станут жечь?

Но криков, что пожгут, только сначала пограбят, было много больше. Хорошо знали русские люди, что любой нападающий посад целым не оставит. Что не пожгут, то порушат так, чтобы и исправить было нельзя. А раз такое дело – гори оно все ярким пламенем!

Посад запалился со всех сторон. К Киньше и еще двум зачинателям вдруг подбежала растрепанная женщина:

– Не палите, милые, не палите, родненькие! Свекровушка у меня там болезная лежит, не выйти ей.

Киньша метнулся в дом, куда указывала баба, один угол уже занимался пламенем, подхватил обеспамятевшую от ужаса старуху и бросился вон. Вовремя, потому что чуть погодя дом полыхал весь. Кузнец нес бабку, бросив через плечо, она наконец пришла в себя и только просила, подсказывая на каждом шаге:

– Ми...лок... по... ти... ше...

Киньша похлопал ее по костлявому заду, обнадеживая:

– Ничего, выдюжим!

Со стен с изумлением смотрели на горящий посад, воротники даже решили, что это уже литовины подожгли, бросились закрывать ворота. Едва не оставили множество людей снаружи.

А Дмитрию понравилась мысль сжечь все самим, чтобы не досталось Ольгерду не только чужого добра, но и хороших бревен для лестниц и навалов под стены. Посадские думали о скарбе, а князь о защите крепости. По его велению в посад бросилось до сотни воинов с факелами, и через некоторое время от него остались одни чернеющие головешки. Теперь Кремль заперся окончательно.

Вовремя, потому что почти сразу на берег Москвы-реки вышли первые отряды Ольгерда.

Литовскому князю очень не понравился запах гари, который они почувствовали далеко на подходе. Кто здесь мог быть? Ордынцев нет, далеко сидят, Михаил Тверской рядом с зятем, Дмитрий Нижегородский в своем Нижнем... Пожар в Москве? Этого не хватало! Но, въехав на крутой Кудринский холм, литовцы никого не увидели. Только вдоль всей реки влево и вправо, сколько хватало глаз, дымился посад! Вернее, то, что еще недавно было им.

А над черной гарью и копотью незыблемо возвышались белые стены нового Кремля! И оттуда не вырывались языки пламени или клубы черного дыма. В Москве не было пожара! Сгорел только посад!

Замерли все, в том числе и сам Ольгерд. Такого не видывал никто и никогда – сжечь собственный посад! Все, напротив, старались сохранить, сберечь, упрятать, а этот мальчишка словно показывал ему свою решимость, свою молодецкую сумасшедшую готовность зубами перегрызть горло любому врагу. Все бы ничего, пусть бы грыз, зубы обломает, не схватки боялся Ольгерд, их было в жизни бесчисленное множество, из которых сильный, хитрый, жестокий литовец неизменно выходил победителем.

Но на другом берегу несокрушимо твердо стояли мощные башни, и стены меж ними не только конницей, не всякой порокой враз возьмешь. Здесь сидеть и сидеть с осадой либо без толку бросать на крепкие стены немыслимое количество воинов. Ольгерд понял, что взять Кремль сможет, только если под стенами ляжет все его войско, образуя новый холм из погибших. Либо очень долгим измором, хотя кто знает, какие у них там ходы вырыты? Ни того, ни другого литовский князь делать не собирался.

Класть свое войско ради взятия крепости, которую еще неизвестно, возьмешь ли? Но и уходить сразу смешно. Все ждали решения своего князя. Ольгерд обернулся к Михаилу Александровичу:

– Ты про это твердил?

Тот с досадой кивнул:

– Да!

Старый литовский лис не поверил в мощь новых кремлевских стен, посчитал Михаила едва ли не трусом. Теперь вот сидел на коне и качал головой:

– Да... хорошую крепость поставил молодой московский князь Дмитрий Иванович...

Литовцы простояли перед Кремлем три дня, но не предприняли ни одной попытки штурма. Ольгерд всегда берег своих людей. И проигрывать умел. А еще хорошо знал, что вернется к этим стенам с много большим количеством людей и по-настоящему попытается взять такую новую Москву. Понял это и Михаил Александрович. Наблюдая за выражением давно окаменевшего лица зятя, он смог заметить искорку, блеснувшую в глазах. Эта искорка у Ольгерда означала, что князь принял вызов и не собирается сдаваться!

На третий день со стены закричали:

– Уходят! Уходят! Литвины уходят!

Дмитрий, услышав такую новость, не смог сдержаться, заорал, как мальчишка:

– Ага! Ольгерд нашего Кремля убоялся! Вот ему! Даже штурмовать не рискнул!

Чуть успокоившись, внушал митрополиту:

– Не зря мы столько дней на стенах мерзли, не зря силы положили! А стоял бы деревянный, как прежде, были бы ноне головешки!

Алексий смотрел на эту почти детскую радость семнадцатилетнего мальчишки, названного князем, и скупно улыбался:

– Ты, Дмитрий, погоди радоваться. Ольгерд всю округу так пограбит, что и головешки не найдешь!

Митрополит оказался прав: Ольгерд дал своим зря пришедшим под московские стены воинам волю грабить и жечь все вокруг. Русские люди долго в горестном изумлении разводили руками:

– Даже татарва так не грабила. Ордынцы, и те милосердней.

В память народную этот поход вошел как первая литовщина. Почему первая? Потому что Ольгерд не смог простить своей неудачи молодому московскому князю и через год вернулся к крепости уже с много большим войском. Но это было через год, а пока, опустошив и обезлюдив русские земли, литовский князь и его тверской родич отправились восвояси праздновать то ли победу, то ли неудачу. Про неудачу думать не хотелось, потому решили, что победу. Кремль не взяли? Велика беда, зато столько награбили и людей в полон увели, что надолго хватит.

Брат Владимир

Сколько Дмитрий ни вспоминал брата Ваню, тот всегда стоял перед глазами мальчонкой, сползающим с лошади, чтобы ехать вместе с митрополитом в возке. Не мог не только представить его повзрослевшим, но и понять, насколько братишка младше. Считал и выходило, что всего на год от Владимира. Этому не верилось, двоюродный брат держался всегда если не ровесником самому Дмитрию, то лишь чуть младше.

Конечно, Ванятка был упитанным, как и сам Дмитрий в детстве, а Володя всегда тонкий, рослый. Вот и теперь он, считай, на четыре года младше, а ростом князя почти догнал. Только угловатость исчезла, а лепоты во внешности заметно прибавилось. У младшего князя большие серые глаза, узкое лицо, хороший рост и стройная фигура. Девки поневоле шеи сворачивают. Но у самого Владимира на уме одна рать.

Нет, он не воинственный и не жестокий, напротив, лучшего защитника и не найти. Отменный князь-воевода со временем будет! Молчалив, слов зря не бросает, добр, милостив и богобоязен, никогда не предаст. Владимира очень любит игумен Сергей, и митрополит Алексий тоже.

Из-за тонкого стана и узкого лица он выглядит рядом с широким основательным Дмитрием много младше. Молодость Дмитрия выдают румянец на щеках да вечно горящие глаза. Глаза-то он смиряет, а полыхающие краской щеки куда денешь?

Дмитрий относится к Владимиру, как к родному брату, не удивительно, вместе выросли. Младший князь тоже. Уделами его Иван Красный не обидел, помимо тех, что от отца получил, еще выделил, но молодого князя интересует больше всего рать.

О Владимире Дмитрий задумался потому, что кого-то надо в Новгород послать. Там беда – пожар не меньше московского Всесвятского. Конечно, пожары для русских людей не диво, хотя и погорел вольный город, но поднимется быстро, Новгород богат. Тут еще другое: псковские земли снова стали мучить ливонцы, надо показать Верховым городам, что Москва хотя и сама пострадала, но своих сторонников не забывает. А ливонцам заодно показать, с кем дело иметь будет, если на Псков пойдут!

А как это сделать? Самому уходить нельзя, Ольгерд только прослышит, тут же вернется! И Михаил Тверской сидеть дома не станет. Больше никого из родичей нет, а посылать просто воеводу негоже, это не маленькая Коломна или Волоколамск. Оставался Владимир, пусть не во главе войска, но при нем. Как представитель московского князя, его ближайший родич.

Митрополит, услышав такие речи, изумленно уставился на молодого князя: ой-ой, научил на свою голову! Вон как заговорил, точно сам все знает. Это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому как Алексий не вечен, князю надо самому привыкать не делать глупостей и смотреть далеко вперед, а плохо, потому как самостоятельно нетерпеливый и упрямый Дмитрий может порушить то, что митрополит с таким трудом выстраивал.

Но сейчас он прав, во всем прав. И в том, что показать, мол, Москва не забыла про Верховые земли и готова поддержать, хотя самой тяжело. И в том, что ехать придется Владимиру, больше некому. Мелькнула, правда, мысль о Дмитрие Михайловиче Бобрке Волынском, все же муж княжьей сестры, но потом подумал, что уж лучше Владимир. Алексий усмехнулся сам с собой: пусть эти два мальчика покажут старым опытным волкам, что приходит их время, чтобы перестали заступать путь и сидели в своих норах, оттуда лишь ворча на молодняк.

Владимир поручению не удивился, это даже чуть задело горячего Дмитрия. Он ожидал, что брат козликом от восторга скакать будет, как-никак сам войско поведет, а тот спокойно принялся обсуждать с митрополитом, кто пойдет с ним и сколько полков возьмут. У самого князя от возбуждения привычно краснели щеки и становился глуховатым голос. У младшего

князя голос уже поломался, он в прошлом году петушком иногда разговаривал, может, тогда и привык помалкивать?

Долго обсуждали, теперь уже с воеводами, каким путем идти. Между Верхом и Москвой лежит тверское княжество. Стоит Михаилу Александровичу узнать о Владимире с его полками, как вся еще не разошедшаяся по домам сила Ольгерда будет брошена на этот поход.

– Значит, надо как сам Ольгерд – чуть не ползком. Ходит же он, веткой не шелохнув! – басил Дмитрий.

– Да то не удивительно, пройти можно и тихо, но если не услышат, так увидят, вокруг Твери деревень много, достаточно одному увидеть, и все пропало.

Думали, думали и придумали между Михаилом и Ольгердом проскочить, где уж совсем не ждут, а увидев, не сразу сообразят, что за рать гуляет по лесам. Нашли толковых проводников, собирались, никому не говоря куда идут. В Москве тверских соглядатаев много, живо оповестят. Даже вышли из ворот так, словно в другую сторону отправляются, москвичи решили – в Переяславль пошли. И только там, сделав немалый крюк, сменили направление. И вел рать сам молодой князь Владимир Андреевич, хотя было ему только пятнадцать годочков.

Но княжичам взростеть рано приходится, некогда за материнский подол цепляться да за отцовским стремянем прятаться. Тем паче что у обоих отцов давно нет.

Честно говоря, Дмитрий даже завидовал младшему брату, ему тоже хотелось вот так прощаться, строго глядя в глаза, также махнуть рукой воинам, что пора, и уехать, не оборачиваясь. Состояние своего воспитанника, видно, понял умный митрополит, тихо произнес:

– Каждому свой путь, Дмитрий. Ты князь, тебе не всегда на коне впереди дружины, иногда твоя голова важнее твоего меча. Верно решил, тебе из Москвы сейчас нельзя, пока ты в Москве, она стоит.

Почему-то последние слова Алексея оглушили Дмитрия, выходит, он держит большой белокаменный город? И в ответе за всех людей, которые здесь живут? И... не только в Москве, но и в княжестве? Да не в одном... Стало чуть страшно от такого груза ответственности. И радостно, потому что рядом есть мудрый советчик, который все загодя продумает, просчитает и скажет, как правильной поступить.

А советчик мыслями был уже с младшим княжичем. Он любил и Дмитрия, и Владимира. Если бы тогда не выбрал старшего как своего ставленника, то вполне мог бы взять и Владимира. Но тот уж очень мал оказался после смерти Ивана Красного, и слишком много недовольных нашлось бы, что митрополит супротив отчины и дедины пошел и супротив воли покойного князя.

Дмитрий горяч, упрям и не всегда разумен, с ним будет трудно. Но митрополит должен успеть научить его быть настоящим великим князем, а годы берут свое, все тяжелее подниматься по утрам, тяжелее двигаться... И снова, в который уже раз устремилась молитва к Господу, чтобы ободрил еще, чтобы помог поставить на ноги этого упрямого своевольного мальчишку, чтобы был у истерзанной веками раздоров Руси князь, который сможет взять ее под свою руку.

То, что Дмитрий дерзок, это даже хорошо, тихому и разумному Владимиру было бы тяжелее справляться с совсем не мирными князьями-соседями. Здесь одного воинского умения мало, здесь нужна такая удаля, какая проявилась у молодого князя, когда вдруг отправил жечь посад, изумив всех бывалых воинов. А ведь помогло! Не оставили Ольгерду и бревнышка.

Пока митрополит размышлял о том, как сделать из него сильного князя, сам Дмитрий удрал к жене с маленьким сыном. Евдокия смотрела жалостливыми глазами:

– Митя, как же там Владимир один?

И только тут Дмитрий вдруг осознал, что предстоит брату. Обмануть двух матерых князей, проскользнуть мимо них незамеченным, добраться до Новгорода да еще и по границе с

ливонцами походить! Подумав об этом, стал серьезен, даже помрачнел, но он просто по натуре не мог долго хмуриться, снова ожил, махнул рукой:

– Брат справится!

Владимир действительно справился, причем воевода после твердил, что столь толкового князя Москва и не видала. Дмитрия чуть уколола такая похвальба, но только чуть, и он радовался за брата от души.

Молодого князя Новгород поразил до глубины души. Москва горела много раз и много раз отстраивалась, это дело привычное. И московский торг тоже оживал быстро. Но то, что увидел Владимир в Новгороде, не шло ни в какое сравнение с Москвой! По всему городу еще разбросаны следы пожарища, все же сильно погорели, но Торг гудел так, словно ничего и не было. Толпы снующего народа, немолчный гомон, крики разносчиков, купцов, предлагающих свой товар, смех, брань, немыслимая смесь запахов, от кислых кож до восточных снадобий... И все в постоянном движении, казалось, остановки не будет и ночью. Но наступил вечер, и Торг стих, куда-то девались все купцы со своими товарами, расползлись по домам покупатели... А с первыми лучами солнца все началось снова.

Владимиру Андреевичу в Новгороде очень обрадовались, не столько потому, что помощь была нужна, сколько от понимания, что Москва в беде не бросила и за разбой ушкуйников зла не держит. Но князь долго сидеть в самом городе не стал, поторопился во Псков. Пожилой, повидавший виды новгородский тысяцкий поинтересовался:

– Владимир Андреевич, перехватить всех доглядчиков не удастся, как сделать, чтоб никто в округе не знал о твоём походе?

Тот рассмеялся:

– Зачем же скрывать? Напротив, пусть все знают, что за Новгородом и Псковом Москва стоит! И во Пскове сколько надо пробуду, чтоб ливонцам показать это же. Пусть боятся!

Владимир пробыл в Новгороде и Пскове всю первую половину года, возвращался уже летом возмужавшим и сильно похорошевшим. В пятнадцать юноши сильно меняются, а уж в таких походах тем более.

Евдокия смотрела на сродственника с ласковым изумлением:

– Володимир!..

У повзрослевшего князя на подбородке уже вовсю закурчавилась первая борода, от этого лицо стало еще краше. Ох, хорош молодой князь! Не одно девичье сердечко забилося при его виде. Московская порода хорошо видна в обоих двоюродных братьях, только Дмитрий кряжистый дубок, а Владимир скорее стройный тополек.

Пока младший князь объезжал Новгородские и Псковские земли, в Москве приключился новый скандал с тверским князем, да еще какой!..

На исходе весны в Москву принесли скорбную весть: скончался многострадальный Василий Михайлович. Теперь уже никто не мешал считать Тверь своей вотчиной Михаилу Александровичу. И тот сразу не просто взял Тверь под себя, но и показал, кто в княжестве хозяин. Снова потянулись в Москву обиженные Михаилом Александровичем и тверским епископом. Митрополит Алексей вызвал его в Москву на суд.

Семен уже не впервые переносил на пергамент то, что Савелий изначала нацарапал на цере. Сейчас он с изумлением слушал то, что должен красно написать вслед за Савелием: тверской князь был зван в Москву для правого суда. Его безопасность обещал блюсти сам митрополит Алексей.

– Да как же, ежели?..

Савелий огрызнулся на неразумного помощника:

– Замолчь! Не твое то дело! Митрополит обещал, с него и спрос!

Коротко кивнув, Семен склонился над пергаментом, старательно выводя букву за буквой. Чтобы не смущаться тем, что пишет, принялся раздумывать над недавно виденным. У княжьего писца увидел тряпичную бумагу. Это совсем не пергамент! Мягкая, тонкая... Только когда узнал, что с нее ножичком соскабливать нельзя, порадовался – лучше так, как они пишут, если что не так, подсушил и поскоблил.

Только подумав об этом, Семка тут же подпортил буквицу. Замерев лишь на миг (хорошо знал, что писец сразу заметит его смущение), он ловко продолжил свое дело. Пусть подсохнет, потом подотрет и заменит неверную буквицу на нужную. Кажется, Савелий не заметил.

Теперь старался думать уже о словах, которые пишет.

Тверской князь Михаил Александрович приехал на суд не один, привез многих своих именитых бояр. Вначале ходили по новому Кремлю, разглядывали, едва заметно качали головами, стараясь не подавать вида, что поражены, что завидуют. В Твери заслон поставлен как обычно деревянный, Михаил уже понимал, насколько проигрывает Москве, но силы духа не потерял.

А бахвальством московским был задет, очень захотелось показать, что он не лыком шит. Может, оттого на суде с Еремеем вел себя дерзко, бояться было нечего, сам митрополит Алексей защиту обещал. Конечно, князь на любовь к себе митрополита не надеялся, не ждал и от Дмитрия Ивановича дружбы крепкой, но не верил, что могут сделать что плохое, пойти против своего собственного обещания.

Не ждал, а случилось. Михаил Александрович с вызовом смотрел на Дмитрия Московского, словно говоря: ну и что ты со мной поделаешь? Не признаю ваших решений и признавать не собираюсь! Его взгляд переместился на Алексея, выражение глаз не поменялось. Князь бросал открытый вызов, уже прикидывая, как быстро надо будет ехать до своей земли и как собирать рать, чтобы отбиться от этого мальчишки, ставшего князем с помощью вон того старика в расе.

Он так увлекся собственными мыслями, что даже пропустил важный вопрос кого-то из бояр. Когда переспросили, чуть дернул головой:

– Что?

– Да он и не слушает! – возмутился Дмитрий. Его ноздри возбужденно раздувались, лицо как всегда, когда он бывал чем-то сильно задет, покраснело. Глаза метали молнии, способные сжечь на месте непокорного. Но тверской князь был не из тех, кто страшно боится гнева московского князя.

Михаил Александрович стоял прямой, непокорный, надменный. Это решило все, Дмитрий дернулся, резко бросил:

– А вот посиди, князь Михаил, подумай над своими словами!

И снова Михаил Александрович не почувствовал беды, усмехнулся и направился к выходу, даже не посмотрев на соперника. Но дальше произошло то, чего он уже никак не ждал. Боярин, что стоял на крыльце, показал на крытый возок:

– Садись, князь, сопроводить велено.

Неужто так испугались, что готовы вот так выпроводить до своего удела, даже не попрощавшись? Ай да храбрец московский князь, не стал дослушивать соперника, поспешил отправить восвояси! Разве ж это суд?

И только когда возок, несколько раз повернув, обогнув горы строительного мусора, сложенные бревна, камни, чьи-то дворы, вдруг въехал в открытые ворота и остановился возле незнакомого крыльца, Михаил Александрович очнулся от своих мыслей. Оглянувшись, он увидел, что ворота спешно закрыли и даже заложили огромным бревном. Рядом настороже встали двое дюжих молодцев.

– Куда это вы меня привезли? – вопрос был к подскочившему и согнувшемуся в подобострастном поклоне человеку.

Тот, не до конца выпрямившись, развел руками:

– Велено здесь содержать... Проходи в покои, князь Михаил Александрович...

У тверского князя глаза полезли на лоб, он силился собрать разбегающиеся в разные стороны мысли и не мог. Его привезли на этот двор явно одного. Что это значит?

– Где мои люди? Где это я?

– Где твои люди, про то мне не сказано, а ты на дворе боярина Гаврилы Кошки.

– Ты, что ли, боярин-то? – насмешливо оглядев все так же почтительно кланявшегося человека.

– Нет, что ты! – почти испуганно замахал руками тот. – Я дьяк его Петр Кривой. А самого боярина нетути, уехал. Тебя сказано тут держать, никуда не выпуская, а все, что скажешь, выполнять и доставлять немедленно.

И снова дивился Михаил Александрович. Его увезли вдруг, когда слишком насмешливо стал разговаривать с великим князем, этим мальчишкой на престоле. Но на дворе боярина все готово и люди предупреждены, стало быть, заранее знали, что сюда привезут? Этот Митька глупей, чем он думал. Ладно, нынче переночует, где есть, а завтра потребует себе митрополита и напомнит о грамоте с обещанием свободы.

– Ну, води меня в свои хоромы.

Дьяк, все так же согнувшись, показал рукой:

– Добро пожаловать, князь.

И только тут до Михаила Александровича дошло, почему столь подобострастен этот человек, он не зря прозван Кривым! Один бок бедолаги явно тянуло книзу.

Хоромы были приготовлены недурные, и ужин подали тоже хороший. Янтарная севрюжина оплывала жирком, стерляжья уха аппетитно дымилась в чашке, красовались пироги с белорыбицей и брусникой, стоял жбанчик со ставленным медом... Но есть пришлось одному.

Князь вдруг показал дьяку на стол:

– Откель все это, если хозяев дома нет? Или им пришлось спешно ноги уносить, меня увидев?

Тот усмехнулся:

– Зря не веришь, Михаил Александрович, для тебя все готовлено. Стряпуха у нас хороша, а без дела застоялась, вот и расстаралась, узнав, что будет кому пробовать. Ты ешь, все вкусно и с душой.

«И с ядом?» – хотел было спросить князь, но сдержался. Не думалось, что могут и под замок посадить, не только жизни лишить. Решил отдохнуть, утро вечера мудренее, завтра он себя еще покажет!

Но увидеться с митрополитом на следующий день Михаилу Александровичу не пришлось, тот спешно уехал в Радонеж. С Дмитрием он и сам не желал разговаривать. Оставалось сидеть, досадуя на свою доверчивость и злясь на потерю времени.

Зато скоро приехал сам боярин Гариал, которого для краткости звали просто Гавшей. Был он дороден, бел лицом и весьма громкоголосен. Михаилу Александровичу объяснил просто и доходчиво:

– Ты, Михаил Лександрыч, не серчай, но сидеть тебе тут, видать, долго, пока не одумаешься.

Тот взвился:

– Да как же сие возможно?! Великого князя Тверского в оковах держать?!

В ответ Гавша навис на князем всей своей тушей, на что уж Михаил Александрович не мал, но тут словно щенок перед большим псом:

– Где твои оковы?! Ты, князь, хотя и в клетке, а все ж в золотой! Накормлен, напоен и спать на перины уложен. А митрополит наш как в Киеве сидел? В темной да на воде и хлебе? Ты за него пред своим сродичем Ольгердом заступился?! Хотя слово в защиту сказал?!

– Ах, вот почему митрополит согласился на мое заточение...

Гавша мотнул головой:

– С чего согласился – не ведаю, про него самого это мои мысли, а за твои слова про оковы на тебя обиду держу. Я хотя и невольно, но в доме тебя хорошо принял.

– Где мои бояре?

– Также по домам сидят. Не бойся, не в темнице и не в оковах.

Больше разговаривать с князем боярин не стал, видно, обиделся, и остальным не велел. Молча подавали и уходили. И как из этого выбираться? Оставалось ждать, когда самим митрополиту с московским князем надоест томить тверичей под замком.

Дмитрий пришел в горницу к жене поздно и сильно чем-то расстроенный. Евдокия уже была едва не на сносях, потому мужа не ждала, почти не ходил к ней. Но ей и самой хотелось расспросить, слышала, что дядю Михаила Александровича не просто в Москву призывали, а под замок ныне посадили. К чему это? Неужто Митя считает, что он враг?

Князь уже переоделся, был в простой рубаше и домашних портах, на ногах мягкие чувяки. Сразу ложиться не стал, сел на край постели и молча уставился в пол. Евдокия осторожно погладила его по спине:

– Ложись, донюшка... Поздно уже.

– Ты спи, спи, если хочешь, – словно очнулся от забытья Дмитрий.

– Митя, – осторожно начала жена, – у тебя ссора с Михаилом Лександрычем вышла? К чему ты его под замок-то посадил?

– И тебе уже донесли?! – вспыхнул Дмитрий.

Княгиня пожалела, что ввязалась в разговор, если такой злой пришел, то лучше молчать, к утру остыл бы, сам рассказал. А теперь вот начнет ругаться... Ох и трудно иногда с князем. Но сделанного не воротишь, так же осторожно пояснила:

– Никто не сказывал, просто я переходом шла и услышала разговор...

– Нечего глупости слушать!

И вдруг Дмитрий перевернулся и прижался лицом к ее немалому животу. Рука жены поневоле легла на его волосы:

– Успокойся, донюшка... успокойся. Утром подумаешь, что не так...

Дождавшись, пока чуть затихнет муж, спрятавший лицо теперь в ее волосах, она еще раз повторила:

– Утро вечера мудренее...

А в ответ вдруг услышала злое, горькое:

– Как же я его иногда ненавижу!..

И без слов поняла, о ком муж, но все же спросила и обомлела от ответа. Ожидала, что скажет, мол, князя Тверского! А Дмитрий сквозь стиснутые зубы произнес страшное:

– Митрополита!

– Кого?! Он же тебе вместо отца. Душу в тебя вкладывает!

– Душу, говоришь? Столько лет по его подсказке живу, слова своего не имею! А ныне как мальчишку в дураках оставил!

Потрясенная Евдокия молчала, она всегда считала, что Митя почитает Алексия, как отца родного, во всем его слушается с восторгом, а выходит...

Князь продолжал, и столько горечи было в его голосе, что не поверить нельзя.

– К чему и звать-то Михаила Александровича было? Велика важность – с племянником свара! Все вокруг меж собой ссорятся, никого под замок не сажают. Знал ведь, понимал, что я не выдержу княжьей заносчивости! От своего и моего имени обещанье дал, что не тронут тут тверского князя. А сам что? С утра подговаривал под стражу посадить. А потом вопросами вынудили Михаила Александровича мне резкие слова сказать, я и вспыхнул. Крикнул, что посидит под замком!

– Ну и ладно, освободишь завтра...

– Я-то крикнул, а митрополичьи люди все сразу сделали. Получается, я его посадил?! – Кажется, Дмитрий даже не расслышал жениных слов. Потом, правда, сообразил, невесело усмехнулся: – Я у него прощения просить не стану. Иначе он всем расскажет, каков московский князь!

– А что делать станешь? Не держать же его под замком вечно.

Князь тяжело вздохнул:

– Не знаю...

Он уже высказал самое наболевшее, стало легче, накатила страшная усталость, сразу захотелось обо всем забыть и провалиться в глубокий сон. А назавтра, проснувшись, обнаружить, что все как-то само собой разрешилось. Женина рука стала привычно гладить курчавые черные волосы, успокаивая и умиротворяя. Умела Евдокия уговорить горячий необузданный нрав своего мужа.

Он снова положил руку на ее большой круглый живот и вдруг почувствовал, как дите толкнулось, потом еще.

– Дуня, оно толкается!

– Ага, и сильно! Знать, мальчик будет.

– Сын... – счастливо протянул молодой князь, засыпая. А Евдокия долго лежала, размышляя.

Она старалась не вмешиваться в дела мужа, редко что спрашивала, но он, видно, чтобы найти утешение и успокоение от дневных забот, часто сам рассказывал обо всем важном. Особенно когда жаркие объятия стали невозможны. Мамка Ильинишна ворчала, что и вовсе князю бы в горницу к жене нельзя, но Дмитрий только приходил поговорить и поспать, никогда не вредил плоду. Он уже настолько привык проверять на жене задумки, свои мысли, что не представлял, как можно заснуть, не пересказав Дуне свои печали и заботы.

Князь заснул, а княгиня до третьих петухов думала, что теперь будет. Дмитрий поступил неразумно, слов нет. И звать-то тверского князя в Москву не стоило, но если уж позвали, то под замок сажать просто нельзя! По-настоящему, Михаил Александрович ей дядька, его жена княгиня тоже Евдокия – сестра Дмитрия Константиновича. Тетку Дуня помнила плохо, видела только, когда сама была совсем мала. А у князя Михаила сестра замужем за литовским Ольгердом, вот и кличет чуть что тверской князь зятя на подмогу.

Одна такая подмога дорого обошлась Москве, по сей день на посадке много где горелые бревна вместо домов. А что теперь будет? Неужто и правда митрополит виноват? Он Митей руководит, это все знают. Небось сказал Михаил Александрович про это что обидное, Дмитрий и вспылит, крикнет про замок и стражу, а вышел вон какой конфуз!

Да конфуз ли? Скорее беда. Получается, что Алексей позволил княжьей ярости показаться, вроде не он, а Митя виноват. Виноват, конечно, спору нет, мог бы и подумать, прежде чем грозить. В несдержанности всегда корила, только он все понимает, а все рано горячится. Нрав таков, не переделать.

Но сделанного не вернуть. Жаль, не спросила, где сидит-то опальный князь, хоть не в холодную отправили? Конечно, на Руси и не такое бывало, резали и травили друг дружку и более близкие родственники. Но это их грех, а сейчас приходилось думать о собственном. Евдокия уже не разделяла себя и мужа, его беду считала своей, его грех своим грехом.

А еще княгиня думала о митрополите. Она, как и все вокруг, хорошо видела, что митрополит радеет не обо всей Руси, а прежде всего о Москве. Для самой Москвы это хорошо, а для других? Обвиняя тверского епископа Федора в попустительстве более сильному князю, Алексей делал то же, но еще заметней! Хорошо ли это для Дмитрия? Найдутся те, кто скажет, что князь потому и силен, что сидит за митрополичьей спиной. Хотя, что найдутся, уже гово-

рят! Но за митрополитом московское боярство, а они сила... И Алексею даже дядя Василь Васильич Вельяминов, московский тысяцкий, супротив слова не скажет.

К утру она была полна решимости помочь мужу во что бы то ни стало. Сама пойдет к митрополиту, уговорит выпустить тверского князя.

Но помочь сразу не удалось, митрополит куда-то уехал, словно боялся чьего-то гнева. Шли день за днем, тверичи сидели под замками в разных местах, а Дмитрий не мог придумать, как быть. Евдокия уже предложила самой сходить к Михаилу Александровичу и просить прощенья. Князь фыркнул, точно рассерженный кот:

– Станешь еще ты за меня расхлебывать!

– Стану! – заверила жена, но сделать это ей не позволили.

И вдруг в какой-то день к ней бочком подошел дьяк Паныша, зашептал, точно по секрету:

– На Москве трое ордынцев знатных объявились. Коли про князя Михаила Лександрыча прознают, осерчать могут!

Знал кому говорить, Дмитрий от митрополита подальше держится, точно чувствует, что тот втянул его во что-то нехорошее. Кому, как не жене, сказать? Ночная кукушка дневную всегда перекукует, а всем известно, что молодой князь к своей княгине прислушивается.

Вечером Евдокия действительно попыталась передать новость мужу. Дмитрий кивнул:

– Про то ведаю. Послы эти от темника ордынского Мамай, что под собой все держит и ханов меняет чаще, чем порты грязные. Тютеша, Карача и Ояндар, вот имена-то, и не выговоришь сразу! Сегодня отдыхают, а завтра беседу вести будут. Что я им скажу?

– Митя, коли строго спросят, так и выпустить придется.

– Вот позора-то будет!

Не спали и ордынцы. Послам уже донесли о самоуправстве московского князя, и теперь они ломали голову, как быть. Мамай отправил на переговоры с Москвой, но главное – посмотреть, насколько она стала сильна. Только подплыв к новому Кремлю, послы уже поняли, что очень. То, что они увидели на берегу у слияния двух рек, сразу показало, что эту крепость с налета не возьмешь. А если Москва сильна, да еще и Тверь под себя подомнет, да с Литвой договорится, то в эту сторону и глянуть будет нельзя, не то что дань требовать!

Чтобы замирить послов, для них сразу забили лошадь, сварили, как полагалось (нашелся свой татарин-умелец), всячески угождали, но вопросов это не снимало. И решили послы к утру, что вражда между Москвой и Тверью много выгодней, чем Тверь, стоящая под Москвой. А для этого надо было выпустить беспокойного тверского князя. Судьба самого Михаила Александровича им была безразлична, напротив, они с удовольствием посмотрели бы, как один русский режет горло другому. Такое в Орде бывало, и тоже между тверским и московским князьями, только наоборот – тверской Александр чуть не зубами загрыз московского Юрия, после чего погиб и сам.

Забава, конечно, хороша, но Мамай строго спросит, почему не посеяли вражду между князьями, если была на то причина? Карача уже выведал, что в Твери другого сильного князя нет, значит, надо выпустить этого.

Так и пришлось сделать: ордынцы объявили, что споры между князьями волен решать не московский митрополит или князь, а только хан! Михаила Александровича заставили пообещать не выступать против Москвы, сделать уступки Еремею и отпустили. Ордынцы усмехались глупости русских: ну кто же станет держаться обещаний, данных под стражей?!

Князь Михаил Александрович не собирался этого делать! Если митрополит не сдержал своего слова, то ему, сидевшему в неведении о своей судьбе, тем паче можно. Добравшись до дома, он первым делом выгнал вон из удела многострадального Еремея и разогнал московских наместников из тех городов в Тверском княжестве, где их посадили за время его пленения.

И зря это сделал, потому что ордынцы уехали, увозя большие подарки, а сам Михаил Александрович теперь был для всех остальных нарушителем крестоцелования и его следовало покарать. Это означало, что никто из удельных князей на помощь Твери не придет, если Москва решит с ней расправиться. Надежда могла быть только на Ольгерда и свои собственные силы.

Дмитрий долго ждать не стал, он сразу припомнил все обиды, нанесенные предыдущим набегом Ольгерда, в котором кроме Твери участвовали и несколько мелких уделов. Поверив в свою силу, Москва решила наказать для начала тех, кто помогал Ольгерду с Михаилом. И уже летом 1369 года московские полки вышли на Смоленск, а затем на Брянск, чьи рати поживились на московских землях.

Когда русские рати потрепали Смоленские и Брянские земли, Михаил Тверской понял, что очередь за ним. И тогда в Москве снова появился необычный гость. Митрополит с изумлением лицезрел перед собой тверского епископа Федора. С чем приехал? А мира просить и дружбы с Москвой.

Но Алексей и Дмитрий хорошо понимали, что цена такой дружбы не больше заполошного вороньего крика, обиженному Михаилу Александровичу просто нужно время, чтобы силу скопить. Опешившему епископу так и было сказано. Алексей корил того, что не правду держит, а сторону сильнейшего. Федор едва сдержал невеселую усмешку: точно сам Алексей не то самое делает!

Но выговором епископу Москва не ограничилась, Дмитрий послал ответ, что мира с Тверью у него нет!

Посол вернулся скоро с сообщением, что тверской князь снова бежал в Литву к своему зятю. События двухлетней давности повторялись. Дмитрий с боярами поняли, что Ольгерд в беде своего родственника не оставит, а значит, снова литовские рати пойдут на московские земли.

Во все стороны помчались гонцы, собирая людей на рать, предупреждая о подходе Ольгерда. Князь не ошибся, так и случилось. На сей раз литовское войско было много большим, чем раньше, но Москва оказалась готова к наступлению. Взять налетом Волоколамск не удалось, Москва тоже привычно заперлась.

На сей раз писец, наклонив голову к плечу и от старания высунув язык, испачканный в чернилах, заносил в летопись события второй литовщины. Этому Семка был и сам свидетель. Второй раз Ольгердовы войска подошли к Москве и встали осадой. Но город заперся, уже привычно разорив собственный посад.

В самой Москве осталось не так много войска, только князь Дмитрий с семьей и митрополитом. Владимир Андреевич с полками стоял у Перемышля, позади остался не взятый Волоколамск, а со стороны Рязани шел со своим войском Олег Рязанский. Получались клещи, что грозило полным позором. Простояв без толку восемь дней, Ольгерд вдруг придумал выход. К воротам Москвы отправились послы с... предложением вечного мира. А еще гордый Ольгерд предлагал свою дочь в жены Владимиру Андреевичу!

И тут настал час Дмитрия. Князь ответил с насмешкой, что на вечный мир не согласен, но так уж и быть, потерпит полгода до Петрова дня. И чтоб Михаил Александрович тоже тому перемирию подчинился.

Старый Ольгерд скрипел зубами от такого своеволия московского мальчишки! Сознавать, что его ловко взяли в клещи двое молодых князей, было тяжело, но поделать ничего не мог. Так и ушли литовцы едва не на цыпочках, косясь на Москву и остальные войска. Победа была полной!

Михаил Александрович рвал и метал, он едва не заболел с досады. Всесильный князь Ольгерд, которого боялись все вокруг, сплоховал перед московскими молодыми князьями! И с Владимиром Андреевичем родниться собрался! На него больше не было никакой надежды. Придет Петров день, и что тогда станет делать Димитрий Московский? Ясно, как день – пойдет брать Тверь, и тот же самодовольный Ольгерд на помощь не придет, побоится.

Княгиня Евдокия Константиновна смотрела на мужа и дивилась:

– Миша, может и тебе помириться с Москвой? Признать ее верх, пусть уж главными будут?

– Дура! – грубо огрызнулся князь. – Как была клушей, так и осталась! Ничего в тебе княжеского нет! Все вы такие, что братец твой Дмитрий Нижегородский трус трусом, что Андрей померший был слонтяем, что Бориска тоже! Выгнали Димитрия из Владимира, прощенья попросил, Дуньку за этого щенка выдал! Выгнали Бориса из Нижнего – тоже снес все! Москве в глаза заглядывают!

Княгиня растерянно хлопала глазами, в них уже стояли слезы, чего страшно не любил Михаил Александрович. Он с досадой махнул рукой:

– Всех Москва под себя подомнет, а вы вот так глазами лупать будете!

И вдруг пришло страшное по своей сути и неожиданное решение:

– В Орду поеду! Ярлык просить!

Жена и вовсе всплеснула полными руками:

– Как же?! Где денег на подарки возьмешь? Ордынцы, слышно, много подарков требуют.

Она была права, но это не остановило Михаила Александровича. Он решил попросить денег у зятя и сестры, а потом вернуть. Для солидности взял с собой сына Ивана. Но зять встретил не слишком приветливо, надоели просьбы о помощи, к тому же Михаил Александрович был живым напоминанием о недавнем позоре считавшего себя непобедимым князя. Даже сына в Вильно Михаил не оставил, взял с собой к Мамаю.

Знать бы, чем это обернется! Никто из князей еще к Мамаю не ездил, что тому нравится, не знал. Хотя, чего гадать, любому ордынцу нравились богатые дары. Но вот как раз богатых даров у тверского князя и не было! То есть дары, конечно, были, но с прежними московскими в сравнение не шли. На что он надеялся? Наверное, только на везение...

Повезло лишь в том, что Михаил был первым из русских князей, кто приехал не просто в Орду, а к самому Мамаю.

Спор с Тверью

В Твери праздник – из Орды жив и невредим вернулся князь Михайло Александрович, да не один, а с ордынским послом Сарыходжой! И ярлык на великое княжение привез!

Радоваться бы, а княгиня ревмя ревет, да так, что подушки за день просыхать не успевают. Сын Иван Михайлович в залог у ордынских ростовщиков остался! Глядя на жену, Михаил Александрович временами и сам чувствовал себя предателем, но стоило вспомнить про дань, которую привезенный ярлык даст, успокаивался. Первый же год позволит не только Ивана из неволи выкупить, но и закрома пополнить. Недаром московский князь Иван Данилович Калита столько сил и подарков на этот ярлык тратил, любые траты после сторицей окупались!

В Твери давно знатных ордынцев не бывало, вокруг Сарыходжи суетились, старались угодить, только вот не знали как. Тот ходил важный, надутый, точно индюк, смотрел на всех свысока, хотя был роста небольшого. С князем обращался как со своим данником, говорил ему «ти» и пальцем тыкал. Но Михаил Александрович терпел, уговаривая себя: уж погоди, получу великое княжение, на всех отыграюсь, прежде всего на Москве заносчивой!

Только в том и была загвоздка, что ярлык привез, а в само Владимирское княжество не пускали! В него кроме как через Переяславльские земли из Твери не попадешь, а они князю московскому Дмитрию Ивановичу принадлежат. Выходит, у него разрешения просить надо? Но Михаил Александрович решил иначе: ничего просить не станет, сообщит, что теперь ярлык имеет, и вызовет москаля во Владимир. Неужто рискнет Дмитрий не подчиниться? Михаил Александрович не Дмитрий Константинович Нижегородский, он ярлык запросто из рук не выпустит!

Князь вышагивал по палате, сочиняя послание в Москву. Хотелось оскорбительней, но сдерживал себя, понимал, что пишет прежде всего митрополиту, его власть в Москве.

– Да! – вдруг резко обернулся к писцу Михаил Александрович. – И чтоб сам ехал на мое поставление во Владимир!

Инок вздрогнул, и с кончика дернувшегося пера на лист полетела капля чернил. Небольшая клякса, но весьма приметная. Князь заметил замешательство писца, глянул на запись, зарылся:

– Чтоб тебя!

Кляксу можно подсушить и потом соскоблить ножичком, но ждать, пока чернила высохнут, Михаил Александрович был не в состоянии, дернул головой:

– Раззява! Возьми другой лист!

Это нелепо, потому как теперь с пергамента, чтобы его снова использовать, вон сколько соскабливать придется, но княжья воля... Онфимий со вздохом развернул запасной пергамент. Князь рыкнул: «Посопи мне тут!», и встал над душой, наблюдая, как писец переносит буквы на другой лист.

Хуже нет что делать, когда из-за плеча пристально наблюдают, уже через некоторое время раздался новый окрик Михаила Александровича:

– Чего пишешь?! Чего пишешь, раззява?!

Так и есть, Онфимий от напряжения пропустил две буквы, вышла нелепость! Он поднял глаза на князя, робко предложил:

– Пушай посохнет, пока я остальное писать стану? После соскоблю и поправлю...

Князь снова заскрипел зубами: отправлять скобленное в Москву никак не хотелось, небось скажут, что грамотных писцов у него нету! Но другой пергамент еще принести надо, да снова все писать, мотнул головой:

– Возьми прежний! Если уж скрести, так маленькую кляксу...

Запечатывая свиток, Михаил Александрович с удовольствием думал о том, каково будет митрополиту венчать его на Владимирское княжение! И еще о том, что сразу потребует, чтобы митрополит во Владимире и жил, нечего в Москве отираться. А уж после, когда дань соберет и Мамай снова ублажит, так вовсе выпросит ярлык митрополичий кому другому. В Царьграде тоже нестроение, и там нужных людей подкупить можно...

Печать вдавливал особо тщательно, хорошо понимая, что ничего нового Москве не сообщил, у митрополита свои люди в Орде есть, давно весточку прислали, что ярлык теперь у Твери.

Инок Онфимий со слипающимися от усталости и напряжения глазами пробирался в свою келью. Хуже нет князю письма писать, нетерпелив больно, и за работой наблюдает пристально, а когда кто смотрит, легче легкого не ту буквицу вывести. Онфимию куда больше нравилось книги переписывать, старательно все выводить, красную строку украшать, чтоб красиво было и неспешно. И получалось так быстрее, не приходилось соскабливать или переделывать.

Но князю понадобился скорописец, и игумен отправил к нему Онфимия. Куда денешься – послушание, вот и корпел бедолага над письмами княжскими иногда, как сейчас, до поздней ночи. Инок вздохнул: на вечернюю трапезу давно опоздал, теперь останется голодным до завтра.

Но сосед по келье озаботился, на столе Онфимия ждали большой ломоть хлеба и ковшик кваса. Скучно, но и на том спасибо. Укладываясь на жестком ложе, инок размышлял, как бы отвертеться от работы у князя. Разве что клякс побольше ставить, чтоб другого запросил? Игумен так озлится, что вовсе до книг допускать не станет. Нет, это не годится... Придется Онфимию скрипеть пером, пока Михайло Александровичу самому не захочется его отпустить...

Стоило закрыть глаза, как перед ними вставали ровные ряды буквиц, Онфимий силился прочитать, но это не удавалось, он провалился в сон...

Михаил Александрович был прав, он еще из Орды не выехал, а в Москву уже гонец скакал к митрополиту Алексию.

Дмитрий сжал подлокотники кресла так, что побелели костяшки пальцев. Михаил Тверской его обошел, выпросил у мамаевского ставленника ярлык на великое княжение! Купил, подарил подарками!.. Разве так честно?! Молодой князь забыл, что не так уж давно сам это проделал с будущим тестем, сам покупал ярлык, кланяясь в Орде. Правда, был он в то время мальцом неразумным, и кланялись за него бояре да митрополит, но сути дела это не меняло.

И как может митрополит сидеть спокойно?! Скопив глаза на Алексия, Дмитрий заметил, что тот внимательно за ним наблюдает. Стало вдруг стыдно своей неразумной ярости. Сколько раз наставник внушал, что ярость – последний советчик в делах, что дед никогда ничего не делал сгоряча.

Митрополит действительно наблюдал, как бесится молодой князь от полученного известия. Будь это на людях, давно вмешался бы, ни к чему чужим видеть бессильную ярость правителя. Но они одни, а потому Алексей решил дать Дмитрию возможность самому перебороть себя. Пусть остынет, подумает, а уж если не справится, тогда можно и подсказать. Время терпит. Должен же он учиться делать все сам, митрополит немолод уж, восемь десятков лет на свете прожил, пора бы на покой.

Алексий вздохнул: как уйдешь, коли у этого крепыша ноги пока впереди головы бегут. Вон как подлокотник стиснул, пока остынет, таких дел натворить успеет... Нет, он еще нужен Дмитрию, а потому будет кряхтя тащить свой воз, пока Господь разум не отнял или к себе не забрал. Ох, грехи наши тяжкие... – снова вздохнул митрополит.

Дмитрий уже остыл и стал способен соображать. Ну и что теперь делать? Князь Михаил обратно с ордынским послом возвращаться будет. Может и его, и посла?.. Алексей отрицательно покачал головой. Князь и сам понимал, что не годится. Михаила Александровича ему не простит Ольгерд, родственники как-никак. А посла – тот же Мамай, сегодня казнишь или

под стражу посадишь, а завтра здесь Мамаевы войска встанут, убийство посла никогда не произошло.

Вот и получается, что приедет тверской князь с ярлыком и сядет во Владимире, станет Дмитрия к себе звать, насмехаться. Но митрополит смотрел внимательно, значит, выход есть? Алексей его знает, но хочет, чтобы князь сам догадался?

Когда Дмитрий Константинович во Владимире сел, его просто выгнали оттуда. Но тверской князь не нижегородский, его не прогонишь запросто, да и тот же Ольгерд неподалеку, небось снова брату своей любимой женушки помогать примчится. Выгнать не получится... А не пустить?

У князя загорелись глаза. Путь во Владимир лежит только через его Переяславльские земли! Кто может пройти через его земли без позволения хозяина?

Алексий кивнул: умница... Дальше?

Но посла не пускать нельзя, обида Мамаю будет. Так пусть посол и едет, его задерживать не станем. Что толку посол без самого князя во Владимире? А чтобы в Переяславле никто из бояр или черных людей перебежать не вздумал, с них надо сейчас, пока Михаил не вернулся, крестоцеловальную грамоту взять, чтобы к тверскому князю не шли и на свою землю не пускали!

Вот теперь Алексей кивнул с полным удовлетворением. Оставалось решить, что делать с послом.

– А мы ему путь заступать не станем. К нам приедет – примем как родного!

Наставник мог быть доволен – подопечный справился. Достойный продолжатель дедовых стараний будет, хитрый, расчетливый. Научиться только себя прежде сдерживать, и получится второй Иван Данилович Калита.

Вот этого не знал тверской князь Михаил Александрович, а потому полученный от Дмитрия ответ оказался совсем неожиданным. Московский князь коротко отписал, что к ярлыку не едет и его самого через свои земли не пустит! А послу ордынскому путь не заступает.

Теперь костяшки пальцев белели у Михаила Александровича. Было от чего! Это называется великий князь, которого в свои владения не пускают! А Сарыходже как на грех в Твери сидеть надоело, стал требовать, чтобы скорей во Владимир ехали, не то обратно в Орду возвращаться поздно будет.

Князь вышел на крыльцо и невольно залюбовался. Утро занималось лучше некуда, на Руси бабье лето иногда куда приятней настоящего. Ни жары, ни мошки, тепло и сухо, осень словно отступает на время, давая прошедшему лету напомнить о себе напоследок.

Но не успел князь сладко потянуться, как откуда-то сбоку возник боярин Иван Тимофеевич, что к Сарыходже приставлен. У Михаила Александровича сразу испортилось поднявшееся было настроение. Так и есть, заныл боярин:

– Михал Ляксандрыч, Христом богом тебя прошу, отвези ты его на охоту! Одолел ведь окаянный, все охотиться требует да чтоб как у себя дома – с соколами и загоном!

– Ну и сделай, что просит...

– Да где ж я соколиков возьму? Долго он еще тут мою душу мытарить будет? Когда в Орду-то?

Князь, за последние месяцы привыкший, что в Орде и стены имеют уши, осторожно оглянувшись, нет ли рядом самого посла или кого из его людей? Все может статься, Сарыходжа ленив, встает, когда солнце уже полнеба пробежать успеет, но его люди всегда начеку. Как бы не подслушали такие крамольные речи. Попенял боярину:

– Ты, Иван Тимофеевич, разговаривай осторожней, не ровен час кто из ордынцев услышит... А на охоту его на утиную свози, есть же кому позаботиться...

С досадой ворча, что на своем дворе и говорить уже с опаской нужно, Иван Тимофеевич поплелся разыскивать Михайлу, который занимался у князя охотой. Ответа на главный

вопрос, когда наконец уедет нежеланный гость, он так и не услышал. Боярин вздохнул: значит, нескоро...

Ловчий Михайло действительно занимался княжьей охотой. Два года назад у него были и сокольники с соколами, но одна из птиц от старости померла, а вторую свои же по дури стрелой подбили. Князю не до соколиной охоты, а потому и Михайло занимался утиной, то есть стал попросту утятником. Он знал множество затончиков, где птицу бить можно камнями, так много ее кормилось!

Но как разговаривать с ордынским послом, если сам Сарыходжа по-русски знает только «карашо» или «плех», а Михайло по-ордынски и того меньше? Не станешь же толмача срочно звать, чтобы сказать, что пригнуться надо, иначе птицу спугнешь прежде, чем близко подберешься. Михайло и так ему показывал, и этак!.. А посол только смотрит надменно и стоит, как стоял. Наконец понял, к чему русский руками размахивает, пригнулся, но совсем малость, а надо много ниже.

Снова Михайло руками показывал, а потом разозлился и пригнул голову посла. То ли от неожиданности, то ли рука у Михайлы оказалась тяжелая, только посол нырнул вниз лицом прямо в болотную грязь! И заорал так, точно его окунули не в воду, а в отхожее место на целый день.

Сарыходжу быстро подняли, отерли, отряхнули и увезли обратно на княжий двор. А Михайлу так выпороли, что три дня кряду только на животе лежать мог. Но как очухался, так и исчез куда-то. Князь разыскивать не стал, не до ловчего...

Пришедший в себя посол вспомнил о Владимире и потребовал ехать туда немедленно. Михайлу Александровичу надоело отговариваться, с досады взял да показал ответное письмо московского князя, мол, вот почему невозможно ехать! Посланные во Владимир для устройства венчания люди вернулись обратно – волок на Нерли перекрыт, не по воздуху же лететь, как птицам?..

Ждал, что посол осерчает на Москву, а тот вдруг увидел в письме свое – ему путь свободен! И тверской князь его совсем не интересовал. К полному неудовольствию Михаила Александровича и удовольствию боярина Ивана Тимофеевича Сарыходжа вдруг засобирался... в Москву, посмотреть на молодого князя Дмитрия Ивановича.

Это Дмитрий мог не пустить Михаила Александровича через свои земли во Владимир, а вот не пустить посла в Москву не мог никто, потому уехал Сарыходжа, как и пожелал. Впереди летел от него гонец, чтоб встречали и приняли с почетом.

И снова задумчив Дмитрий Иванович, да только теперь совсем по-другому. Посол вдруг в Москву наметил... Одарить придется, это понятно, а вот как развлекать? Но даром рядом с ним митрополит, кто-кто, а Алексей порядки ордынские знал хорошо. Послу только что не путь от границы Тверского княжества до Москвы коврами устлали, холили, лелеяли, ублажали, услаждали!.. И подарков-то надали, и на охоту соколиную повезли, как пожелал (подсказал бежавший в Москву Михайло), и девок самых красивых что ни ночь подсовывали!.. Антип, который, как и Иван Тимофеевич в Твери, за Сарыходжой ходил, даже попенял:

– Князь, этак он всех наших девок перепортит. А ну как по весне татарчата по двору пойдут? Куда девать станем?

Дмитрий в ответ хохотнул:

– Пушай, все прибавка в доме!

Столько на этого посла денег перевели!.. У того одно слово на языке: «карашо!» Уезжал довольный и обласканный, обещал в Орде за такого хорошего князя слово перед ханом молвить. Алексей вздохнул, глядя удалявшемуся каравану ладей:

– Пусть хоть не вредит, и то дело... Понял, Димитрий, что ласка делает? Учись, в Орде всякую минуту и со всеми так надо! Ты его одарил, похвалил, он против тебя слова не скажет, а

пожалеешь последнее – без головы остаться можно. – Внимательно приглядевшись к молодому князю, добавил: – Я это к тому, что и тебе по весне ехать следом придется. Посол послом, а к Мамаю самому подарки везти надо, не то и свой ярлык на Москву потеряешь. Не можем мы пока без Орды, не можем. А там Мамай силен, к нему надо. И поедешь один, я стар уже для такого!

Потому учил митрополит подопечного всю осень и зиму обычаям ордынским, языку их, рассказывал, кто кому сват или брат, кто с кем враждует. Но с этим трудно, во-первых, у ордынцев привязанности, что погода по весне, сто раз на дню меняются, а во-вторых, сам митрополит там давненько не был, многое не так. Неизменным осталось одно – любовь к подаркам и лести.

Этому предстояло научиться бесхитростному от природы Дмитрию, а еще сдержанности. У ордынцев лицо что твоя маска, никогда не догадаешься, о чем думает, надо, чтоб и по твоему ничего не прочитал. Только уважение и почитание. Можешь ненавидеть, можешь зубами скрипеть от желания вдавить сапогом его мерзкую рожу в землю и не дать подняться, но при этом на лице должна быть улыбка, а в глазах приветствие.

Лицемерие тяжелее всего давалось молодому князю, иногда хотелось все бросить и ни в какую Орду не ездить, а нельзя. Он не поедет, так ордынцы сами нагрянут. Вот когда понял заветы деда Дмитрий! Алексей рассказывал, как Иван Данилович своего сына учил, мол, быть хочется, а ты улыбайся, удавил бы поганца, а ты улыбайся, сердце кровью обливается, а ты улыбайся! Потому как без денег и улыбки не выкупишь русских пленников в Сараях, без лести мелким чиновникам не сможешь к хану даже приблизиться, без подарка хатуням не обольстишь самого хана...

Евдокия видела, как нелегко мужу, но чем могла помочь? Бесхитростная не меньше самого Дмитрия, она очень страдала, что ему придется льстить и лгать, улыбаться татам и гнуть выю перед ненавистными. Ох, тяжела ты, шапка Мономаха, и впрямь тяжела неподъемно!

Наступил день, когда было пора отправляться. Плыл Дмитрий не один и не в Сарай. По весне Мамай откочевывал в низовье Дона, а потому добираться решили туда. С Дмитрием отправился ростовский князь Андрей Федорович. Он уже бывал в Орде, но не как князь, ребенком, а не так давно, потому знал нынешних правителей и их окружение. Годился Дмитрию в отцы, был рассудителен, мог в нужную минуту дельное подсказать. Митрополит отправился проводить их по Москве-реке. Стар уже, не то сам бы поехал. Все наказывал и наказывал воспитаннику быть осторожней, зря словами не бросаться, думать, прежде чем сказать, пониже кланяться, денег на подарки не жалеть, бояре новые дадут...

Евдокия при прощании не плакала, но Дмитрий видел, что слезы близко стоят, только его расстраивать не хочет. Зато плакала маленькая Софья, ухватила за отцовский рукав, едва оторвали. Обещал диковины ордынские привезти... Евдокия головой покачала:

– Сам невредимым вернись, чай не к теще в гости едешь.

Князь долго тетешкал маленького Даниила, едва вставшего на ножки. Софья ревниво тянула отца к себе. Так весь вечер и провел – разрываясь между родными людьми. Но поутру уже было не до них – пора. Князь в себе не всегда волен, бывает, заботы так поглотят, что и к жене в светелку сходить некогда. Евдокия понимала, а потому не обижалась.

Глядя, как машет платочком со стены жена, Дмитрий в который уж раз подумал, как ему повезло с женьбой! Евдокия красива на зависть всем, что лицом, что статью, здорова, третье дите уже скоро родится. Княгиня детей тетешкала сама и кормила грудью тоже сама безо всяких кормилиц! А еще жена у него умна и терпелива, горячий нрав князя не всякий выдержит, смиряет себя только при митрополите и вот при ней, своей Дунюшке. Просто умеет Евдокия вовремя слов обидных не заметить или просто руку на его руку положить, и гнев разом проходит.

Дмитрий Иванович почувствовал, как сжимается сердце от любви и тоскливой мысли, что так долго любимой не будет рядом! С трудом взял себя в руки и порадовался тому, что

справился с собой. Ему еще многому учиться надо, чтобы противостоять сильным соперникам, надо научиться и сдерживаться, и отступать вовремя, и хитрить, и чувствовать чужую угрозу... Но все равно он не мыслил себя без княжьего престола, без этой самой шапки Мономаха. Он выдюжит, он всему выучится, все сможет, он сильный!

С таким твердым решением князь отправлялся в далекий путь, очаровывать сильного ордынского темника Мамай и его окружение. Иначе нельзя, иначе все, что завоевывали знаменитый дед Иван Калита, дядя Симеон Гордый, отец Иван Красный, митрополит Алексей и многие до них, пойдет прахом. И от него, молодого московского князя Дмитрия Ивановича, сейчас зависело, чтобы этого не случилось.

Время вставать против Орды еще не пришло, оно уже на подходе, в воздухе чувствуется, но пока рано. Ничего, будет еще в жизни Дмитрия Ивановича та самая битва меж Доном и Непрядвой на Куликовом поле, за которую его назовут Донским. А пока в Орду плыл послушный обаятельный русский богатырь московский князь Дмитрий с большими подарками, готовый просить у все сильного ордынского темника Мамай прощение за то, что не сразу прибыл поклониться... Прав был его дед Иван Калита – в драке и за грязную дубину схватишься, коли жизнь дорога.

Снова в Орду

По берегам тянулись безлюдные места. Это плавание было совсем непохоже на то, которое Дмитрий совершил в детстве с митрополитом по Волге. Там вокруг деревни и города, часто встречались рыбаки, купеческие ладьи. Здесь за целый день никого не увидишь, кроме лесных хозяев – медведей, волков, сохатых... А потом и вовсе потянулись степи, ровные, как большой стол, с травой выше конского брюха, с небольшими кустами вдоль речной кромки.

– Отчего люди-то не живут, места же хорошие?

– Жили, – вздохнул проводник, – да степняки всех либо истребили, либо в полон увели, либо бежать куда глаза глядят заставили...

Это было тяжело сознать – что попрятались русские в леса подальше оттого, что Степь покоя не дает. Что многие тысячи русских жизней оборвали ордынские мечи, столько продали на невольничьих рынках! Столько даже нерожденных загубили! А он, Дмитрий, едет к хозяину степи с подарками, будет улыбаться тому, чьей волей еще не одна тысяча русских поляжет!

Но пока Мамай сильнее, и чтобы он не отправил на Русь новых татей резать, жечь, угонять в полон, московский князь станет заглядывать ему в глаза, одаривать и просить. Кулаки Дмитрия сжимались: ничего, придет и наше время! Сбросим ярмо ордынское со своей шеи! Только для этого надо сначала Русь под себя взять, Орда потому и била, что все князья врозь. Один прутик сломать легче легкого, а сложи их вместе – не перегнешь даже.

В одном беда – не желают князья под Москву вставать, так и хотят быть отдельными прутиками и друг с дружкой воюют, ослабляя себя же. Чего бы Твери не смириться, признать Москву старшей и вместе давать всем отпор? Но нет, князь Михаил желает сам быть над Москвой. Дмитрий вдруг задумался: а он хотел бы пойти под Тверь? И понял, что нет. Но не потому, что горд излишне, а потому, что следом за Михаилом Тверским сверху сядет Ольгерд, и тогда Москва потеряет себя, как потерял Киев. Станет просто удельным княжеством под князем Литовским.

Нет уж! Не пойдет Русь под Литву, не бывать этому! Лучше Москва сама согнет под себя Тверь и встанет над остальными! Но князья и впрямь как прутики, без перевязки распадаются в стороны. Значит, надо взять крепкой рукой и против их воли. Не хотят добром, заставлю! – решил Дмитрий.

Но сначала надо замириться с Мамаем, не время его гнев на Москву навлекать.

Молодой князь неожиданно даже для себя вдруг оказался весьма разумным и хватким. Он не только сумел у всемогущего темника ярлыка для себя добыть, но и завязал с ним своеобразную дружбу. Всех одарил, всем понравился, со всеми подружился... Кто посмотрел со стороны, подивился бы ловкости и велеречивости обычно горячего, прямого и несдержанного Дмитрия. Проявилась дедова жилка, сумел, когда надо, взять себя в руки, переступить через не могу, скрыть истинные чувства. Да так, что обманулся опытный, хитрый Мамай!

– На охоту со мной пойдешь! – глаза темника смотрели насмешливо.

Дмитрий склонил голову с явно довольным видом:

– Всегда хотел посмотреть, как ты охотишься, хан.

Он словно невзначай то и дело называл Мамай ханом, прекрасно помня, что темник таким не был. И все понимали, что помнит, даже сам Мамай. Но у Дмитрия получалось как-то так легко и незаметно, что эта лесть уши не резала и была весьма приятной. Он вообще вел себя так, словно приехал к старшему родственнику учиться жизни.

Это ему подсказал Андрей Федорович.

– Знаешь, Дмитрий, коли не приглядываться к ним особо, то вполне ничего, терпеть можно. И поучиться у них есть чему, не зря под собой такие земли держат. И воины тоже сильные.

Князь прищурил глаза:

– Поучиться, говоришь? Значит, поучимся. А что пахнут дурно или едят дрянь всякую, так у каждого народа свои обычаи, я слышал, есть такие, что совсем сырое мясо едят. И пока мы у них просим, мы и зависим. Ничего, придет время, когда ни просить, ни слушать не станем!

В другой раз он задумчиво проговорил:

– Полезно присмотреться, что может сам Мамай и чего стоит. Врага надо знать лучше своего друга.

Князь вырослел на глазах, но в Орде вовсю старался показать себя мальчишкой, с восхищением внимающим опытному воину. Мамаю это очень нравилось. Темник много рассказывал, а Дмитрий расспрашивал и действительно с вниманием слушал, старался запоминать, учился, учился, учился... Сам того не подозревая, Мамай готовил своего соперника к будущей битве.

На охоту? Замечательно! Где еще в действии посмотреть знаменитую облаву ордынцев? Дмитрий стоял рядом с темником, держа лук наготове в ожидании, когда звери выскочат навстречу. Если промахнешься – опозоришься, но молодому князю удалось забыть о том, как посмотрят на него другие, он с удовольствием отдался самой охоте. Андрей Федорович, которого тоже взяли с собой, издали наблюдал, но не за Дмитрием, а за Мамаем. А тот наблюдал за князем. Ему даже понравился этот молодой (едва борода расти начала), по-юношески румяный и возбужденный русский богатырь.

Очень понравился князь Дмитрий и хатуням. С ними превращался в пылкого братца. Ростовский князь очень боялся, как бы женское внимание к красивому князю не сыграло с ним злую шутку. Но однажды услышал, как тот с юношеским пылом говорит Мамаю о том, что самые красивые женщины у него! И едва не попался в ханскую ловушку. Мамай усмехнулся:

– Возьмешь одну?

Тут Дмитрий показал, что не так уж он прост, развел руками:

– Моя вера не разрешает мне иметь столько жен, сколько у тебя, хан. А супруга у меня есть! И тоже красивая! И детки хороши, двое пока, скоро еще один будет.

Князь принялся с горящими глазами доверительно рассказывать Мамаю о своей семье, но рассказывал так, точно поведывал деду о внуках. Хвалился и ждал одобрения одновременно. Говорил о том, что первенец Данилка уже топает вовсю, а дочушка Софья синеглазая, как мать, и еще сына ждут, по всему видно, что сын будет... И Мамай растаял, смеясь, принялся говорить о своих детях.

На охоте у Дмитрия хватило ума не послать стрелу первым, уступить эту честь Мамаю. Зато после своей, точно попавшей в бок крупному оленю, заскакал молодым козликом, призывая Мамаю в свидетели:

– Попал! Издали попал!

И снова темник смотрел на него как на глупого мальчишку, неоперившегося птенца. Для себя Мамай решил, что поможет этому юнцу с едва устоявшимся голосом стать великим князем. Он глуп и восторжен, как все мальчишки, пусть пока поправит на Руси. А тому хитрому, но безденежному князю Твери объяснит, мол, я тебе и ярлык давал, и войско предлагал, но ты решил сам все сделать, вот и правь сам... чем сможешь.

Мамай с удовольствием думал о том, как приучит этого щенка есть с руки и лаять на других по его команде. Конечно, темник прекрасно понимал, что за Дмитрием стоит сила, иначе его давно уже заменили бы другим, и это тоже хорошо, слабая Москва ему не нужна, она не сможет собирать и возить большую дань, делать щедрые подарки. Пусть два князя – взрослый и юный – дерутся меж собой, пока они не вместе, Мамаю нечего бояться сильной

Руси, а с Литвой он как-нибудь разберется! Сумел же этот щенок справиться с литовским князем Ольгердом, значит, и он, сильный темник, тоже сумеет. Вот тогда ляжет вся Русь под него, тогда можно будет и генуэзцам, что в Кафе хозяйничают, свою волю диктовать, а не их слушать.

Воюйте, русские князья, бейте друг дружку, жгите соседские уделы, разоряйте соседские земли! Только не сильно, чтобы и на дань Орде доставалось. Мамай усмехнулся: Русь богата, как никакая другая земля, ее на все хватит!

Осенний ветер без усталости тащил по степи обрывки даже не желтой, а грязно-бурой травы, истоптанной тысячами ног и копыт. Он приносил запахи степных трав, горчила полынью и еще чем-то, чего князь не знал. Эта горечь приносила облегчение, потому что было уже невыносимо вдыхать скотский запах, вонь горящих кизяков, конского и людского пота.

Дон рядом, но ни одной бани на берегу, напротив, берег так загажен, перемешан множеством ног, что чистой воды близко не найдешь. Мыться поутру ходили далеко, Димитрий не мог обходиться поливанием из кувшина, ему хотелось вдоволь поплескаться, поплавать. Русские говорили, что в Сарае бани есть, да и сам князь вспоминал, что ходил мыться, когда там бывал. А здесь у Мамаю все временно, деревьев почти нет, ни рубить не из чего, ни топить нечем будет. Не топить же баньку кизяками?!

От одной мысли, что вместо банного духа будет вот этот, горелых кизяков, становилось мучительно, потому даже разговоров не заводили. И чего бы Мамаю не сделать ставку в более лесистом месте? Но ордынцы степняки, для них лес просто стена деревьев, им простор для глаза нужен. Когда ордынец вольно скачет или просто любит бескрайним морем трав, нет его счастливее. А что другому не к душе, так езжай в свои леса и сиди там, как медведь в берлоге.

Иногда поутру, окинув взглядом голубое бескрайнее степное небо и вольный простор, уходящий за горизонт безо всяких помех, понаблюдав за парящей высоко в этом чистом небе какой-нибудь птицей, князь начинал понимать их страсть к этим местам. Но только понимать, сам он все равно такого не принимал душой. В дубраву бы или хотя бы в осинничек, с их запахом прошлогодних прелых листьев, каплями с веток, норовящими непременно попасть за шиворот, синей вышиной неба с плывущими рядками пушистыми белыми облаками и солнцем не тускло-желтым от жары или пыли, а ярким, веселым...

Русскому человеку никогда не понять степи, как и степняку лесных дубрав. Каждому хорошо на родине, там, где жили его деды-прадеды, где родился сам.

Дмитрий лежал, закинув руки за голову, и думал о Евдокии. Он очень тосковал по жене, по ее ласковым теплым рукам, волосам, пахнущим травами, нежной коже, упругой девичьей груди... Тосковал по ее зову «донюшка», по разумным речам. Тосковал по детишкам. Как хорошо вечером, забыв обо всех угрозах и заботах, играть на пушистом ковре с маленьким Данилкой и крохой Соней, слышать их радостный визг и видеть счастливые глаза Дуни!..

Евдокия всегда стеснялась, даже родив двух детей, осталась точно девочкой, нежной и пугливой. Дрожала, как тростинка на ветру. Всякий раз, с самой первой ночи брал ее и боялся поломать. А потому был особо нежен и бережен. И она отвечала тем же.

Дмитрий не раз мысленно поблагодарил Миколу Вельяминова за учебу перед свадьбой, он сумел не причинить боли любимой, а потому остался для нее желанным. Сначала смущалась, а потом откликалась всем сердцем, всем телом на его ласки и тайные нашептывания в маленькое ушко. Дмитрий давно почувствовал, что Дуни нравятся эти охальные слова, хотя и сильно смущают. Он в первые же ночи сказал, что раз они одни, то нечего друг дружку бояться, но она все равно отворачивалась от его наготы и закрывала глаза, когда он любовался ею, гладил крепкую грудь, небольшой живот, стройные ноги...

Сердце сжало от нежности и тоски, на глаза просились слезы. Здесь в Орде он многое понял, в первую очередь, что он не может без своей семьи и без Руси! Никогда бы не смог жить вдали от них.

А еще, конечно, многое понял из хитростей, которым не мог или не хотел научить Алексей. Кое-что подсказал Андрей Федорович, до чего-то догадался сам. И все равно его очень тяготило пребывание в Орде. Скоро ли Мамай отпустит обратно? Попроситься уехать Дмитрий не может, пока не получен ярлык, да и хозяин может обидеться. Смешно, Мамай темник, это вроде русского воеводы, а хозяин. Он зять бывшего хана Бердибека, с отцом которого Джанибеком дружил Иван Данилович Калита. Мамай не чингизид, ему не быть ханом Белой Орды, но его дети могут такими стать, потому что по матери чингизиды.

Мамай должен знать, что такое любить детей. Однажды Дмитрий это уже использовал, нужно повторить. Сообразив, как сделать, князь принялся жаловаться хатуням, как скучает по своим малым детям, тоскует по своей семье. О Евдокии вспоминать не стал, никакой женщине, даже если она чужая жена, не приятно, когда говорят о другой. И при хане тоже несколько раз повторил про детей. Кажется, Мамай понял, только как поступит?

В шатер заглянул боярин Андрей Федорович:

– Не спишь ли, Дмитрий?

Князь поднялся, опустил ноги с невысокого ложа:

– Нет, входи, Андрей Федорович. Скучно очень и по семье тоскую...

– Я к тебе по делу. – Приблизился, заговорил потише. – У хана гость один есть, то ли гость, то ли пленник, и не знаю как сказать, только для нас может стать очень полезным.

– Кто?

Боярин снова с опаской прислушался к звукам за стенкой шатра и еще тише добавил:

– Сын Михайлы Лександрыча Тверского Иван!

– Кто?! – взвился Дмитрий. – Как он сюда попал?!

– С отцом в прошлом году приехал.

У Дмитрия упало сердце. Мамай держит Ивана Тверского уже год! Может, и с ним так поступит?! Но незаметно, чтобы новость испугала Андрея Федоровича. К чему бы?

– Не просто так сидит княжич в Орде, отец его в залог оставил.

– Как это?

– А то ты не ведаешь, как в залог отдают? Вернет Михаил Александрович деньги, которые тут должен, поедет Иван домой.

– А нет?

– Тогда и будет здесь жить, сколько Мамай пожелает. А надоест, и прирежут как барана.

– Господи, сохрани и помилуй! – перекрестился Дмитрий, с ужасом косясь на выход из шатра. Все казалось, что сейчас и за ним придут забирать в полон. А боярин продолжал:

– Я разведаль, сколько Михаил Лександрыч должен остался. Полтмы серебром.

– Это ж огромные деньги! – ахнул князь.

– Вот то-то и оно! Откуда тверскому князю взять, коли он все на войну с тобой тратит?

– И что ж делать?

Дмитрий понимал, что уехать, оставив пусть и очень дальнего, но родича в Орде, он не сможет. Но и у самого таких деньжищ не было. Когда вспоминал о всех неприятностях, принесенных отцом пленного княжича, от злости сжимались кулаки. Посад по сей день не весь восстановлен, разора столько на Московской земле, обобрали с Ольгердом Московское княжество до нитки!

– Я с купцами поговорил, для тебя деньги найдутся.

Дмитрий сокрушенно покачал головой:

– А отдавать с чего? У меня дома тоже негусто, сам знаешь.

– Выкупишь у Мамайки княжича Ивана, привезешь в Москву, а там с отца и потребуешь, да с прибавой...

Князь уставился на боярина, широко раскрыв глаза. Вот как мыслят умные люди, не то что он, глупец! Как научиться так соображать? Или для этого век прожить надо? Но многие жизнь проживут, и вот такой хватки не имеют, а другие смолodu сообразительны.

Мамай необычной просьбе подивился, но по его лицу мало что можно понять. Дмитрий уже знал, что остановившийся внимательный взгляд означает то самое удивление. Ого, а этот русский щенок схватчив! Это даже хорошо, пусть покрепче сцепятся меж собой! Пусть подрастающий молодой волчонок схватит за горло одного за другим сильных волков в Твери и Литве. А он, Мамай, поможет хватке не ослабнуть! Темнику определенно нравился этот юнец!

Знал бы Мамай, что растит себе погибель, что юнец только выглядит глупым щенком, тычущимся в ноги хозяину, а в мыслях у него совсем другое, что его глаза уже давно высмотрели многое тайное в Орде, а голова придумала многое супротив «благодетеля». Как ни скрывал Мамай, а князь понял, чего больше всего боится всесильный темник. Единства русских князей он боится! Верно, волк собак стережется, знает, в чем погибель!

Но ни словом, ни взглядом молодой князь не показал хитроумному Мамаю, что понял его страхи, знает слабые места. Зачем выдавать, какой же охотник станет шуметь, выходя на медведя? Разбудить раньше времени можно, а особенно пока ты у него в берлоге. Вот и подтягивал Дмитрий для вида, зато все вышло как задумал, даже лучше. Про Ивана и не ведали, а с собой забрали. Не в цепи закованным, но под охраной, чтоб не утек раньше времени. Будет чем с отцом торговаться.

Мамай цену заломил большую, чем отцу называл, но Андрей Федорович помог и такие деньги достать. И снова успокаивал:

– Ничего, князь Михайло больше даст, только чтобы сына у тебя не держать! С прибытком будешь.

Когда Дмитрий вернулся в Москву с ярлыком и таким пленником, даже у родовитых, опытных бояр рты раскрылись. Ай да князь! Ну и ухарь! Такого учить – только портить!

Самого Дмитрия интересовало совсем другое – зимой у Евдокии родился сын! Счастливый отец тискал маленького Василия до тех пор, пока тот не заревел во весь голос, едва потом успокоили. И Данилка заметно подрос, и Софья тоже.

Ночью, устав от горячих объятий, Дмитрий вдруг стал рассказывать жене, как тосковал по ней и детям, как мечтал обнять свою любушку, расцеловать малышей. Та в ответ, смущаясь, рассказала, как переживала, что найдет Митя там себе черноглазую красавицу и забудет свою Дуню...

– Да как ты могла только подумать такое?! Мне никто не нужен, одна ты! На всю жизнь одна!

– И ты у меня тоже! – жарко прижалась к мужу Евдокия. Он трепетной рукой крепче обнял такое родное и желанное тело. Никогда раньше сама не прижималась, на ласку отвечала, но первой не звала.

Евдокия родит мужу двенадцать детей, двое из них умрут – первенец Данила и еще один сын, Семен. Отцовским наследником станет тот самый Василий, что родился, пока отец Мамай перехитрить старался. Последнего ребенка княгиня родит за несколько дней до смерти мужа.

Вспоминая свою жизнь с Дмитрием Ивановичем, она скажет, что мало имела спокойных деньков. Верно, жизнь князя в XIV веке спокойствием не отличалась, и Евдокии пришлось хлебнуть рядом с мужем многое. Но одного она, похоже, не знала – супружеской измены и нелюбви. Как и обещал, Дмитрий Иванович, по отзывам современников, был хорошим и верным мужем и прекрасным отцом. А великую княгиню Евдокию всегда славили как лучшую мать и жену.

И через много веков после смерти великую княгиню Евдокию, ставшую в иночестве **Ефросиньей Московской**, потомки назовут **женским лицом Москвы!**

И еще одно приятное известие ждало Дмитрия Ивановича дома. Литовский князь Ольгерд видно и впрямь решил замирился с Москвой, предложил свою дочь Елену за Владимира Андреевича и слово свое сдержал.

Литовская княжна Елена даже крестилась, взяв имя Евпраксия. Дмитрий смотрел на брата и не мог поверить глазам: за время его отсутствия Владимир окреп окончательно, стал рослым красавцем с большими глазами, курчавой бородкой и благородной статью.

Вспомнив собственную свадьбу и учебу перед ней, он решил открыто поговорить с братом. Тот подивился:

– Учеба? Дмитрий, да я давно девок порчу, что ты! И с женой совладаю.

Князь развел руками:

– Я женился дурак дураком...

– Тебе сколько лет было? А мне сколько? Мне уж восемнадцать.

– Когда ты и повзрослел-то?

– А то некогда! – рассмеялся младший князь.

Он был первым, кому Дмитрий рассказал свои ордынские заметки. С Дуней не до Мамаю, хотя та и спрашивала, а митрополиту почему-то не хотелось говорить все. Свежо еще в памяти, как стоял дураком, покраснев больше вареного рака, когда выпускали пленного Михаила Александровича. Конечно, не рассказывать не мог, но говорил не все, оставлял и себе.

А еще чаще стал поступать по-своему. Это быстро заметили и бояре, потому как князь на думе сидел, беседы вел, вроде прислушивался, но делал не всегда так, как советовали. Началось с мелочей, но все важное в жизни начинается с мелочей.

Прошел еще год, но князь Ольгерд успокаиваться не собирался, как и Михаил Тверской. И снова собиралась литовская рать, снова присоединялась к ней тверская. Тем паче что совсем недавно Михаил Александрович под Торжком разгромил наголову ушкуйников, пытавшихся защищать дружественный Новгороду город.

Но на сей раз беспокойных князей ждало неприятное открытие: молодой князь стал сообразительным не только в отношениях с Ордой, но и в делах ратных! Ольгерд не успел дойти до стен Кремля, московские войска остановили его далеко от Москвы. Мало того, Дмитрий не мешкая напал на сторожевой полк Ольгерда, заставив отступить за глубокий овраг. Они так и простояли несколько дней, но в бой так и не вступили, разошлись родичи-враги мирно, и больше Ольгерд в русские пределы не ходил. Грабил помаленьку граничные городки да веси, не без того, но о Москве забыл, ее стены остались для Литвы на несколько столетий запечатанными.

Жаль, что сыну **Ягайле** не наказал крепость русского соседа не испытывать. Этот князь родился в том же 1350 году, что и Дмитрий, и был ровесником не только ему, но и еще одному литовину, сыгравшему заметную роль в русской истории, – **Витовту**. Оба они не раз попробуют на зуб русские рубежи, будут то ратиться, то мириться с Москвой. Оба попытаются породниться, но свою дочь Софью Дмитрий не выдаст за сына Ягайло, а вот сын **Василий** женится на дочери Витовта, тоже **Софье**. И их внук **Иван III Васильевич** сбросит ордынское иго с Руси, а праправнук **Иван IV Васильевич Грозный** будет без конца воевать с Литвой. А потом наступит то самое **Смутное время**...

Это будет уже конец **Великой Руси** и начало не менее великой **России**.

Нестроение церковное

Константинопольский патриарх Филофей морщась слушал монаха, читавшего послание Великого литовского князя Ольгерда. Тот привычно уже жаловался на митрополита Алексия: «По твоему благословию митрополит и донныне благословляет их на пролитие крови. И при отцах наших не бывало таких митрополитов, каков сей митрополит! Благословляет москвитян на пролитие крови, – и ни к нам не приходит, ни в Киев не наезжает. И кто поцелует крест ко мне и убежит к ним, митрополит снимает с него крестное целование. Бывает ли такое дело на свете, чтобы снимать крестное целование?!»

Такое послание получил патриарх Филофей от литовского князя Ольгерда.

Как же не хотелось Филофею разбираться с этими русскими! Когда в предыдущее свое патриаршество ставил Алексия на митрополию по совету покойного Феогноста, ведь столько времени на него извел, столько бесед неспешных прошло, все выдержал Алексей. Сумел убедить, что станет единым блюстителем веры православной для всей Руси. Потому и держали его тогда почти год в Константинополе, что не верили, что боярский сын из Москвы будет радеть о тех же Киеве или Вильно!

Так и вышло, Алексей, будучи митрополитом, думал только о Московском и тех княжествах, которые были при нем. Тогда ему наперевес в Киеве и Литве поставили Романа, Алексей даже приезжал с Романом переговаривать, но князь Ольгерд посадил московского митрополита под замок, едва тому удалось бежать. Роман помер, и снова остался на Руси один митрополит – Алексей. И снова он не о единстве заботится, а о нужных ему княжествах, с Тверью все время враждует, на князя и епископа епитимью строгую наложил, самого князя и вовсе под замком держал, правда, не таким, как его самого в Киеве, но все равно...

Филофей вздохнул: теперь вон снова разбираться придется, потому как Ольгерд настаивает. А там тверской князь, небось, пожалуется...

Не успел подумать, как ему поднесли и вторую грамоту, присланную теперь архимандритом тверским Феодосием. Понятно, что Тверь с Ольгердом заодно, но негоже, чтобы на митрополита жалобы шли одна за другой! И ведь справедливо жалуются, так и не стал Алексей митрополитом для всех, его Русь – это то, что вокруг Москвы. Хитрый литовец предлагал поделить митрополию, оставив за Алексием те земли, в которых тот радеет. Это отрывало бы от Москвы многое.

Так началось церковное нестроение на Руси, которое сопровождало все время правления Дмитрия Ивановича. В нем было все: и одновременно назначенные два митрополита; и заточение Алексия в узилище; и метания Киприана, тоже назначенного митрополитом при живом Алексии, его сидение в холодной по воле Дмитрия Ивановича; и отлучение тверского князя; и неожиданные смерти претендентов на митрополичью кафедру; и многочисленные подкупы, за что один из митрополитов Пимен попадет в ссылку в далекую Чухлому, а потом будет возвращен обратно; будет «сумасшедший поп Денис» и его загадочная смерть после утверждения митрополитом...

В общем, не везло Руси конца XIV века с митрополитами, хоть плачь! Для описания всех перипетий потребовалась бы отдельная книга.

Но все эти годы у Руси был свой, не подвластный Византии с ее без конца меняющимися патриархами, духовный наставник – игумен Троицкого монастыря в Радонеже Сергей. Могло меняться сколько угодно митрополитов, греков ли, русских или болгар, авторитет Сергея Радонежского оставался на Руси непререкаемым. Одно слово старца часто делало больше, чем десятки лет войн и вражды. В трудное, очень трудное время для Руси Сергей был одним из светочей надежды для измученных людей, причем неважно, князь это или смерд.

Обида

Сидели уже давно, пиво и меды лились рекой... Постепенно хмель развязал языки настолько, что принялись вспоминать давние года.

Тимофей Васильевич в очередной раз приложился к большому кубку и, пьяно размахивая руками, вдруг стал рассказывать, как ездили в Нижний Новгород смотреть будущую невесту князю Дмитрию.

– А и хороши обе сестры были!.. Как вышли княжны, так и... ик! Так и зашлись сердца у молодых боярских сынков!

Дмитрий пока смеялся не столько над словами, сколько над пьяненьким видом немолодого уж боярина. У самого князя мысли никак не желали собираться в кучку, они расплзались в разные стороны, как тараканы. Свое бессилие тоже смешило.

Микола Вельяминов, нутром почувствовав надвигающуюся неприятность, пытался заставить дядю замолчать. Но это не удавалось, Тимофей Васильевич разошелся вовсю. Он стал изображать, как вплыли в палату нижегородские княжны. Шатаясь, окольныйчик сделал несколько шагов от двери к столу, ноги его держали плохо, и вместо девичьей стати вышли пьяные зигзаги. Это привело компанию в совершенный восторг.

Микола подхватил дядю под локоть и силой потащил обратно к столу, яростно шепча на ухо:

– Молчи! Тимофей Васильич, молчи!

Но пьяному море по колено, заартачился, выгнулся дугой, стараясь отбиться от племянника:

– Отстань! Сейчас все расскажу! Все!

И Тимофей Васильевич снова зашелся пьяным счастливым смехом. Микола обратил внимание на то, как прищурились глаза брата Ивана, тот сидел трезвый, точно и не пил вовсе. Остальные, и Дмитрий тоже, были пьяны по-настоящему.

– Ага, только вошли княжны, как наши Васильичи... ой... наши Васильичи так и стали их п... – дядя снова икнул, глотнул еще из кубка и продолжил: – поедом есть! Ха-ха! Микола, тот с Марией своей так переглядывался, точно она уже его невеста! И княжна с него глаз не сводила...

Если сейчас дядя скажет, что Иван не сводил глаз с Евдокии, быть скандалу! Неужели Иван этого не понимает?! – ахнул Микола. Но старший брат сидел, все так же спокойно и даже жестко глядя на молодого князя. Что он делает?! Чтобы не дать Тимофею Васильевичу договорить ненужное, Микола и сам залился смехом:

– Но ведь хороша же была Мария?! Хороша? И ловко я тогда с ее старшим братом договорился, чтоб за меня старшую сестру сосватали? Скажи, ловко?

Встретившись глазами с Иваном, понял, что нажил себе недруга. Хотелось крикнуть: дурак, тебя же спасаю!

Тимофей Васильевич на уловки не поддавался, он твердо вознамерился рассказать всему свету, как понравились обе сестры.

– Ага! А Ванька-то, Ванька!.. Как впился глазами в Евдокию, думал, съест ее там же! – Тимофей Васильич показал, как желал схватить и съесть старший брат Евдокию. – Ужо вогнал девку в краску! Глаза загорелись, дыханье сперло... И то, такой красавец в нее миглом втюрился! – Размахивая руками и едва не падая с лавки, Вельяминов орал: – Но я нет! Я сразу решил – Евдокия князю дадена, неча на нее пялиться! – Руки окольныйчего выделявали непонятные пассы, пытаясь договорить то, что не мог пьяный язык.

Микола в ужасе перевел взгляд на Дмитрия. С того, казалось, ветром сдуло весь хмель, князь начал медленно краснеть, глаза наливались гневом, а кулаки медленно сжимались. Это

не сулило Ивану Вельяминову ничего хорошего. Глаза самого виновника княжьей злости, напротив, смотрели насмешливо, с вызовом.

Тимофей Васильевич, не понимая, что роет большущую яму под племянника, склонился к князю, дыша в лицо выпитым, настойчиво внушал:

– Я тебе княжну Евдокию придержал! Верно сделал, а? Хороша женка?

Дмитрий не выдержал, встал, рот зло дергался, ходуном ходили желваки, а что сказать, и не знал. Зло отшвырнул стоявший на самом краю стола кубок, отмахнулся от не понявшего своей оплошности Тимофея Васильевича и бросился из палаты вон. Вельяминов, ошарашенно моргая, смотрел ему вслед:

– Чегой-то он? Я же сказал: ему! А Ваньке не-ет... не Ва-аньке...

Микола крякнул с досадой:

– Просил же тебя молчать! Чего натворил-то?

– А чего? Правду сказал, что Ванька на княжну пялился... – Тимофей Васильевич, кажется, начал понимать, что наговорил чего-то не того.

– И к чему была твоя правда?!

Дмитрий влетел в палату, где Евдокия сидела за пятами, а малыши играли на толстом пушистом ковре. Оглянувшись на распахнутую рывком дверь, княгиня обомлела. Таким мужа она не видела никогда, даже если страшно на кого-то злился, то перед приходом к ней и малышам старался сдержаться.

– Что случилось?! – Евдокия растерянно поднялась с места. А девки, почуяв недоброе, мышками шмыгнули в дверь. Только одна осталась подле Данилки. Дмитрий метнул на нее бешеный взгляд:

– Пошла прочь!

Теперь и эта девка бросилась вон. Уже понимая, что зол Дмитрий на нее, Евдокия положила клубок с колен в большую корзинку и выпрямилась. Никакой вины за собой она не чувствовала, а потому была спокойна.

Но почему-то именно эта спокойная стать жены привела от вида мирной семейной картины уже начавшего остывать Дмитрия в бешенство. Его глаза просто сверкали.

– На тебя Иван Вельяминов пялился?!

– Что? – ничего не понимая, распахнула синие глаза княгиня. Она забыла, когда и видела Ивана Васильевича, разве на именинах Маши, но и сам Дмитрий там был, и Иван не пялился. О смотринах перед сватовством она уже не помнила совершенно, столько лет прошло.

– На смотринах, когда они с Тимофеем Васильичем приезжали, глазел?!

– Окстись, Митя! То смотрины были, и сам Тимофей Васильевич тоже глазел. Вогнали нас с Машей в краску.

Дмитрий довольно усмехнулся, прошел, сел на лавку, расставив ноги и упершись ладонями в колени. Но это была усмешка аспиды перед жертвой. Ничего не понимающая Евдокия стояла, растерянно держа в руках обрывок нити от вышивки.

– А ты на него глазела?!

– Ты что, Митя? Я и глаз долу не поднимала, стыдно было.

– А откуда же знаешь, что они на тебя смотрели? – Дмитрия уже понесло, закусил удила. Он никогда не кричал на жену и никогда вообще не разговаривал с ней грубо, а теперь словно выплескивал все давно скопившееся. Но не на Евдокию, а на Ивана. Князь не слышал слов жены, он слышал только самого себя. Снова встал и горько рассмеялся:

– Конечно, Иван был стройным, красивым, не то что я – толстый и неуклюжий! Конечно, он тебе нравился больше...

Будь слова не столь резкими, Евдокия заметила бы горечь, сквозившую в них, но и ее захлестнула волна обиды за несправедливое обвинение. Княгиня окончательно выпрямилась, глаза сверкнули, как тогда, в ответ на неумное внимание Ивана Вельяминова.

– Князь Дмитрий Иванович! Ни на кого я не смотрела и тебе верная жена и мать твоих детей!

В эту минуту маленькая Соня, словно почуяв неладное, вдруг заревела во все горло. Данилка тоже захлопал глазами, готовый поддержать сестренку. Забыв о взбешенном муже, Евдокия бросилась к детям. Это дало возможность Дмитрию выйти вон.

В глубине души он понимал, что даже если Иван и пилился на Евдокию в Нижнем Новгороде, то вины самой княгини в этом нет. Но его душила злость на свое тогдашнее бессилие. Попробовал бы сейчас посмотреть! Теперь Дмитрий и ростом высок, и статен, и обличьем хорош, и в воинской науке Ивану не уступит. А тогда был просто мальчишкой перед ним, вот и все!

Почему-то не думалось, что обидел Дуню. Все затмила своя обида. Горячий и несдержанный Дмитрий быстро остывал, а потому скоро забыл о своих недобрых словах. Казалось, что такого, ну вспылит, ну накричал, пройдет...

И все же велел постелить в своих покоях. Но обида все равно не отступала. Разжигая сам себя, Дмитрий день за днем вспоминал детство, каждую обиду, причиненную молодым красавцем Иваном Вельяминовым. Конечно, он тогда был неуклюжим увальнем, но мог же Микола ему помогать, а Иван насмеялся! Но самой страшной обидой было вот это внимание к его невесте! Князь забыл о том, что Евдокия тогда не была его невестой и ему могли сосватать Машу. Сейчас казалось, что Иван Вельяминов посягал на самое дорогое – Дуню и деток! За это Дмитрий мог и горло перегрызть.

На следующий день с утра к нему пришел Василий Васильевич Вельяминов. Долго мялся, потом пробасил смущенно:

– Дмитрий Иванович, там братец мой вчера наговорил лишнего... Ты уж не сердчай на него, а? Глупости наболтал.

Дмитрий невесело усмехнулся:

– Правду сказал. То, что княгиня твоему старшему нравится, я и сам видел.

Он успел многое передумать, вспомнил и то, что Иван поглядывал на Евдокию и тут, в Москве. Не подумал только об одном – сама княгиня не обращала на боярского сына никакого внимания.

На том и разошлись...

Вечером, когда Дмитрий явился-таки в покои супруги, Евдокия стояла на коленях перед образами. Князь присел на лавку, ожидая, когда жена закончит молитву. Она перекрестилась последний раз, встала, молча отвесила мужу низкий поклон и уселась перед пятами вышивать начатый для монастыря воздух.

Такого еще не бывало, обычно Дуня принималась расспрашивать его, очень ли устал, чем занимался, не болит ли чего. Опешивший князь окликнул:

– Дуня... ты не заболела ли?

– Нет, Дмитрий Иванович, здорова. И дети здоровы, слава богу.

И снова ни лишнего слова, ни взгляда. И только тут до Дмитрия дошло, что она сильно обижена, смутился:

– Ты обиделась вроде?

– Я не вольна обижаться, князь Дмитрий Иванович.

Дмитрия снова повело: как же она не понимает, что даже подозрения, что Иван Вельяминов мог интересоваться его женой, уже обидны?!

– А что, неправду сказал?!

Она даже не встала, просто повернула в его сторону красивую голову, строго глянула синими, как васильки, глазами и спокойно ответила:

– Если Иван Васильевич и смотрел на меня, то моей вины в том нет! Я верная жена и мать, Дмитрий Иванович.

– Престань меня звать Дмитрием Ивановичем! Я Митя! Митя, поняла?!

Его рука грубо повернула жену от пял к себе, глаза впились взглядом в ее лицо, щека дергалась от возбуждения и злости. Теперь злость уже была на самого себя, на то, что обижает жену и не может остановиться, а такая злость самая злая, тяжелее всех проходит.

И снова встретил спокойный взгляд Евдокии, она держалась с достоинством.

– Как велишь, Дмитрий Иванович.

Несколько мгновений длилось это противостояние, еще чуть, и Дмитрий просто пал бы на колени перед женой, но этого чуть и не хватило, взял верх упрямый норов. Князь, едва не зарывав, бросился вон. Евдокия медленно опустилась на свое место и вдруг горько зарыдала, уткнувшись лицом в сомкнутые ладони. Обида на несправедливое обвинение душила княгиню. При этом о давнишнем виновнике княжьего гнева Иване Вельяминове она даже не вспоминала.

Неровный в настроении Дмитрий не раз уже обижал жену, даже не замечая этого, но чтоб так...

К великой княгине пришла сестра боярыня Мария Вельяминова. Маша на сносях, движется уточкой, лицо рябое, но все равно хороша. Сестры из тех женщин, которых беременность только красит, хотя куда уж краше...

Дождалась, пока отосланная хозяйкой девка шмыгнет прочь, под села ближе, вроде как вышивку разглядеть, зашептала почти на ухо:

– Мне Микола сказал... Тебя Дмитрий Иванович обидел, да?

– Откуда Микола знает? – чуть растерялась Евдокия.

– Он рассказал, как Тимофей Васильич разного наболтал спяну... А Дмитрий загорелся, ровно солома на ветру. Микола уж и так дяде рот затыкал, и этак! Но пьяного ж не остановить, сболтнул, что Иван Васильич на тебя пялился. – Маше было стыдно, что муж не сумел удержать разговорчивого дядю.

– Вот откуда ветер дует... – усмехнулась Евдокия. – Но ни Микола, ни Тимофей Васильич не виноваты, и Иван не виноват. Кем мы тогда были? Просто княжнами суздальскими, всякий мог смотреть.

Голос и вид сестры очень не понравился Маше, она внимательней присмотрелась:

– Да ты не в тяжести ли?!

Дуня кивнула:

– Только не доношу, болит все внутри, огнем жжет. Худо мне, Маша...

Та едва успела подхватить падавшую сестру, закричала, вскочили девки, помогли уложить Евдокию на постель, забежали с водой, притираниями... А княгиня вдруг схватила Марию за руку, тяжело дыша, попросила:

– Если что, пригляди за детьми, Маша...

Мария вдруг увидела смертельную бледность сестрино лица и алую кровь, заливавшую простыни под ней!

– Я тебе помру!

Глаза Евдокии закатились, а ее старшая сестра заорала не своим голосом:

– Да повитуху же скорей!!!

Дмитрий зашел к митрополиту. Алексею уже исполнилось восемьдесят, он с тоской все больше ощущал свою старость и телесную немощь, а еще то, что не может, как прежде, влиять на молодого князя. А надо бы!

Подойдя под благословение, Дмитрий уже по тому, как глянул на него Алексей, понял, что тот все знает. Почему-то взяла злость, что ж теперь, о каждом шаге отчет давать?! И снова злился не на Дуню, перед ней было очень стыдно, даже не на Ивана, того просто ненавидел, и уже давно, а на самого себя, что не может справиться.

– Пошто княгиню обидел?

– Донесли уже! Шагу сделать не волен...

Договорить не успел, митрополит взъярился:

– Да, не волен! Я тебе про то еще по пути в Орду твердил. Мы с тобой всегда на виду, живем, точно не в своих хоробах, а на площади! Ты слово скажешь, его сотню раз переврут и по всей Москве разнесут!

Дмитрий молчал, понимая, что старец прав. Чуть поостыв, Алексей все же продолжил:

– Вины Евдокии в том нет и быть не могло! У тебя жена, Димитрий, каких по всей Руси не сыскать!

– Что делать-то?

– Наломал дров... У жены за то, что сомнением ее оскорбил, прощенье проси на коленях! Она добрая, простит.

– Я не подозревал ее ни в чем...

– А словом высказал?

Князь сокрушенно кивнул. Но договорить не успели, в келью заглянул служка:

– Владыка, к князю Дмитрию Ивановичу прислали сказать: княгиня помирает...

– Что?! – Служка отлетел к стене, сбитый с ног метнувшимся на двор князем. Митрополит вслед покачал головой:

– Натворил дел...

Евдокия лежала бледная, неживая, вытянув руки вдоль тела, глаза закрыты, губы синие... Из соседней комнаты доносился плач Машиного ребенка, родила с перепугу раньше времени. Спешно приведенная повитуха едва успевала от одной сестры к другой.

Великая княгиня выкинула мальчика, а ее сестра родила очередную девочку.

Дмитрий опустился на колени рядом с ложем, тронул холодную бессильную руку, взял в свои, стараясь согреть. Пальцы чуть дрогнули, выдавая жизнь в этом ослабшем теле.

– Дуня, Дунюшка, не умирай! Любая моя! Я все за тебя отдам, только не умирай!

Он целовал ее маленькую, безвольную сейчас руку, стараясь от себя, своими горячими губами вдохнуть в нее жизнь. В комнату, шатаясь, вошла Мария, тихо попросила:

– Дмитрий Иванович, выйди, нам ее посмотреть надобно...

– Я тут посижу, в сторонке...

– Выйди, негоже даже мужу такое видеть...

Выйдя в соседнюю комнату, Дмитрий ждал, бессмысленно пялясь на цветные стеклышки окна. Немного погодя от Евдокии вышла девка, неся окровавленные простыни.

– Что?!

Девка только пожала плечами. Князь метнулся обратно в комнату. Евдокия снова лежала пластом, едва дыша.

– Что, Маша?

– Не знаю, Дмитрий Иванович, выдюжит ли? Слаба очень, крови много вытекло...

Три дня и три ночи он не отходил от постели жены, только отворачивался и стоял, уставившись в окно, пока меняли простыни, потом снова брал ее руку в свою и уговаривал, уговаривал не оставлять его с детьми одних, не бросать.

– Как же мы без тебя, родная?

Рыдали все, кто это видел и слышал. И от злой болезни княгини, и от откровенного горя ее мужа. А ему было все равно, разнесут ли люди по всей Москве, что он стоит на коленях и плачет над умирающей любимой.

Ей приподнимали голову, осторожно вливали туда питье, и было непонятно, слышит ли, чувствует ли что-то...

На третий день Дмитрию показалось, что пальцы под его губами дрогнули! Он впился газами в лицо жены:

– Дунюшка! Ты слышишь меня?! Дуня!

Та с трудом разлепила спекшиеся губы, голос едва слышен:

– Не... кри...чи...

Евдокия шла на поправку очень медленно, а первым, что она попросила, было привести детей. Не в силах еще пошевелиться, смотрела на своих малышей, и скупая слезинка покати-лась из-под ресниц.

Когда жене стало уже заметно лучше, так и просиживавший подле нее все время князь тихо попросил:

– Простишь ли ты меня когда-нибудь? Прости, Дуня, большей дури, чем та, за всю жизнь не говорил!

Вместо ответа Евдокия долго смотрела на мужа, потом ее пальцы слегка погладили его густые черные волосы, как она делала всегда, когда хотела приласкать. Дмитрий зарыдал, уткнувшись ей в руку.

Мария решила поговорить с зятем жестко, но не о глупом поведении, а о том, что... Как вот только сказать? Маялась, маялась и вдруг вспомнила, что лучше ее собственного мужа Миколы этого никто не сделает! Они же с князем дружны с давних лет!

Младший Вельяминов тоже долго мялся перед Дмитрием, пока не решился посоветовать, мол, с княгиней теперь осторожно надо. Потому что больна очень. Погодить бы, пару годков чтоб без родов... К его удивлению князь кивнул:

– Сам о том думал.

Но долго заниматься семейными невзгодами не пришлось, быстро закрутили другие дела. Князь есть князь, своя семья не на первом месте. Поэтому, как только Евдокия пошла на поправку, Дмитрий Иванович поневоле вернулся к делам княжества.

Друзья

Никита и Семка в Москве почти не виделись, каждый был занят своим делом, но почти одновременно у обоих произошла смена хозяев.

В жаркий летний день, когда над Москвой повисла невыносимая духота и всем не хватало воздуха, Савелий вдруг тяжело задышал, рванул на себе ворот и пополз по стенке, разевая рот, как рыба без воды. Семка метнулся к своему учителю:

– Что с тобой?!

Тот едва успел прохрипеть:

– Во...ды!..

А подать воду уже не успели, дернулся еще раз и помер. Конечно, Савелий и раньше жару плохо переносил, сердце заходило, а теперь так подавно, возраст уже немалый...

Похоронили бедолагу, вернулся Семка в келью и стал думать, что теперь делать. Секретарю митрополита Леонтию он почему-то пришелся не по нутру, писцом держали только из-за Савелия. Да и то не писцом, а так, помощником. Куда теперь деваться?

Была у Семки мечта стать богомазом, но для этого надо постриг принять, а к монастырской жизни у него душа не лежала. Оставалось искать себе другое пристанище. Конечно, пока его никто не гнал, но долго ли продержат, коли никому не нужен? Хотел к самому Алексию сходить, попросить чего, но тот недужен, стар уже митрополит, до Семки ли ему?

Остался пока жить в келье Савелия, помогать писцам перья чинить да чернила разводить. В трапезной кормили как прежде, ничего не спрашивали, но переписывать уже ничего не давали, одними перышками и занимался.

Однажды после вечерней трапезы он увидел Никиту. Было заметно, что и приятель не очень весел. Семка подошел, спросил, тот только рукой махнул:

– А! Выйди, как стемнеет, за крыльцо, скажу чего.

Семка вышел. Никита был также хмур, снова махнул рукой:

– У нас келарь сменился, поедом ест. И то не по нему, и это!.. Уйти бы да куда? Ты-то как?

– А так же, как ты! – усмехнулся Семка. – Савелий помер, теперь вроде никому не нужен.

Думал было к митрополиту сходить...

– Недужен он, не до нас.

Они сидели у заднего крыльца, стараясь, чтоб никто не заметил. Если увидят, что без дела, немедля найдут что неприятное. И вдруг из палат вывалились двое. Им явно было уж очень худо, то ли перепили, то ли съели что-то. По виду бояре, но животом мучаются и князья, не то бояре!

Один стащил второго вниз и пристроил в стороне:

– Пальцы в рот засунь, облегчи утробу!

Но едва успел договорить, как тут же пришлось выполнять совет самому. Ловкий Никита, оказавшийся рядом, подскочил, поддержал. Семке пришлось взяться за первого.

Опорожнив утробу, тот, которого держал Семка, прохрипел:

– У Свибла что съели дурное, не иначе!..

Второй кивнул и снова перегнулся пополам от рвущего внутренности позыва.

Чуть очухавшись, один из бедолаг поинтересовался:

– Ты кто?

Никита живо ответил, стараясь не смотреть на лужу под ногами:

– Я Никита, а это вот Семка.

– Чьи?

– А, почитай, ничьи!

– Как это?

- Были у митрополита, так теперь не нужны оказались.
- Боярин попытался махнуть рукой, но получилось плохо:
- Неважно. Отвести домой можешь?
- Могу! – с удовольствием согласился Никита.
- А он?
- И он может.

Семка хотел сказать, что скоро закроют двери и в келью не пустят, но Никита замахал на него руками:

- Может, может!
- Пошли.

Так оказались приятели подле братьев Вельяминовых, Никита у Ивана Васильевича, а Семка рядом с Миколой Васильевичем. И тому, и другому понравилось. Молодые бояре действительно потравились рыбой в тот день и еще несколько дней воротили нос от всякой еды, но потом все наладилось.

Никита сразу оказался нужен в поварне, его опыт монастырской трапезной пригодился. А Семке и того лучше, с начитанным отроком с удовольствием общался и молодой боярин Микола Васильевич, и его жена Мария Дмитриевна. Узнав, что боярыня еще и родная сестра великой княгини, Семен совсем загордился.

Это неожиданное знакомство приведет одного из них вслед за хозяином на Кучково поле, а другого на Куликово, но и до того, и до другого оставался еще не один год.

Время от времени приятели встречались, Никита всегда хвастался своим хозяином, мол, Иван Васильевич скоро тысяцким на Москве станет, а тысяцкий ух и сила!.. Самому князю поперек слово молвить может запросто! Тем более такой, как Иван Васильевич Вельяминов. Мало что Вельяминовы бояре самые сильные, но Иван Васильевич отцовское место получит!

Семка смеялся:

- Я тоже у Вельяминова! А ты хвастаешь, точно доверенный боярский.
- Почти... – хитро блеснул глазами Никита, а потом под страшным секретом поведал, что посылают его иногда к купцам иноземным, к Некоматке Сурожанину по делу... Но только об этом молчать надо. Страшная тайна!
- Ежели тайна, так чего ж ты болтаешь?
- Я только тебе, а ты молчи!
- Ты лучше мне своих тайн не выбалтывай, ни к чему мне они.

По крышам и окнам без устали барабанит дождь, который уже день ветер тащит со стороны тучи и выливает их на город. Под ногами лужи, земля не успевает просыхать.

Семка выскочил во двор и, перепрыгивая через лужи, припустил к конюшне. Надо посмотреть коня Миколы Васильича, вчера перековали, чего-то нервничал... Конечно, там есть конюх и кузнец у боярина хороший, но парень все равно побежал смотреть. В доме тошно, у всех горе – седмицу назад помер московский тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов.

Никто и не помнил, сколько лет Вельяминовы во главе московского ополчения. Было время, правда, сгоняли их еще при прежнем князе Иване Красном. Сел тогда на это место Алексей Босоволков Хвост, да недолго усидел, убили. С помощью Вельяминовых или нет – неведомо. Вот и теперь Иван Васильевич тысяцким станет. В этом не сомневался никто. Кому ж, как не ему, отцовскую должность держать?

Семен вспомнил, как вчера Никита болтал, мол, теперь Иван Васильевич всю Москву под себя возьмет и князя по-своему делать заставит.

- Что делать?
- А все! Потому как за Иваном Вельяминовым не только черный московский люд стоит, но и купцы вон сурожские! А у них деньжищ!.. Что грязи по осени.

Грязи этой осенью было и впрямь немало, едва ноги выволакивали. Ежели купцы столько богаты, то все купить могут. Но Семка по поводу князя был не согласен, он слышал, как отзывался о Дмитрие Ивановиче Микола Вельяминов, мол, горяч, своенравен, но умен и в ратном деле спор великий князь. Как таким крутить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.